

Сергей
Иванов

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ВИЗАНТИЙСКОМУ СТАМБУЛУ
И ОКРЕСТНОСТЯМ**

Москва, 2011

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ	74
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	74
НАПРОТИВ СЛЕПЫХ.....	74
СВЯТАЯ СОФИЯ	74
БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ.....	74
АКРОПОЛЬ	74
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.....	74
ЮГО-ВОСТОК	74
СЕВЕРО-ВОСТОК	74
СЕВЕРО-ЗАПАД.....	74
ЮГО-ЗАПАД.....	74
ВЛАХЕРНЫ	74
КАХРИЕ ДЖАМИ.....	74
ФЕОДОСИЕВЫ СТЕНЫ	74
БОСФОР, ГАЛАТА И ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА.....	74

ЗАПАД.....	74
ВОСТОК	74
ЮГ	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	74
РАСПИСАНИЕ РАБОТЫ МУЗЕЕВ.....	74
СЛОВАРИК СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ.....	74
ПРАВИВШИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ ИМПЕРАТОРЫ	74
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ.....	74
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	74

УДК 9
ББК 6
И20

Из
Фо
Худ
Ан
Ив
И2
2010. — 232 с.
ISBN 978-5-98652-351-4

С этим путеводителем в руках вы сможете увидеть такие достопримечательности, которые не упоминаются в обычных гайдах по Стамбулу: найдете церковь IV в. в автомеханической мастерской, коридор древнего монастыря в нынешней дворничьей и дворцовые подземелья в магазине ковров. Эта книга приведет вас к романтическим византийским руинам на необитаемых островах Принцева архипелага и к прекрасно сохранившимся храмам на Мраморном море, где нет толп туристов. Но даже в Св.Софии вам покажут что-то, чего не видит большинство зевак. В этой книге каждый памятник увиден глазами самих византийцев, которые здесь жили, молились, скандалили, убивали и любили друг друга. Константинополь — это не только чинность, застылость и благочестие. Это еще карнавалы, рынки, ворожба, адюльтеры, дружеские попойки, воровские шайки, людская низость, человеческое благородство и вообще — жизнь. Вы не только окажетесь на месте византийской школы, но и узнаете, чему здесь учили и как списывали; вас не только приведут к константинопольской больнице, но и в подробностях живописуют, как и от чего здесь лечили. Занимательность рассказа сочетается в этой книге с изложением новейших научных гипотез.

УДК 9
ББК 63
ISBN 9

Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина

Предисловие

Заговорщики переоделись в священническое платье. Кинжалы — под мышкой. Затесались среди толпы клириков, собравшейся затемно перед Слоновыми воротами. В третью стражу ночи вместе со всеми проникли в Большой дворец. Чиновник папий, в чью обязанность входило обыскивать посетителей, сам состоял в заговоре, так что проблем не возникло. Кстати, после этой истории священнослужителей начали оставлять во Дворце на ночь. А тогда, 26 декабря 820 г., убийцы вместе с причтом вступили в дворцовую церковь Богородицы Фаросской, где началась ранняя служба.

Современники расходятся во мнениях: одни утверждают, что голос у императора Льва V был красивый, другие — что грубый. Но как бы то ни было, властитель был на литургии и пел, стоя рядом с хором. И с убийцами.

На него бросились, когда закончился гимн “Отрешили страстью Всевышнего”. Сперва Льва перепутали с архиереем — по случаю мороза оба были в одинаковых шапках, островерхих и войлочных, вот киллеры и обознались. Священник обнажил голову, и своей лысиной, как язвительно замечает хронист, спас себе жизнь. Император кинулся к алтарю и, схватив цепь с кадиллом, стал ею защищаться. Он был храбрым воином — но убийцы оказались ловчее.

Где в точности находились Слоновые ворота? Где Фаросская церковь? Ни того ни другого мы не знаем.

Каждый год 25 октября студенты юридической школы совершали веселую процессию в храм своих святых покровителей. Вот как пишет об этом празднике один поэт: *“Дети шли триумфальным шествием через Город в храм Маркиана и Мартирия. Кто-то обрядился в женскую одежду, некто, будучи бедняком, облачается в порфиру, а на голову надевает корону. Те, кого сегодня я видел в роскошных одеждах, завтра явятся совершенно грязными и оборванными”*. Законник же, напротив, возмущается: *“На праздник святых нотариусов те, кто учит детей нотариальному делу, совершают непотребные вещи и шествуют через площадь в сценических масках”*.

Где находилась церковь Маркиана и Мартирия? Какая площадь имеется в виду? Исследователи дают не просто разные ответы, но помещают храм в противоположных концах Константинополя. И это обычная ситуация для наших знаний о Городе.

Есть множество дворцов, фонтанов, площадей, гостиниц, статуй, проспектов, больниц и обелисков, которые фигурируют в источниках, подчас во многих, а где они находились — неизвестно вовсе. Мы знаем названия нескольких сотен византийских храмов — а отождествлению поддается пара десятков.

Удивляться тут нечему — столица византийцев исчезла с лица земли. Нет больше Константинополя. На его месте находится другой город, столица новой страны, другого народа и иной цивилизации. Над волнами османского моря кое-где торчат лишь вершины затопленного византийского материка.

Византийские сооружения в Стамбуле наперечет. Их примерно 80. Но самое обидное, что многие из них, подчас весьма впечатляющие, не поддаются отождествлению. То есть памятники стоят, а как они назывались и чем вообще были, — неизвестно. Таких мне особенно жалко: у них получилось пережить потоп, но не удалось сохранить память о себе.

Перед вами — не путеводитель по Стамбулу и не пособие по истории Византии. Я предлагаю читателю книгу, которую можно

читать, даже и не отправляясь в путешествие, — но которую, в общем, стоит взять с собой, гуляя по Городу, если интересуешься его византийским прошлым. Я подчеркиваю еще раз, чтобы не вызывать потом разочарований, что ниже не будет ни слова ни про великолепные османские памятники Стамбула (многие из которых — и сами вполне средневековые), ни про современную жизнь мегаполиса. Здесь нет советов, в каких гостиницах останавливаться (отели упоминаются, только если стоят на руинах), в каких ресторанах обедать (если эти рестораны не оборудованы в византийских помещениях) и в каких магазинах что покупать. Отдельный, очень щемящий рассказ мог бы получиться о русском, “белогвардейском” Стамбуле. Или о греческом. Но православные святыни Города упоминаются в путеводителе лишь в тех случаях, если они могут с достаточными основаниями подозреваться в византийском происхождении или похвастаться средневековыми остатками. Разумеется, почти в каждой новогреческой церкви, даже построенной в XX в., вам с гордостью покажут якобы византийские иконы, но я включаю упоминания только о тех, чья древность так или иначе засвидетельствована учеными. У нас — путеводитель исключительно по византийскому Константинополю.

Я люблю “вкусные” истории и буду рассказывать их вам так, как они донесены в источниках. Пусть иногда они покажутся вам слишком анекдотичными или недостаточно средневековыми — прошу поверить, что все до мельчайшей детали взято из византийских документов, писем, исторических сочинений, стихов, памфлетов и житий. Все факты я старался выверять по источникам и самой новейшей научной литературе, а желающие могут перепроверить их по прилагаемой в конце каждой главы библиографии.

Перед вами — очень специфический путеводитель, но все-таки это именно путеводитель, то есть он приводит конкретным путем к конкретным памятникам и рассказывает про них по возможности все. На объекты, от которых не осталось ничего, я позволяю себе отвлекаться лишь в тех случаях, когда точно известно, где именно они находились.

Традиция рассказывать истории, связанные с историческими памятниками, возле самих этих памятников восходит еще к Античности — зубоскал Лукиан замечает, что, кабы не подобные байки, гиды померли бы с голоду. В самом Константинополе эта традиция к восьмому столетию оформилась в особый литературный жанр. Судя по тому, что одни и те же сюжеты, зафиксированные сначала по-гречески, воспроизводятся потом в рассказах средневековых туристов, записанных по-латыни, по-арабски, по-славянски, — константинопольские гиды без работы не сидели.

Путеводитель этот зародился из моего чувства, которое я сам называю “историческим сентиментализмом”. Острое волнение неизменно вызывает у меня мысль о том, что нечто произошло вот на этом именно месте. Как будто в здешнем воздухе еще не отзвучали те голоса, словно в этой воде по-прежнему отражаются давно умершие люди. Несколько невразумительных, заросших лопухами кирпичей способны вызвать во мне бурю эмоций, стоит убедиться в том, что они — свидетели исторических событий. Видимо, я такой не один. Как написал в своей книге о великом Городе Орхан Памук, *“стамбульские развалины рождают доставляющую эстетическое наслаждение мимолетную иллюзию, что прошлое все еще может жить в настоящем”*.

Я — паломник истории.

Сызмальства меня мучительно волновали древние надписи на незнакомых языках — мне всегда казалось, что подобный текст не может не сообщать чего-то очень важного. Ожидая такого же чувства в читателе, я буду неизменно переводить для него все то, что еще осталось начертанным на стенах и камнях Константинополя.

Кроме того, мне нравится всюду залезать и забираться — всеми забытая и брошенная руина милее моему сердцу, чем вылизанная и музеефицированная. Мне кажется, что связь с прошлым у первой крепче. К сожалению или к счастью, но Турция — это вам (пока) не Европа. Неоприходованных развалин — полно. Здесь в храме четвертого века может располагаться авторемонтная мастерская. Здесь почти ничего не огорожено и не снабжено никакими предостерегающими надписями — осторожно, мол, не влезать. Карабкайся не хочу! Здесь древние камни буквально ра-

стут из-под земли — ведь культурный слой прибавляется по сантиметру в год. Как тут не вспомнить старую османскую легенду, согласно которой основатель Города Бузантин устроил во всех домах подземные этажи, чтобы люди могли там прятаться. Вот почему, трогательно поясняет легенда, в нашем Стамбуле где ни копнешь — наталкиваешься на остатки построек.

Отдельная глава в возможном исследовании Царьграда — это резервуары для воды, и к этой теме мы будем возвращаться постоянно. Константинополь — из редких метрополий, не стоящих ни на какой реке. Воду доставляли по акведукам и хранили в цистернах (пусть никто не представляет себе их в виде металлических емкостей). Самые главные государственные резервуары располагались на поверхности, но бесчисленное их множество было скрыто под землей. Нередко цистерны — единственное, но точное свидетельство об очертаниях тех церквей и дворцов, для которых их копали, они — как задержавшиеся тени от исчезнувших предметов. Многие из них впали в безвестность уже в византийское время: есть легенда VI в., как один бож отблагодарил императора Тиверия за его нищелюбие, указав на забытую (и, заметим, высохшую) цистерну, в которой полководец Нарсес спрятал неисчислимы сокровища. Не будем спрашивать себя, почему бож сам не воспользовался богатствами, лучше подивимся тому, что подземные резервуары уже тогда воспринимались людьми как эдакий загадочный “сезам”. В отличие от древнеримских, византийские цистерны часто украшены, словно дворцы, хотя эти пространства и не предназначались ни для чьих глаз. Лишь некоторые из них официально доступны, будучи музеями, ресторанами или танцполами, большинство же пребывает в небрежении. На сегодняшний день в Городе найдено примерно 150 подземных резервуаров, от гигантских до самых крохотных. Их все время обнаруживают, затеявая новые стройки, и очень часто вновь засыпают. Залезать в резервуары интересно, хотя и довольно рискованно: ведь многие из них используются под складские помещения или служат обиталищем божей, потомков того, Тивериева. Иные находятся в аварийном состоянии, так что посещать их действительно опасно (не говорите потом, что я вас не предупредил!). По-

лазав по этим пыльным помещениям, не слышавшим человеческого голоса иногда с византийских времен, ты понимаешь, что Византия не исчезла — она просто ушла в подполье.

Разумеется, доступность руин в Константинополе весьма относительна: множество памятников оказывается на территории военных баз или просто частных владений. Большинство развалин продолжает потихоньку гибнуть, о чем свидетельствует тот же Памук: *“Потеряв всякое представление о значении слова “история”, жители города растаскивают камни из городских стен, чтобы использовать их для собственных построек, или подновляют их с помощью бетона”*. Кое-что исчезло совсем недавно: ведь Стамбул переживает неслыханный рост урбанизма, и руины чужой цивилизации оказываются первой и легкой жертвой. Прекратили существование хорошо известные и прекрасно описанные византийские памятники, например Теклу Деде. Какие-то объекты, которые в свой первый приезд в Стамбул я еще видел собственными глазами, уже исчезли, так что надо спешить. К тому же византийское прошлое, как ничто другое, является заложником политической конъюнктуры. Нельзя забывать, что во время греческих погромов 1955 г. нападением толпы подверглись две единственные византийские церкви, которые никогда не были мечетями: Мария Монгольская и Св. Ирина (всего же пострадало около 90 православных храмов). Еще сравнительно недавно, после прихода к власти в Городе партии исламистов, высокопоставленные чиновники заявляли, что туркам не нужен “византийский Стамбул” и что давно пора снести Феодосиевы стены, окружающие центр Города. Правда, поскольку Турция стремится в Европу, в 2003 г. муниципальные власти приняли программу защиты памятников. Но всегда ли будет так?

Полезно помнить: то, что для нас — византийское прошлое, для турок часто — исламское настоящее. Входя в мечеть, не забывайте снимать обувь, а дамы — еще и покрывать головы. Некоторые церкви Константинополя теперь находятся в фундаменталистских районах, где не диво увидеть женщин, завернутых в черное до самых глаз. Особенно это относится к северо-западной части Стамбула. Постарайтесь не оскорбить чьих-либо чувств из-

лишним любопытством. В бывшие византийские церкви, ставшие мечетями, надо приходить или непосредственно перед намазом, или, лучше, сразу после него. Во время молитвы ходить по храму неприлично, а в остальное время он бывает попросту заперт. Конечно, если речь идет о знаменитом памятнике, то часто где-нибудь поблизости можно обнаружить имама с ключом, который за небольшое пожертвование на мечеть отопрет вам двери. Но рассчитывать на это, как на что-то гарантированное, не стоит. Лучше узнать в своей гостинице расписание намазов или составить его для себя самому — по крикам муэдзинов, от которых не спрячешься ни в одном районе Города. Вообще же местные жители чрезвычайно гостеприимны и очень часто готовы совершенно безвозмездно вести вас далеко, если они поняли, что именно вы ищете. Не бойтесь довериться им. Хотя никто, конечно, не отменял и правила, сформулированного еще в 1802 г. русским путешественником по Стамбулу, капитаном Апшеронского полка, георгиевским кавалером Александром Краснокуцким: *“Для молодого человека Константинополь есть училище осторожности”*.

Как я уже говорил, путеводителя, подобного моему, в мире пока не существует. Ближе всего по замыслу к нему находятся две книги, одна из которых написана Джоном Фрили и Ахметом Чакмаком (J. Freely, A.S. Çakmak. *Byzantine Monuments of Istanbul*. Cambridge, 2004), а другая — испанским автором Франсиско Агуадо Власкесом (F.A. Aguado Blázquez. *Guía de Constantinopla*. Aviles, 2007). Первая книга старается рассказывать историю Византии сквозь призму константинопольских памятников, однако в итоге получают два никак не связанных между собою рассказа: очень подробное и дельное описание архитектуры само по себе, а история — сама по себе. Автор огромного по объему и великолепно иллюстрированного (а оттого невероятно тяжелого) испанского путеводителя сообщает по ходу дела множество анекдотов и историй, связанных с конкретными руинами, и в этом он со мною совпадает, однако, будучи увлеченным дилетантом, он может использовать лишь те источники, которые переведены на современные западные языки.

Интересную попытку смоделировать на компьютере внешний вид Дворцового квартала Константинополя предпринял Ян Костенец (J. Kostenec. *Walking Thru Byzantium. Great Palace Region. Istanbul*, 2007). Аналогичные реконструкции этот исследователь предлагает и в сети: <http://www.arkeo3d.com/byzantium1200/index.html>.

“Сентиментальный” аспект прогулок по Стамбулу, присущий и моему путеводителю, многократно усилен в только что вышедшем томе итальянских исследователей Сильвии Ронкей и Томмазо Браккини (S. Ronchey, T. Braccini. *Il romanzo di Costantinopoli*. Torino, 2010). Авторы собрали великое множество цитат про византийские и османские памятники Города, не делая при этом различия между средневековыми и ныне живущими писателями, философами и путешественниками. Составители поэтически “приписывают” тексты к любым подходящим памятникам, и в этом их отличие от меня: я с болью отказываюсь даже от очень “вкусных” византийских цитат, если упоминаемые там топонимы не удастся “посадить” на местность. Наконец, всяческого внимания, хотя и не полного доверия, заслуживает отечественный сайт “Византийская держава” (<http://theatron.byzantion.ru/>), составляемый энтузиастами, много внимания уделяющими Константинополю.

Если же говорить об общих туристических гидах по Стамбулу, содержащих существенную информацию именно о Константинополе, то в первую очередь надо назвать книгу Эрнста Мамбури (E. Mamboury. *The Tourists' Istanbul*. Istanbul, 1953), существующую не только в английском, а и во французском и немецком вариантах, но она уже почти 60 лет как не переиздавалась. Казалось бы, кому нужен устаревший путеводитель? Ведь сам Город сильно изменился. И все же, если у вас появится хоть малейшая возможность, — достаньте книгу Мамбури: этот человек всю жизнь посвятил византийским древностям Стамбула, сам вел раскопки, и многие его наблюдения верны до сих пор. Самым же доступным из постоянно переиздаваемых гидов с детальным описанием византийских памятников можно считать книгу Джона Фрили и

Хилари Самнер-Бойд “Прогулки по Стамбулу” (J. Freely, H. Sumner-Boyd. *Strolling Through Istanbul*. Istanbul, 1972, очередное переиздание: 2010). Стоит обратить внимание и на последующие многочисленные путеводители одного Джона Фрили: *The Bosphorus* (1993), *Blue Guide to Istanbul* (3rd ed.) (2000), *The Companion Guide to Istanbul* (2000), *The Prince's Isles* (2005) и т. д.

По картам, помещенным в моем путеводителе, вы сможете ориентироваться в самом запутанном лабиринте стамбульских переулков, но все же это специализированные карты, созданные только для того, чтобы привести читателя к памятникам, о которых я рассказываю, а отнюдь не карты Города вообще. Если кто-то хочет искать дорогу самостоятельно, могу порекомендовать атлас *Istanbul A-Z Rehber-Atlas*. Изданный в 1989 г. и с тех пор, кажется, не переиздававшийся, он фактически устарел — и тем не менее этот атлас гораздо практичнее и, главное, полнее, чем тяжелый и неудобный в обращении *İlçe İlçe Kent Rehberi İstanbul Avrupa*, изданный в 2007 г. (соответствующий том для азиатской части Стамбула вряд ли вам понадобится).

И последнее предупреждение: названия упоминаемых в тексте византийских объектов, которые сохранились до настоящего времени, выделены полужирным шрифтом с соответствующей цифрой, отсылающей к этому же номеру на карте. Если памятник не сохранился, но его местоположение точно установлено, я выделяю его название полужирным шрифтом — но без цифры. На карте такие объекты нанесены, но без “гвоздика”, который прибывал бы это название к конкретному месту в сегодняшнем Городе. Все цитаты из источников выделены курсивом. Единственное, в чем я позволил себе отступить от принятых в научной литературе правил: сокращения текста источников не обозначаются отточиями.

Я выражаю глубочайшую признательность искусствоведам, старавшимся по возможности уберечь меня, полного профана в их области, от самых грубых ляпов: О.С. Поповой, А.В. Захаровой, А.Ю. Казаряну и моему редактору, который был гораздо больше,

чем просто редактором, — Л.В. Нерсисяну. Слова моей благодарности адресуются также Оуэну Мэтьюзу, который возил меня на своей лодке по необитаемым островам Принцева архипелага, А.А. Гишпиусу, великодушно предоставившему в мое распоряжение материалы своей еще не опубликованной работы о древнерусских граффити Св. Софии, а также Е.М. Владимирской, немало переведившей мне с турецкого. Особенно я благодарен Татьяне Пфеннигс, которая фактически является соавтором главы 11 и некоторых фрагментов в главах 6 и 8. Наконец, спасибо всем студентам и аспирантам из Москвы и Питера, которые участвовали в моих семинарах по Константинополю в МГУ и СПбГУ и в учебных поездках в Стамбул в 2001, 2004 и 2008 гг. Эта книга родилась из моих попыток ответить на их вопросы.

Примечание о литературе

Литература о Константинополе воистину необозрима. Работы на конкретные темы, касающиеся отдельных памятников (далеко не все, которые я использовал, — иначе этот список превысил бы по объему всю книгу), я перечисляю в конце каждой главы. Но те источники и исследования, которые касаются двух и более глав, а также основополагающие труды, к которым невольно прибегнуть любому, кто захочет глубже ознакомиться с предметом, перечислены ниже. К сожалению, среди них нет работ на русском языке. Вплоть до 1914 г., стараниями Русского Археологического института в Константинополе, отечественная наука занимала достойное место в исследовании стамбульских древностей, но, увы, теперь русскоязычные исследования в этой сфере — большая редкость.

- E. Akyürek, A. Tiryaki, Ö. Çömezoglu, M. Ermiş. *Türkiye Arkeolojik Yerleşmeleri (TAY) Klasör 7. Marmara Bizans Yapıları* Envanteri İstanbul, 2007
- N. Atzémoglou. *Ta Αγίασματα της Πόλης* Αθήνα, 1990
- S. Basset. *The Urban Image of Late Antique Constantinople*. Cambridge, 2004

- A. Berger. *Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos*. Bonn, 1988
- A. Berger. Streets and Public Spaces in Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*, 54 (2000), 161–172
- A. Berger. Regionen und Strassen im frühen Konstantinopel // *Istanbul Mitteilungen*, 47 (1997), 349–414

- *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life* / ed. N. Necipoglu. Leiden, 2001
 - *Byzantine Monastic Foundation Documents* — http://www.doaks.org/publications/doaks_online_publications/typ000.html
 - G. Dagron. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, 1984
 - G. Dagron. *Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des Patria*. Paris, 1984
 - J. Ebersolt. *Constantinople, recueil d'études d'archéologie et d'histoire. I: Les anciens sanctuaries de Constantinople*. Paris, 1951
 - S. Eyice. *Istanbul. Petit guide à travers les monuments byzantins et turcs*. Istanbul, 1955
 - Pierre Gilles. *Itinéraires byzantins / introduction, trad. du latin et notes Jean-Pierre Grémois*. Paris, 2007
 - Ν. Γκίνης, Κ. Στράτος. *Εκκλησίες της Κωνσταντινούπολης*. Αθήνα, 1999
 - R. Guillard. *Études de topographie de Constantinople byzantine*. Amsterdam, 1969
 - C. Hennessy. *Topography of Constantinople* // *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / eds. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008, 202–216
 - R. Janin. *Constantinople Byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris, 1964
 - R. Janin. *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin I: Le siège de Constantinople et le Patriarcat Œcuménique, iii: Les églises et les monastères*. Paris, 1969
 - E. Kalkan. *The World beneath Istanbul*. Istanbul, 2010
 - V. Kidonopoulos. *Bauten in Konstantinopel, 1204–1328: Verfall und Zerstörung, Restaurierung, Umbau und Neubau von Profan- und Sakralbauten*. Wiesbaden, 1994
 - P. Magdalino. *Constantinople médiévale: études sur l'évolution des structures urbaines*. Paris, 1996
 - G. Majeska. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington, 1984
 - C. Mango. *Le Développement urbain de Constantinople: IV–VIII siècles*. Paris, 2004
 - T. Mathews. *The early churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. University Park, 1971
 - T. Mathews. *The Byzantine Churches of Istanbul. A Photographic Survey*. University Park — London, 1976
 - Α. Μήλλας. *Σφραγίδες Κωνσταντινουπόλεως. Ενορίες Αγιοπάτης Αρχιεπισκοπής*. Αθήνα, 1996
 - A. J. Mordtmann. *Esquisse topographique de Constantinople*. Lille, 1892
 - W. Müller-Wiener. *Bildlexikon zur Topographie Istanbul: Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn d. 17. Jh.* Tübingen, 1977
 - M. Restle. *Konstantinopel // Reallexikon zur byzantinischen Kunst A*, 1990, 366–737
 - A. M. Schneider. *Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt (= Istanbul Forschungen, 8)*. Berlin, 1936
 - A. M. Schneider. *Konstantinopel. Gesicht und Gestalt einer geschichtlichen Weltmetropole*. Mainz, 1956
 - A. Van Millingen. *Byzantine Churches in Constantinople*. London, 1912
- Сетевая энциклопедия о Константинополе: <http://www.ehw.gr/constantinople/>
- Подробный сайт с перечислением уничтоженных в недавнее время византийских памятников: <http://www.tauproject.org/dosyabizmareng.html>
- Цитировать византийских авторов я стараюсь по имеющимся русским переводам, лишь иногда их подправляя. Вот наиболее часто используемые мною издания:

- Михаил Пселл. *Хронография*. Перевод и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978;
- Продолжатель Феофана. *Жизнеописание византийских царей*. Перевод, статьи, комментарии Я.Н. Любарского. СПб., 1992
- Анна Комнина. *Алексиада*. Перевод и примеч. Я.Н. Любарского. СПб., 2010
- *Книга Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 г.* Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1899
- Константин Багрянородный. *Об управлении империей* / Пер. Г.Г. Литаврина. М., 1991
- А.М. Молдован. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000
- Никита Хониат. *История со времени царствования Иоанна Комнина* / Под ред. А.И. Цепкова. Т. 1–2 (Рязань, 2003) [впрочем, поскольку этот перевод сделан со старого и неполного издания Хониата, я часто обращаюсь прямо к оригиналу, Nicetae Choniatae historia/ ed. J. van Dieten. Berlin, 1975
- Прокопий Кесарийский. *Война с готами. О Постройках* / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1996
- Прокопий Кесарийский. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Пер. А.А. Чекаловой. М., 1993
- Из источников, которые не переводились на русский язык, я наиболее часто пользуюсь следующими: Constantini Porphyrogeniti imperatoris *de ceremoniis aulae Byzantinae libri duo*, vol. 1/ ed. J.J. Reiske. Bonn, 1829
- Ioannis Cantacuzeni eximperatoris *historiarum libri iv* / ed. L.Schopen. Vol. 1–III. Bonn, 1828–1832
- *Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios* / ed. E. Kurtz. Leipzig, 1903
- Nicephori Gregorae *historiae Byzantinae* / eds. I. Bekker L. Schopen, Vol. 1–III. Bonn, 1829–1855
- Georges Pachymérès. *Relations historiques*, 2 vols./ ed. A. Failler, V. Laurent. Paris, 1984
- T. Preger, *Scriptores originum Constantinopolitanarum*. Leipzig, 1907. Источники, цитируемые лишь в одном или двух местах, поименованы после соответствующих глав.

Напротив слепых

В 667 г. до н. э. жители древнегреческого города Мегара решили вывести колонию на берега пролива Босфор. Согласно легенде, мегарянин Виз запросил оракул Аполлона в Дельфах, где ему заложить первый камень, и получил от бога, как всегда, загадочный ответ: “Поселись напротив слепых!”

По легенде, сначала город хотели заложить в верховьях залива Золотой Рог (как раз там, где недавно открылся музейно-выставочный центр *SantralIstanbul*), но когда поставили алтарь и собирались принести жертву, орел схватил сердце жертвенного животного и перенес его на оконечность полуострова; это место с юга омывали воды Мраморного моря, с востока — воды Босфора, а с севера — воды залива Золотой Рог. Здесь было пересечение самых важных торговых путей: из Европы в Азию и из Черного

Андреа Вавасоре. Панорама Константинополя, XVI в.

Константин Великий. Голова от гигантской статуи, в восемь раз превышавшей человеческий рост и изготовленной в Риме около 315 г. (Палатинский дворец)

моря в Средиземное. Тут и построили город, названный в честь своего основателя Византием.

Напротив него, на азиатской стороне Босфора, уже стоял древний полис Халкидон. Потом, когда Византий выиграл конкуренцию у своего соседа, византийцы (или византияне?) поняли смысл Аполлонова пророчества: надо было быть и в самом деле слепыми, чтобы предпочесть неудобную холмистую местность Халкидона защищенному самой природой Византию. Позднее, впрочем, выяснилось, что халкидоняне не так уж и слепы. В новом городе, когда он превратился в столицу, стало не хватать пресной воды, и водопроводы пришлось тянуть за двести километров. Впрочем, мы забежали вперед.

На протяжении целого тысячелетия Византий жил обычной жизнью греческих полисов: торговал, интриговал, воевал. Со временем, как и все они, подчинился Римской империи и однажды был до основания разрушен в ходе гражданской войны, а потом отстроен заново. Судьба города круто изменилась в ноябре 324 г. н. э., когда Константин I лично наметил здесь контуры будущей столицы.

Предуказанная им стена прошла в 3 км к западу от старой стены Византия — таким образом, император расширил его до 700 гектаров и переименовал в Новый Рим, или Константинополь. Но статус Города начал меняться лишь после 360 г., когда он получил своего префекта, как Рим. До этого времени столица была там, где находил

ся император, и даже государственные архивы путешествовали вместе с ним. Лишь с 370-х гг. бюрократия окончательно обосновалась в Константинополе.

Позднее переносу столицы было приписано и религиозное значение, ведь Константин впоследствии был канонизирован в качестве православного святого. Однако в действительности Константинополь вовсе не задумывался как христианская столица: в нем господствовал тот же дух религиозной мешанины, что и во всей тогдашней Империи, да и в голове ее правителя.

Основной рост Константинополя пришелся не на начало, а на конец IV в.: город Феодосия I превосходил город Константина в несколько раз, а Феодосиевы стены и по сей день обозначают центральную часть Стамбула. Примерно к концу V в. Константинополь стал крупнейшим городом мира с населением около полутора миллиона человек. Там были построены акведуки, гигантские цистерны (надземные и подземные), которые и сегодня потрясают своим размахом, а также дополнительные, так называемые Длинные стены, тянувшиеся от Черного моря до Мраморного в 40 км от Города. На другом конце Евразии, в средневековом Китае, всю империю называли Фу-лин, воспроизводя греческое “полиин”, Город. Никому не нужно было объяснять, какой именно Город имеется в виду. Среди ромеев (так византийцы называли сами себя) ходила поговорка: “Если весь мир — это 10, то Город — 15”. Судьбы Города и Империи были неразделимы, но значение Константинополя для Византии невозможно сравнить с ролью ни одной другой столицы: ни древнего Рима, ни наполеоновского Парижа.

Историк Константин Манассия писал из заграничного путешествия: “О, земля Византия! О, трижды блаженный Город, око вселенной, украшение мира, звезда, сияющая издали, фонарь, освещающий этот низменный мир!” А вот так звучит похвала Константинополю в Житии Иоанна Акатция: “Все те дикивинки, что в других городах можно найти по отдельности, здесь обретаются одновременно. Наш Город можно уподобить общей мастерской всей земли. Сюда свозят все, что произрастает повсюду, что-то на судах, что-то на повозках. В Константинополь стекается все, подобно тому, как все реки впадают

в море”. Феодор Метохит, с которым мы еще не раз встретимся в этой книге, называет Константинополь “самым вместительным домом для людей всего мира, магнитом человечества”. Какими только эпитетами не награждали византийцы свой Город: ключ Вселенной, око Востока, премного известный, семихолмный господин, светило небесное, наиярчайшая утренняя звезда, святой город, надежда и гордость и т. п. Западные путешественники вторили ромеям: “Как велик этот прекрасный и благородный Город! Сколько в нем монастырей, дворцов, сколько чудес можно увидеть на площадях. И не рассказать, сколь бесчисленное тут множество золота, серебра, мощей святых!” — восхищался, к примеру, Фюльхерий Шартрский.

Все то, что после падения Рима исчезло в Европе на века, продолжало жить и развиваться в Константинополе. Здесь были водопровод и ночное освещение, городская полиция и пожарная служба. Много появилось здесь впервые в мире, например больницы и странноприимные дома. В Городе было шесть крупных клиник, пятнадцать домов престарелых.

Разумеется, Средневековье докатилось и до Константинополя: в 619 г., когда персы захватили Александрию, прервался подвоз египетского зерна, без которого Город не мог существовать, и уже тогда многие его покинули. В 626 г. Константинополь выдержал первую “варварскую” осаду, но его население вновь сильно проредилось: скажем, главный водопровод, разрушенный аварями, был отремонтирован лишь через полтора века. Несмотря на то, что эпидемии косили людей тысячами, остававшихся все равно нечем было кормить, и в 714 г., в ожидании очередной арабской осады, император Анастасий II приказал покинуть Константинополь всем жителям, которые не имели запасов продовольствия на три года. В 740 г. обрушилась часть оборонительных стен, но у города не было сил восстановить их. Вряд ли население столицы приближалось тогда хотя бы к 50 000 человек. Глубочайший упадок продолжался до начала IX в.

Кризис материальной жизни сопровождался переоценкой духовных ценностей. Константинопольцы в какой-то момент в буквальном смысле слова перестали узнавать родной Город: свеженные некогда Константином со всей Империи статуи, колон-

ны и обелиски, в прошлом вызывавшие гордость, теперь возбуждали лишь страх. Из уст в уста передавались слухи, будто все иноязычные надписи суть зловещие пророчества о скорой гибели Империи, а античные статуи — почти все заколдованные. О том, как эволюционировал Город, наглядно свидетельствует разница в поведении жителей во время эпидемий чумы 542 и 747 гг. Если в первом случае трупы хоронили в городских предместьях, то во втором — по всему Городу.

В конце IX в. Константинополь начал возрождаться, но уже в ином облике. Исчезло все то, что было отличительной чертой полисной жизни: термы, театры, жизнь на площади, редко использовался Ипподром, да и публичных мероприятий, за исключением богослужений, почти не осталось — вместо портиков люди встречались в церкви; впрочем, все больше возникало домовых часовен.

Средневековье накрыло Константинополь — и, однако, в каком еще городе мира люди в эту эпоху жили в многоэтажных домах! Это порождало удивительные парадоксы. Филолог и поэт XII в. Иоанн Цец, к примеру, так описывал свое жилище: “Дом наш — трехэтажный, и над нами располагается священнослужитель, занимающий второй этаж. Вместе с ним там обретаются многочисленные дети, а с ними и свиньи. Вот эти-то дети и свиньи низвергают реки мочи. Следовало бы приделать над притолокой коленчатый желоб, ведущий в три корзины с известью, чтобы отвести этот чудовищный поток”.

Строительство Города. Миниатюра из Ватиканской рукописи Вергилия, V в.

Кристофоро Буондельмонти. Панорама Константинополя, 1422 г.

С IX в. и вплоть до 1204 г. Константинополь непрерывно рос. При этом отмечаются два пика этого роста: в начале X в., при Романе Лакапине, и в конце XI в., при Алексее Комнине. В Городе велось новое строительство, бурлила интеллектуальная жизнь, открылась философская школа, шли богословские диспуты. В дни многочисленных праздников, торжественных императорских выходов, религиозных шествий, конских ристаний и ярмарок

византийцы в лучшей одежде выходили на улицы, пировали и танцевали. *“В Константинополь кто ни придет — пьян будет, — сует Никита Хониат. — Здесь целыми неделями пьянствуют!”*

XII в. принес изменения не только в жизнь простых горожан: династия Комнинов перебралась из Большого Константинопольского дворца, служившего царской резиденцией более семи веков, во Влахернский дворец на северо-западе столицы. Совершенно переменялась вся система должностей и даже их названия, стали популярны западные идеалы рыцарства и воинской доблести. Даже на Константинопольском ипподроме, вместо популярных прежде бегов, стали устраивать турниры, как на Западе.

Если раньше в Византии было много городов, то постепенно Империя превращалась в головастика, едва способного поддерживать собственную распухшую голову. В Константинополе, по словам английского пилигрима XII в., скопилась треть богатств всей земли. Михаил Хониат, митрополит Афинский, писал столичному другу: *“Вы, пышные граждане Константинополя, не желаете выглянуть из-за своих стен, не хотите посмотреть на древние города, окружающие вас, вы посылаете своих налоговых сборщиков, с их зубами звериными, сами же остаетесь у себя, реки всех богатств стекаются в столицу, как в единое море. Чего ради вам идти куда-то? Не лучше ли не знать ни дождя, ни солнца, сидеть дома без труда, в полноте всех благ?”*

В июле 1203 г. венецианский флот с ратью “латинян” появился под стенами Константинополя. Хронист Четвертого крестового похода Жоффруа де Виллардуэн пишет, что их войско насчитывало 20 тысяч человек, а население Города составляло 400 тысяч. Однако моральный дух жителей был подорван — они не хотели самоорганизоваться ради своего спасения. Константинополь, простоявший неприступным почти 880 лет и выдержавший за это время семь осад, наконец, пал. В 1204 г. произошел второй, более страшный штурм. “Латиняне” грабили столицу три дня, и, по словам одного из участников, *“с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе. Тот, кто доселе был беден, стал богат”*. В охватившем Город пожаре погибли неисчислимые культурные ценности.

По большому счету от этой катастрофы Константинополь так никогда и не пришел в себя, хотя и сделался вновь ромейской столицей в 1261 г. Он оставался крупнейшим городом Европы, однако внутри его могучих стен многие кварталы стояли пустыми, огромные площади использовались под огороды, дворцы обветшали. К концу XIV в. территория Византии сжалась до размеров самого Города и его окружи.

В 1453 г. османский султан Мехмет II осадил Константинополь. В течение полутора месяцев семь тысяч бойцов отбивали атаки 80-тысячной турецкой армии. Пушки разрушали древние стены, но защитники еженощно заделывали проломы. Однако во вторник 29 мая янычары в предрассветной мгле проникли в город. Враги ворвались на стены, завязались жестокие уличные бои. Последний византийский император, Константин XI, погиб, сражаясь плечом к плечу со своими воинами.

Мехмет II перенес столицу Османской империи в Константинополь, переименованный турками в Стамбул. Впрочем, название это по своему происхождению вовсе не турецкое — да-да, не удивляйтесь! Вот что пишет арабский географ Аль-Масуди в IX в.: «Греки называют его Болин, или Истанболин. Они не зовут его “Константинополь”. Только арабы зовут его так». Эти слова подтверждены многими путешественниками, которые с удивлением отмечали, что местные называют свой город “Стамбул”. Так, на слух мусульман, звучали греческие слова “ис-тин-болин” — “в Город”.

Константинополь величал себя “Царствующим Городом” — это словосочетание и переводилось на славянский как “Царьград”. То был для наших предков первый и в каком-то смысле единственный Город. Именно сюда “Русь” пришла с первым военным походом в 860 г. И когда княгиня Ольга приехала в Константинополь в 946 г., это был первый государственный визит в нашей истории. Золотые ворота в Киеве, а потом и Владимире, храмы Св. Софии — как киевский, так и новгородский — появились в знак почтительного соперничества с великой метрополией. Бригады мастеров из Византии строили у нас первые церкви и писали ико-

ны, приезжие учителя переводили книги и обучали детей. В Константинополе выросла большая русская колония. О любопытстве, которое вызывали северные “варвары”, свидетельствует наш знакомец Иоанн Цец, приводя записанную греческими буквами русскую фразу: “Здра(в?), брате/сестрица, добрый день!” Русские, в свою очередь, относились к грекам, как к народу книжечеев, со смесью восхищения и насмешки, но наши паломники с неизменным благоговением ездили смотреть на православные святыни. Их восторженные отчеты о Царьграде мы частенько будем цитировать в нашем путеводителе. А сейчас — закончим вступление советом Стефана Новгородца, написавшего в 1349 г.: “А в Царьград аки в дубраву велику внити: без добра вожа не возможно ходити!”

Вот я и постараюсь сыграть роль этого “доброго вожа”.

- Дневниковые записки поездки в Константинополь А.Г.Краснокутского в 1802 г. М., 1815, 24
- Ioannis Tzetzae epistulae./ ed. P.L.M. Leone. Leipzig, 1972
- Vie et “synaxaire” de saint Jean Akatzios // *Analecta Bollandiana*, 101 (1983), 254
- W.J. Aerts. A Byzantine Traveller to One of the Crusader States // *East and*

- West in the Crusader States*. Vol. III. Leuven, 2003, 198–202
- H. Hunger. Ho Ophthalmos tes oikoumenes. Das Auge der Welt // *Neue Forschungen*. Wien, 1999, 21–27
- K. Kreiser. *Istanbul. Ein historisch-literarischer Stadtführer*. München, 2001, 17–18
- P. Magdalino. Constantinople and the Outside World // *Strangers to Themselves* / ed. D. Smuthe. Aldershot, 1998, 149–162

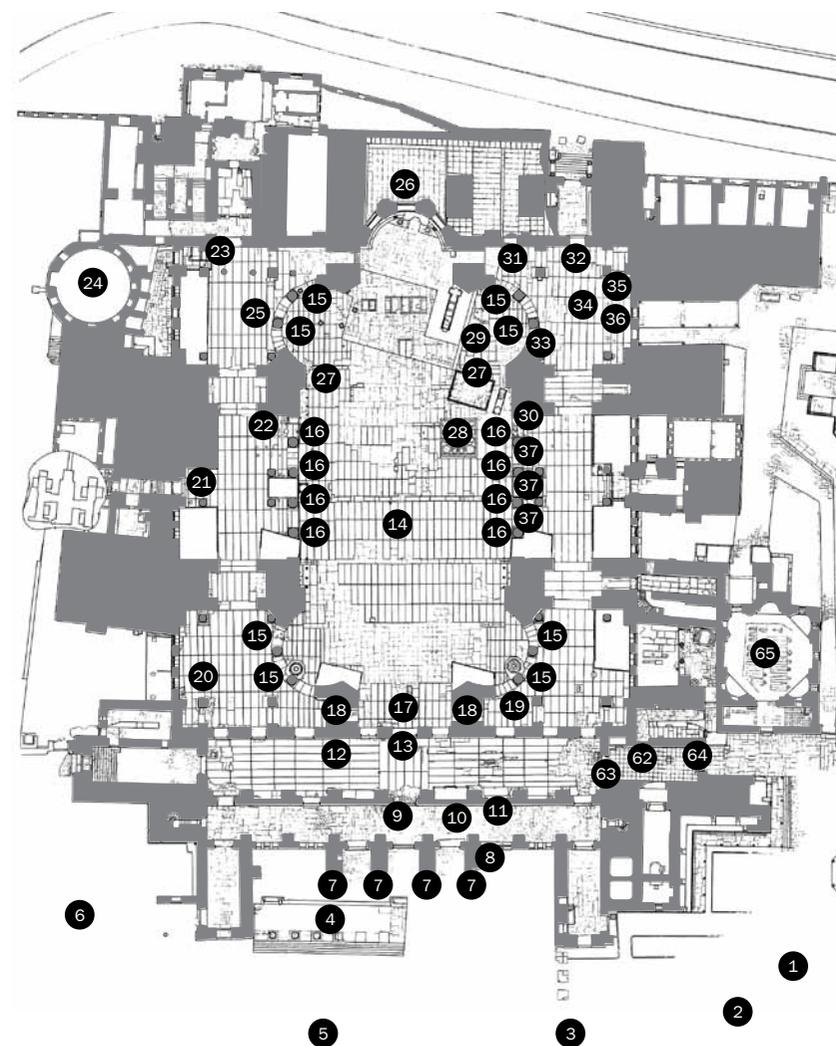
Храм Святой Софии — Премудрости Божией есть величайший памятник византийской эпохи, и наше путешествие должно неизбежно начаться именно с него. В течение 916 лет этот храм был христианским, в течение 481 года — мусульманским. С 1934 г. здесь музей — такова была секуляризаторская политика Ататюрка, которая теперь все чаще подвергается ревизии; в частности, время от времени возобновляются разговоры о том, чтобы превратить Софию обратно в мечеть.

На пути к храму

Двор музея уставлен мраморными осколками. Перед самым пунктом билетного контроля на газоне стоит **постамент от статуи 1** с надписью “Эсхин” (№ 176). Мы точно знаем, что эта статуя была в числе тех восьмидесяти, что украшали бани Зевксиппа, в нескольких десятках метров отсюда (см. с. 139). Поэт Христордор, оставивший нам описание этой галереи, говорит, что афинский оратор был изображен с густой бородой.

Сразу за контролем слева можно увидеть **цоколь колонны 2**, выполненный из порфира (№ 221) — темно-красного египетского камня, с сугубой важностью которого для византийцев мы будем сталкиваться еще не раз. На этой колонне когда-то сверкала серебром статуя императрицы Евдокии (см. с. 154). Монумент изначально стоял поблизости отсюда, на площади Питтакия (см. с. 146); вокруг него якобы происходили народные гулянья с бесстыдными плясками и громкими песнями, которые мешали епископу Константинополя Иоанну Хризостому служить литургию. Именно из-за этого возникла ссора между Златоустом и императором Аркадием, мужем Евдоксии. Конфликт закончился ссылкой строптивного епископа и его смертью в изгнании. На цоколе две надписи. Греческая гласит: “Посмотри на царскую ко-

Святая София. План первого этажа

Постамент статуи	Раскоп 1935 г. 4
Эсхина 1	Архитектурные обломки
Цоколь статуи	Феодосиевой Софии... 5
Евдокии 2	Патриаршая
База колонны Феодосия 3	школа 6

лонну из порфира и серебра, там, где владыки творят в Городе справедливость. Если спросишь имя [знай, что оно] Евдоксия. Кто поставил? Наилучший эпарх Симпликий, отпрыск великих консулов”. Латинская надпись куда лаконичнее: “Владычице Элии Евдоксии вечно августейшей поставил Симпликий, префект Города”.

Если двинуться по дорожке дальше, то справа можно видеть пристройки к храму, возведенные еще в византийские времена. На стенах, на уровне трех этажей, заметны следы множества примыкавших к ним арок от каких-то несохранившихся сводчатых помещений. Здесь был **Патриарший дворец**, о котором мы поговорим подробнее в конце главы.

Там, где сейчас бесчисленные туристические группы получают наставления, перед тем как войти в храм, в византийское время находился **атриум**, то есть окруженный колоннадой двор, размером 47,6 на 32,5 м.

Атриум

Единственное, что от него осталось, — это кусочек стены, включенный в основание северо-западного минарета (он перед вами слева). В центре атриума, в обрамлении восьми кипарисов, струился фонтан в форме каменной чаши с куполом — на праздник Богоявления в этот фонтан погружали кресты. Теперь здесь, среди столиков летнего кафе, разбросаны многочисленные археологические фрагменты, причем далеко не все они относятся к самой Софии. Например, **циклопическая база** (инв. № 3907) **4** из-под исчезнувшей триумфальной колонны была привезена из Эвдомона, что за городскими стенами (см. с. 637). На ней написано по-латыни: “*Наш господин Феодосий, благочестивый, счастливый и августейший император и могущественнейший триумфатор над варварскими народами, постоянный и повсеместный победитель, благодаря сестринским обетам, замириив всю Римскую империю, вознесся высоко*” [на колонне]. Речь идет о Феодосии II, который под влиянием своей набожной старшей сестры Пульхерии начал в 421 г. религиозную войну с Персией. Из надписи хорошо видно, как христианская риторика начина-

ет сливаться с империалистической, римской.

Слева от входа в церковь зияет оставшийся с 1935 г. большой **археологический раскоп 4**, на дне которого виден монументальный портал предыдущей Св. Софии, построенной в 415 г. Как видим, предшественница нынешней церкви начиналась восьмью метрами западнее и представляла собой классическую базилику, то есть вытянутое в длину прямоугольное в плане здание, разделенное внутри несколькими продольными рядами колонн. Судя по валяющимся на поверхности кускам антаблемента, портал был выдержан в классическом духе — все фрагменты украшены эллинистическим орнаментом, лишь кое-где включающим в себя христианские символы. За входом, уже невидимо для нас, под полом нынешнего собора лежат остатки громадного пятинефного храма. Впрочем, и те фрагменты, которые открыты археологами, явно свидетельствуют, что император Феодосий II в свое время постарался на славу.

Множество **гигантских обломков 5**, оставшихся от прежней Св. Софии, разбросано дальше по двору. Еще дальше, к северу от нынешнего здания, начинается забор, скрывающий раскопки, — там видны фундаменты примыкавшей к храму **Патриаршей школы 6**, где составлялись пасхальные таблицы. Эти остатки можно хорошо рассмотреть сквозь ограду со стороны *Soğukçeşme 30*.

Монета Феодосия II

Но обратимся, наконец, к постройке Юстиниана. Св. София представляет собой, по сути, “храм на крови”: император построил его в память о восстании Ника в январе 532 г., когда солдаты перебили 30 000 горожан, а Феодосиева церковь погибла в пожаре.

Вся мощь Империи была брошена на возведение нового собора, со всей страны свозились в Константинополь куски цветного мрамора и колонны, выломанные из языческих святилищ. Само строительство, — если судить по легендам, которые потом из века в век пересказывали византийцы, — велось двумя бригадами по 5000 рабочих каждая, во главе с пятьюдесятью мастерами.

Юстиниан I, мозаика церкви Сан-Витале, Равенна, 548 г.

Прокопий Кесарийский писал: “Эта церковь представляет собою изумительное зрелище, невероятное для тех, кто его видел, и вовсе не правдоподобное для тех, кто о нем слышал. Она вздымается до небес и, словно всплывая ввысь над окружающими постройками, склоняется над остальным городом”.

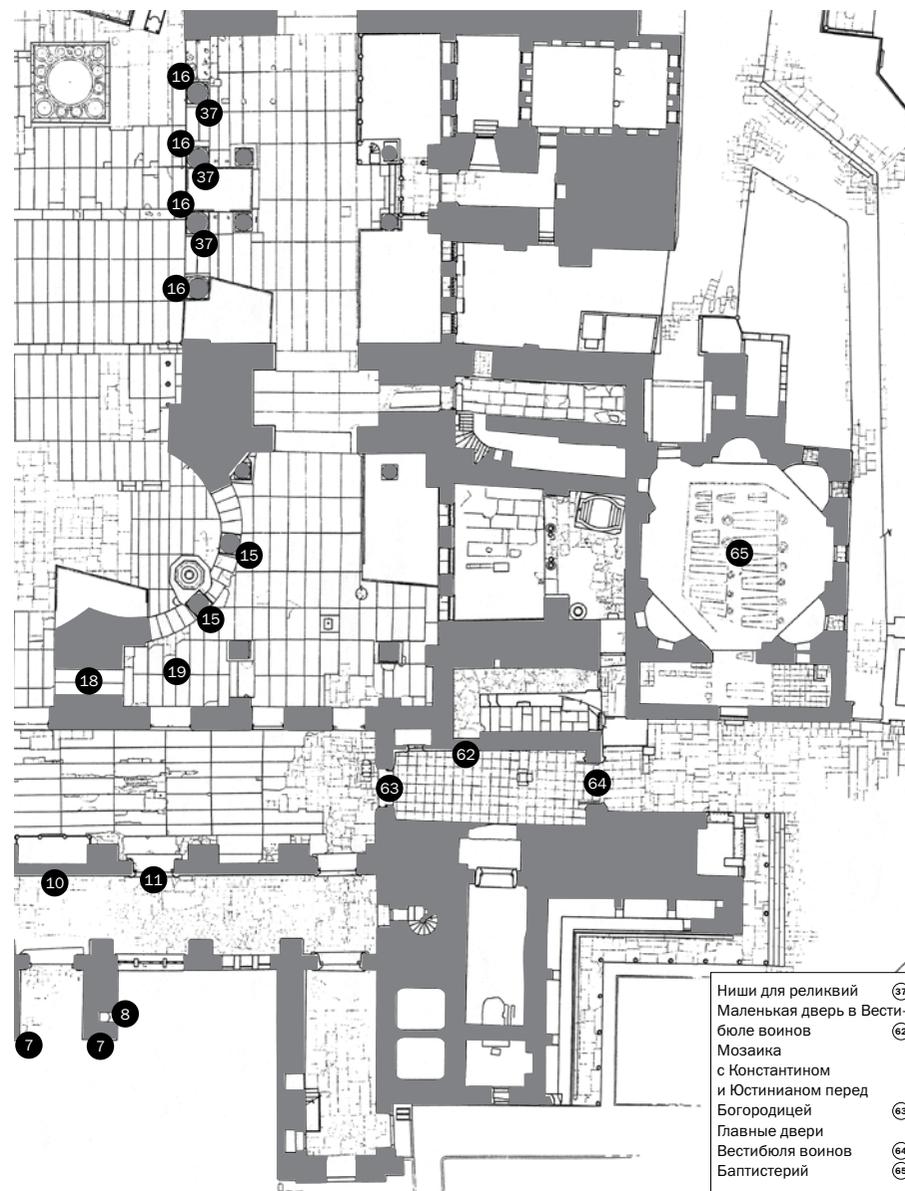
Конечно, сейчас храм не производит того впечатления, как во времена Прокопия, — все-таки 1400 лет не шутка. И все же попытаемся представить, что нет в городе огромных серых желваков-мечетей, каждая из которых в свое время строилась как раз с намерением превзойти размерами Софию, что нет современных коробок-небоскребов и что вообще всякое высокое сооружение воспринималось как чудо. Если не брать в расчет египетские пирамиды, храм 600 лет удерживал

рекорд самого высокого здания в мире — Софию впервые превзошел по высоте Линкольнский кафедрал в 1311 г. По высоте же внутреннего пространства храм не знал себе равных вплоть до 1436 г., когда появился знаменитый флорентийский Дуомо, то есть 900 лет.

Сегодня здание не производит впечатления особенно высокого — не только из-за османских минаретов и даже не потому, что теперь строят куда выше. Нынешнее впечатление от храма во многом определяют пристроенные к нему в разные периоды контрфорсы, то есть мощные поперечные стены-подпорки. Главной их целью было спасение гигантской постройки от землетрясений, однако дело не только в этом. Несмотря на гениальный, продуманный до мельчайших деталей расчет архитекторов, чудовищное давление купола с течением веков привело к тому, что стены и колонны начали потихоньку “разъезжаться”. Их медленное “вываливание” наружу заметно в некоторых точках Св. Софии и сейчас, но в целом оно было остановлено именно **контрфорсами**. Видимо, самые ранние из них были пристроены к храму **с западной стороны** ⑦ — именно на них мы сейчас смотрим. Они, скорее всего, появились в IX-X вв. и, в отличие от всех остальных, — имеют форму арок или мостиков. Такой же формы были северные и южные контрфорсы, просто позднее их арки оказались “заполнены”. Остальные же подпорные стенки в начале XIV в. пристроил Андроник II Палеолог.

Турки впоследствии обстраивали Софию лишь снаружи — так, уже Мехмет Завоеватель возвел у ее юго-восточного угла контрфорс и построил первый минарет. Кстати, одна из турецких легенд Стамбула утверждала: когда храм христиан частично обрушился, султан прислал в Константинополь своего инженера, который, якобы для нужд реконструкции, соорудил рядом башню и, вернувшись восвояси, сказал Мехмету: “Я возвел первый минарет — другие за тобой”. Разумеется, минареты искажают впечатление от храма, но следует помнить, что София и в византийское время была со всех сторон обстроена помещениями, с которыми ее соединяли внутренние проходы.

Святая София. Западная часть первого этажа

Теперь в собор заходят через западные двери, но в древности (начиная, по крайней мере, с VII в.) они отпирались только по большим праздникам, когда в храм валил народ. В обычное же время туда попадали через юго-западный вестибюль, — там, где сейчас находится выход (см. с. 79).

Прежде чем последовать за толпами туристов и войти, наконец, в храм, обогнем самый южный (правый) из контрфорсов. С южной его стороны видна **зарешеченная дверца** ⑨, за которой — уходящий на глубину 14,5 м колодец. Многие путешественники утверждали, будто под храмом находится огромная водная цистерна. Среди них — испанский посол Гонсалес де Клавихо, посетивший Константинополь в 1403 г.: “В Св. Софии под землей находится очень большая цистерна, в которой могут плавать десять кораблей”. Как ни странно, прошлогоднее исследование, предпринятое группой водолазов, обнаружило под храмом совсем небольшой резервуар — ничего даже близко напоминающего описанное Клавихо чудо.

Если, приближаясь к Св. Софии, вы испытаете разочарование от ее внешнего вида, — не печальтесь. Ведь это на языческий храм, вроде Парфенона, можно было смотреть только снаружи (поскольку внутрь допускались лишь посвященные) — христианская церковь представляет собой модель мироздания и потому рассчитана, прежде всего, на лицезрение изнутри.

Правда, понять это можно далеко не сразу, поскольку в **экзонартексе** ⑨, куда мы первым делом попадаем, со стен исчезла вся мраморная облицовка, все мозаики и обнажилась кирпичная кладка. В правой половине — **саркофаг** ⑩ зеленого фессалийского мрамора, ставший последним пристанищем императрицы Ирины, жены Иоанна II (их портреты ждут нас на галерее). Саркофаг, ограбленный в 1204 г. крестоносцами, находился в монастыре Пантократора (см. с. 346) и перенесен сюда в 1960 г. Правее его, прислоненные к стене, стоят **гипсовые**

Экзонартекс

отпечатки ⑪ с религиозного эдикта, выпущенного в 1166 г. императором Мануилом Комнином.

Вот что пишет по этому поводу проникательный царедворец Никита Хониат: “Для большей части ромейских царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте, пользоваться общественным достоянием как своим и обращаться с людьми свободными, как с рабами. Они считают для себя крайней обидой, если их не признают мудрецами. Таким образом, и этот император предложил на обсуждение слова Богочеловека “Отец мой более Меня есть” (Иоанн, 14: 28). Утвердив собственное толкование пурпурным рескриптом, он угрожал смертью всякому, кто осмелится даже про себя вникнуть в этот предмет. Затем император по совету своих льстецов вырезал это определение на каменных досках и поставил их в Великой церкви”.

Гипсовые слепки, находящиеся перед нами, были сделаны в 1959 г. с настоящих мраморных досок императора Мануила, обнаруженных при довольно забавных обстоятельствах. Доски провисели в храме (правда, не там, где теперь находятся слепки, а в главном нефе, на северной стене) вплоть до XVI в., когда султан Селим II велел использовать их, повернув лицевой стороной вовнутрь, для украшения мавзолея его отца, Сулеймана Великолепного (см. с. 307). Там-то, при ремонте, их и нашли; оригинал скопировали и вернули на прежнее место. Существует греческая легенда, будто Селим очень разгневался, когда ему перевели рескрипт, поскольку решил, что слова “Мой отец более Меня” намекают на его ничтожество по сравнению с Сулейманом.

Обратим внимание на двери, ведущие из экзонартекса в нартекс, — они находятся немного правее рескрипта. Их медная облицовка кое-где отошла, и можно потрогать дерево. Казалось бы, что особенного? Но дерево это — шестого века. Возраст его можно посчитать в соответствии с довольно точной наукой дендрохронологией: так вот, в Св. Софии есть доски от деревьев, срубленных в 527, 560 и 581 гг., наряду, конечно, с более поздними.

Кроме того, в экзонартексе имеются несколько обломков фризов с обрывками надписей и порфиновый алтарь — все это принесено сюда из других храмов.

Теперь мы переходим в **нартекс** — помещение гораздо более высокое (оно освещается окнами, расположенными поверх крыши экзонартекса) и куда лучше сохранившееся.

Нартекс

Здрав голову, можно увидеть, что потолки здесь украшены золотыми мозаиками. Это — изначальный, юстиниановский декор. Когда-то все поверхности храма были сплошь покрыты золотым ковром, который придворный поэт VI в. Павел Силенциарий уподобил освещенным солнцем горным вершинам. Четыре акра золота. Единственный вид орнамента, который позволили себе строители, — это гирлянды цветов. Они и по сей час видны, чаще и отчетливее всего в арках оконных проемов, — и, кстати именно там, освещенные естественным светом, они особенно наглядно демонстрируют неслыханную художественную изощренность первых декораторов. К сожалению, с их великолепным темноватым сиянием соседствуют огромные пространства, аляповато покрашенные желтой краской с наглой претензией на схожесть колера. Дело в том, что в 1845 г. из Петербурга в Стамбул был отряжен состоявший на русской службе швейцарец Гаспаре Фоссати, который должен был построить новое россий-

Мозаичный портрет Иоанна V Палеолога, сделанный после 1355 г. в нижней части северного склона восточной арки. Был зарисован Фоссати в 1840-х гг. Не так давно частично открылся в результате отслаивания штукатурки

ское посольство (кстати, возведенный им дворец и по сей час является нашим консульством). Позднее Фоссати по заказу султана обновил краской облупившиеся стены Софии. Его принято ругать за грубую реставрацию, и справедливо, но он же оставил нам рисунки многих мозаик, которые с тех пор погибли.

Итак, первоначальное убранство храма состояло из чистых золотых полей с мелкими вкраплениями геометрических и растительных орнаментов по краям. И никаких человеческих фигур. В эпоху Юстиниана фигуративные изображения еще не играли особенной роли в украшении церквей — иконы и настенные сюжетные композиции становятся ее обязательными элементами лишь позднее. На Юстиниановы орнаменты позднее накладываются следы иконоборчества, именно к этой эпохе (VIII — начало IX в.) относится другой вид украшения в нартексе: черные кресты с “каплями” на поперечных планках. Противники икон вообще любили изображать крест. Иконоборчество, в свою очередь, было окончательно отвергнуто в 843 г. Все имеющиеся в Св. Софии фигуративные мозаики, о которых мы будем говорить дальше, созданы уже после этой даты, но в разные эпохи.

Напомню еще раз, что обычно византийцы входили в храм через юго-западный вестибюль, где сейчас выход из музея. Он назывался “вестибюлем воинов”, поскольку, входя в него во время торжественных церемоний, василевс оставлял там не только меч и корону, но и стражу (об этой части храма мы еще поговорим, см. с. 79). Через так называемые Прекрасные двери в нартекс с ним входили лишь гражданские чиновники, главным образом евнухи, каковыми византийский властитель был окружен постоянно вплоть до конца XI в.

Центральные двери, что вели из нартекса в неф, то есть в основное помещение храма, назывались Царскими, и никто, кроме василевсов, не имел права через них входить (теперь же они и вовсе заперты). Церемониальная роль Св. Софии в мельчайших подробностях описана в обряднике “О церемониях”, составленном императором Константином Багрянородным в середине X в. Приведем пример: на Пятидесятницу “василевс заходит за занавеску, висящую позади дверей нартекса, и препозит снимает с его головы корону,

Император (Лев VI?),
распростершийся перед
троном Христа. Мозаика
над Царскими дверями
нартекса

император входит в нартекс, и его встречает патриарх. Император целует Евангелие и крест. Затем император и патриарх совершают поклоны друг перед другом и лобызаются и вместе идут до Царских дверей. Патриарх начинает читать молитву входа божественной литургии, а император берет у препозита свечу и молится” и т.д., и т.п. Из этого “балета” состояла большая часть нелегкой жизни византийского императора.

Заметим, что нынешние деревянные двери сделаны в 1847–1849 гг. Они столь же громадны, как древние (7,6 на 4 м), но те-то были сделаны из древесины Ноева ковчега, окованы серебром и обладали целебным свойством: ручку этих дверей брали в рот те, кто считал себя отравленным. “Вкладывают в рот мужи и жены, да еще кто будет отравлен, дондеже вся злоба изыдет слюнами из уст” — так об этом пишет русский паломник Антоний Новгородец в 1200 г. Рвота приводила к немедленному излечению, так что пол перед Царскими дверьми, видимо, приходилось постоянно мыть. Повторяю: те двери, которые сейчас перед вами, не настоящие, так что можете не испытывать их на чудотворность. Подлинные Царские двери пострадали из-за своей славы — их украли крестоносцы.

Над Царскими дверями расположена **мозаика** 13, интерпретация которой до сих пор вызывает у специалистов бурные споры. Главный персонаж ее — Христос, восседающий на троне и держащий в руке Евангелие, которое раскрыто на словах: “*Мир вам. Я есмь свет миру*”. Это соединение двух цитат из Евангелия от Иоанна, которые неизбежно ассоциировались у молящегося с тем ослепительно сияющим пространством нефа, куда ему предстояло войти. Кстати, этой же теме было посвящено и символическое изображение на верхнем косяке Царских дверей. Там сохранился чеканный рельеф, видимо, относящийся к IX в.: изображен трон с лежащей на нем раскрытой книгой, на которую слетает птица. Книга открыта на словах: “*Господь сказал: Я есмь дверь; кто войдет мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет*”. Это опять же цитата из Евангелия от Иоанна (9:10), а птица одновременно трактуется и как Святой Дух, и как голубка, слетевшая к Ноеву ковчегу. Нетрудно сделать вывод, что храмовая дверь в глазах молящихся была символом райских врат.

Но вернемся к гораздо менее очевидному смыслу мозаики над дверью. Христос восседает на троне между двумя медальонами: в правом представлена Богородица, простершая к нему руки в умоляющем жесте, в левом — архангел Михаил, глядящий прямо перед собой. Внизу же, нарушая симметрию композиции, распростерся перед тронном Христа император. Хотя имени его нигде не написано, исследователи единодушны в том, что это — Лев VI, иначе именуемый Мудрым (см. с. 174). Он бухнулся на пол точно в такой же позе, в какой перед ним самим распростирились ниц его подданные.

Поверхностный смысл композиции понятен: император — раб Христов. Но тут явно подразумевается что-то еще. Политическая власть как таковая чувствовала в Византии некоторую свою незаконность — ведь править должен Бог, или, по крайней мере, его священники, а не земные владыки. Ощущение это сохраняло свою актуальность через все византийское тысячелетие: недаром ведь императоры носили при себе мешочек с прахом (он назывался “акакия”). Как рассказывает русский паломник, видевший коронацию Мануила II собственными глазами, в ходе ритуала “никто же смеяше приступитьи ко царю и глаголати ему о

здрави, но приступят к нему мраморницы и гробоздатели и, принесше, показывают ему мраморы и камене и глаголют: Которым обликом велит быти твое величество гробу твоему?”. Русскому паломнику вторит арабский источник, описывающий торжественный выход императора следующим образом: “Царь кладет земли внутрь золотого ларца и держит его в своих руках. Когда он сделает три шага, визирь обращается к нему со словами: “Памятуй о смерти!”. После этих слов царь открывает ларчик, смотрит на ту землю, целует, плачет и идет вплоть до дверей храма”. Если это и выдуманно, то выдуманно с пониманием.

Монета Льва VI

Однако для создания мозаики мог существовать и более насущный повод. Дело в том, что Лев VI был поразительно несчастлив в семейной жизни. Он женился три раза (что само по себе было канонически неприемлемо), но так и не дождался наследника. Тогда император решил жениться в четвертый раз — на своей любовнице Зое Карвонопсиде (“Черноглазой”), которая в 905 г. родила ему, наконец, долгожданного сына, будущего Константина Багрянородного. И тут церковь, — вроде бы совершенно сервильная по отношению к власти и всегда благословлявшая всякую глупость и всякое преступление императоров, — неожиданно сказала: хватит. Разгорелся скандал, не стихавший долгих 14 лет. Начался он с того, что на Рождество 906 г. патриарх Николай Мистик встал в Царских дверях Св. Софии и не допустил внутрь Льва VI.

Смятение было велико. Император растерялся и ушел, обливаясь слезами. Когда же наступил день Богоявления, “император, — как сказано в Житии патриарха Евфимия, — вместе со священным синклитом появились у церкви, добиваясь входа. Патриарх заявил: “Если ты войдешь самовольно, я уйду отсюда”. Тогда император Лев поступил по-царски. Бросившись на землю и долго проплакав, он, простившись с патриархом, отправился в боковые врата. Члены синклита стали противиться и кричать, но он мановением руки заставил их замолчать и ушел в митаторий” (см. ниже, с. 61). Видимо, этот момент раскаяния и изображен на мозаике. Впрочем, оно не помешало Льву через несколько дней сместить Николая Мистика с патриаршества, а вместо него назначить Евфимия. Но тот, хоть и снял с императора епитимию, однако, не скрывал, что осуждает “четверобрачие”. Византийское общество разделилось: одни утверждали, что каноны одинаковы для всех, другие — что милость Божья безгранична и может делать исключения из правил.

Есть, наконец, и еще одна теория. После смерти Льва VI в 912 г. Николай Мистик вернулся на патриарший престол. Вопрос о “четверобрачии” не терял актуальности — он касался теперь прав юного Константина на трон, а заодно и полномочий Николая, ставшего при нем регентом. Не исключено, что именно восторжествовавший патриарх велел изобразить над Царскими дверьми момент собственного величайшего триумфа.

По обе стороны от Царских дверей на высоте человеческого роста сохранились ниши, в которых помещались **две знаменитые** (видимо, мозаичные, см. с. 38) **иконы**: справа, по словам русского паломника XIV в. Зосимы, — “образ Пречистыя, иже во Иерусалиме беседова к Марии Египтянке”, то есть, по преданию, некогда запретила блуднице входить в церковь; а слева — “образ Господа, иже пред ним грехи своя исповедуют, иже срама ради не мощно исповедатись духовнику”. Остается лишь догадываться, сколько всего выслушали эти плиты. Посмотрите на ямку в мраморном полу слева от Царских дверей — она протерта коленями грешников.

Вступим же, наконец, в **главный неф** 49 храма. Это впечатление невозможно описать словами. Недаром византийцы верили, что по ночам в Софии струится неземной свет и поют небесные хоры. По словам Байрона, *“И здесь огромно все, но в этот миг // Твой дух, безмерно ширясь, воспаряет, // Он рубежей бессмертия достиг // И вровень с окружающим велик”*. А Николай Гумилев выразился так: *“Перед нами сердце Византии. Ни лестниц или ниш, этой легко доступной радости готических храмов, только пространство и его стройность. Чудится, что архитектор задался целью вылепить воздух”*. В самом деле, в Св. Софии стены и своды воспринимаются лишь как гибкая оболочка, закрепляющая движение внутреннего объема.

Подкупольное пространство

Собор в его гениальной выверенности является плодом сотрудничества между архитектором Исидором Милетским и математиком Анфимием из Тралл. Храм начал строиться с четырех циклопической толщины столбов, образующих в плане квадрат со стороной 31 м. Над ними взметнулись четыре громадные арки, поддерживающие слегка эллиптический купол (31 на 33 м), замок которого находится в 56 м от земли, то есть на высоте 16–17-го этажа. Один из первых зрителей, Павел Силенциарий, не без резона писал: *“Тот, кто вступил в храм, никогда не захочет выходить, но, задрав голову, переводя взгляд с одного на другое, будет постоянно глазеть по сторонам”*.

От центра купола расходятся сорок ребер, которые у основания разделены сорока окнами (четыре западных заложены во время ремонта в X в.). Вообще, если приглядеться повнимательнее, то на куполе заметны следы нескольких починок. По одной секции — с севера и с юга — относятся к самому первому ремонту, который пришлось провести сразу по завершении строительства. Дело в том, что 14 декабря 557 г. землетрясение обрушило часть купола, и его восстанавливал племянник умершего к тому времени Исидора Милетского, Исидор Младший, с бригадами исаврийских “гастарбайтеров” — они подняли купол еще на 6 м. Одна секция

С этой точки юго-восточной галереи взирал на своих подданных император, когда появлялся в храме непосредственно из Дворца

на западе была изготовлена во время второй реконструкции, в 989 г. (армянский архитектор Трдат сделал глубину ребра на метр больше), а одна на востоке — во время третьей реконструкции, в 1346 г. (тут видно желание архитекторов Астраса и Джованни Перальта на всем сэкономить). Получившиеся в результате нестыковки особенно заметны на карнизе. Кстати, в этом последнем восстановлении храма принимал участие не только обедневший василевс, но и его богатые подданные; присылали денег и русские князья — правда, император Иоанн Кантакузин растратил их на турецких наемников для гражданской войны. Реконструкция храма была закончена в 1356 г., и с тех пор в его внутреннем устройстве уже ничего принципиально не менялось.

Купол виден почти отовсюду в храме — это стало возможно благодаря двум полукуполам. Если концепция купола, неизвестная древним грекам, была придумана в Риме, то полукупол — гениальное изобретение Анфимия и Исидора. Перед архитекторами стояла задача перекрыть купольным пространством сооружение, которое, по наследству от предыдущего, сгоревшего храма, должно было иметь вытянутую форму базилики (напомним: квадратные в плане крестово-купольные храмы, к которым мы привыкли на Руси, тогда еще не появились). Анфимий и Исидор подперли купол с востока и запада двумя полукуполами, покоящимися на парах дополнительных столбов, что и дает “кораблю” храма его фантастическую длину: 80 м. От этого все внутреннее пространство как бы надулось, а страшный вес купола перестал ощущаться, стекая вниз по аркам и полуаркам. Кстати, верхние части полукуполов и парусов — тоже результат надстраивания в две фазы: в X и в XIV вв. В целом же паруса суть наиболее изящное воплощение византийской идеи объема: они не просто решают проблему квадратуры круга, но разрешают эстетическое и, если угодно, метафизическое противоречие неба и земли, то есть парящих купольных объемов и покоящихся на твердом основании галерей.

Гигантское пространство все залито светом, и это притом, что контрфорсы заслонили собой многие окна. Изначально их было 214, сейчас — всего 181. Храм ярко освещался и изнутри — так, по словам еще одного русского паломника XIV в., Стефана Новгородца, “кандил множество неисчетно в Святой Софии: ина яже в трулех (куполах) церковных и в комарах, а иныя в стенах и промежи стен и во улицах церковных, идеже иконы великие стоят и тут кандила с маслом деревянным горят”. Робер де Клари, один из участников Четвертого крестового похода, насчитал в Софии 100 светильников, по 25 свечей в каждом, и отметил, что они спускались с потолка на цепях толщиной в руку. На многих колоннах, чуть выше человеческого роста, можно заметить **кольца** — следы крепления светильников.

Пилигримы восторженно сообщают, что колонн и дверей в храме — по 365, однако в действительности колонн всего 128, а дверей и того меньше.

По словам Прокопия, “никто еще никогда не пресытился этим зрелищем”

Однако разнообразие колонн и вправду велико. При входе в основной неф бросаются в глаза **восемь темно-красных колонн из порфира** ⑤, попарно стоящих в четырех экседрах. Средневековое “Сказание о строительстве Софии” утверждает, будто их на специальных судах-катамаранах прислала из Рима некая вдова, которая получила их некогда в качестве... приданого. В Риме же они оказались в III в., когда император Аврелиан строил там храм Солнцу. На самом деле, вряд ли все эти колонны происходят из одного храма: длина их колеблется от 24 до 25 футов. Те бока основных столбов нефа, которые смотрят в сторону порфировых колонн, отделаны порфировыми же плитами, словно перекликающимися с хороводом колонн. Заметим, что, как ни грандиозен был раз-

мах Юстинианова строительства, существовали задачи, которые в VI в. были Империи уже не по плечу — например, вытесывать колонны из порфира (см. с. 259) перестали еще в середине V в., так что перед нами — предметы повторного использования, так называемые споллии.

Восемь колонн из зеленого фессалийского мрамора ⁴⁶ стоят между основными несущими столбами храма — по четыре на южной и на северной стороне. Уже более века из одного путеводителя в другой кочует легенда о том, что эти зеленые колонны были взяты Юстинианом в развалинах знаменитого храма Артемиды в Эфесе, сожженного Геростратом. Однако, в отличие от порфировых, фессалийские колонны выполнены единообразно и вполне могут быть созданием Юстиниановых камнетесов. То же относится и к основному отделочному камню Св. Софии — серо-белому приконнесскому мрамору, взятому совсем неподалеку, в Мраморном море (его и сейчас широко используют стамбульские строители, см. с. 725). Кроме него при отделке храма использовались темно-зеленый мрамор со склонов Тайгета на Пелопоннесе, светло-зеленый эвбейский мрамор, розовый фригийский, желтый тунисский — всего двенадцать разных сортов. Ближе к алтарю стоят колонны черного мрамора. Стефан Новгородец поясняет для своего читателя: *“Мрамор зовется камень гладок и красен вельми”* — и дальше пишет: *“Стоят столпы вельми красны, подобны аспиду (яшме)... стоят столпове от камня багряна, красна вельми, пропестри; видети в них человеку лица своего образ, аки в зеркало”*. Скорее всего, речь идет о колоннах юго-восточной экседры.

Обратим внимание на то, что колонны увенчаны не классическими “коринфскими”, а особыми ранневизантийскими “корзиночными” капителями. В отличие от античной, софийская капитель перетекает в ствол колонны мягко, подхватывая то непрерывное “кольхание” форм, которое начинается с парусов купола. Говоря о капителях, нельзя не упомянуть монограммы — они выглядят как живые существа, пытающиеся высвободиться из-под растительной толщи.

А вот бронзовые воротники сверху и снизу многих колонн, как и протянутые иногда между ними свинцовые прутья были установлены в средневизантийское время — это следы усилий по выравниванию ужасающего давления купола.

На базах колонн, что стоят по шесть-надцать по левую и правую руку от входа, можно рассмотреть сложно переплетенные вензеля: вперемежку “Юстиниан император” и “Феодора августа”. Такие же монограммы идут от юго-восточной конхи в северную часть храма через центральные колонны на юге и западе. Везде — Юстиниан и Феодора. Даже придворный историк Прокопий, ненавидевший императорскую чету лютой ненавистью и в своей “Тайной истории” много порассказавший о распутной молодости Феодоры, вынужден признать, что Юстиниан женился на этой балаганной актриске по великой любви, пренебрегая не только обычаями, но и законом, и что в браке они хранили друг другу полнейшую супружескую верность (несмотря на идейные разногласия, о которых см. на с. 246). Вот и в декоре Св. Софии отразилась их взаимная любовь.

Все стены нефа декорированы невероятно изящными мраморными плитами. Камнетесы расщепляли каждую на пластины по 20–30 мм толщиной и разворачивали ее, словно книгу, отчего две соседних створки неизменно образуют симметричный рисунок. В этих разводах можно при известной доле фантазии разглядеть изображения: иногда там находили Богороди-

Павел Силенциарий утверждает, что капители колонн в Св. Софии были позолочены

Монограммы Юстиниана и Феодоры

цу с Младенцем, иногда — дьявола, иногда — ангела-хранителя храма.

Над входом в неф с внутренней стороны, над дверьми — большая плита зеленого мрамора. На этом месте, по словам Стефана Новгородца, можно было, *“пошед мало обратитися на запад и возрети горе над двери: ту стоит икона святы Спас. Тут бо поганый иконоборец лествицю пристави восхоте создати венец златой, и святая Феодосия опроверже лестницу и разбися поганый”* (см. с. 362). Чуть выше этой плиты — сделанное в технике мраморной аппликации **изображение Голгофского креста под балдахином** ⁴⁷ в окружении двух растворенных и подвязанных занавесок. Недавно выдвинута теория, что эта картинка, относящаяся к IX–X вв., условно воспроизводит ту сложную конструкцию, которая украшала алтарь храма (прототип, целиком изготовленный из драгоценных металлов, похищен крестоносцами). Ниже креста изображены две пары дельфинов. Это существо было символом Христа, видимо, потому, что считалось спасителем тонущих в море людей.

В узких проходах между западной стеной нефа и западной парой опорных столбов, **на цилиндрических сводах потолка** ⁴⁸ хорошо сохранились ковровые мозаики невероятной красоты.

Если перевести взгляд с потолков и сводов на уровень человеческого роста, можно воочию столкнуться с важным, хотя и малозаметным элементом в жизни Великой Церкви — самочинными надписями, оставленными в ней многими поколениями богомольцев. На первом этаже самое больше число граффити нанесено как раз на западной стене, то есть “на камчатке”, на максимальном удалении от “начальства”. Разумеется, выпцарапывать что бы то ни было на гладко отполированной мраморной поверхности очень трудно, но умельцы все же находились. Может, зубила с собой проносили? Например, если войти через правые двери, то справа от них, на северной грани первого пилястра, чуть ниже карниза, проходящего на уровне глаз, сохранилась **греческая надпись: “Господи, помоги”** ⁴⁹. На том же столбе, но южнее (то есть дальше от входа) и чуть ниже, различим рисунок. Изображен человек с чем-то вроде копья в левой руке и каким-то шаром — в

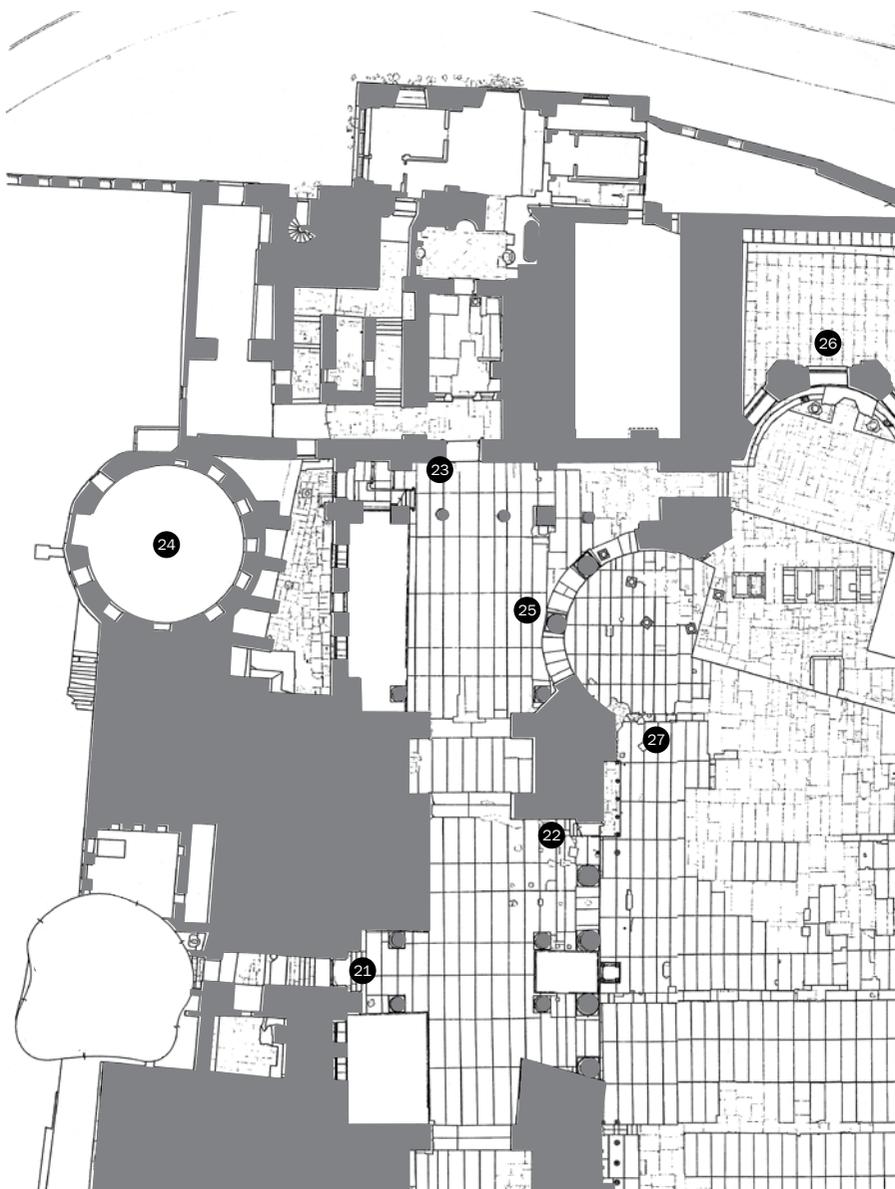
правой. Читается имя: “Самона”. Выше и правее нарисован еще один человек. Разумеется, эти едва видимые граффити совсем не похожи на те глубоко вырезанные, никого не стесняющиеся буквы, которые оставлены в разных частях храма строителями. Всего таких строительных отметок в Св. Софии 625, принадлежащих 172-м различным типам. До сих пор ученые не смогли установить закономерности в появлении этих знаков и потому не доискались до их смысла: то ли это “бренды” каменоломен, то ли сертификаты об оплате работ, то ли визитные карточки отдельных мастеров.

Вдоль стен храма в византийское время было “понатыкано” (более пристойного слова и не найти) множество величайших реликвий христианства, и паломники передвигались там, будто по музею.

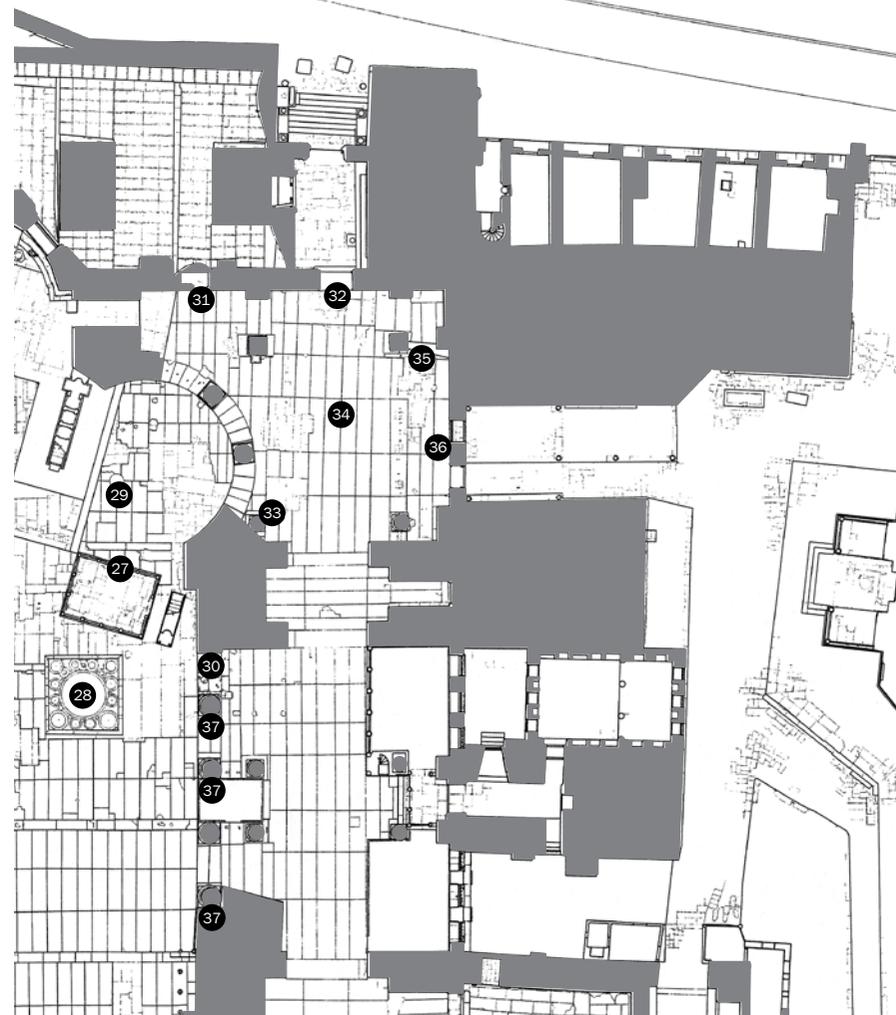
Реликвии Софии

Вот как описывает эту “экскурсию” Стефан Новгородец: *“И то все идет посолонь (то есть по часовой стрелке. — С.И.) в церкви той. И оттоле пошед итти промеж стен со свецею, обходя акы кругом. Пошед к алтарю, ту ж есть колодец от святого Иордана. И вышедше из великого алтаря на левую руку посолонь и тут близ трапеза каменна святого Авраама великого, тут же одр лежит железен, на нем же святых мученик мучиша, поставивше на огонь”*. Среди наиболее загадочных реликвий, отмечаемых паломниками, был сосуд с кровью и молоком (!) св. Пантелеймона, причем в праздник этого святого молоко и кровь сами собой менялись в сосуде местами, при этом не смешиваясь. В алтаре, по свидетельству Антония Новгородца, находилась *“телега сребряна Костянтина и Елены”*, то есть, видимо, колесница, причем ее *“место огорожено есть древом, да человеци не ступят”* — совершенно как в музее. Среди экспонатов Антоний отмечает мозаичную икону Христа без правого мизинца и приводит о ней следующее предание: *“Рек писец зря на нь: “Господи, как еси жив, тако тебя есмь написал!” И глас от образа глаголя: “А когда мя еси видел?” И писец онемев умре. И той перст не написан”*.

Святая София. Восточная часть первого этажа

Дверь в Большой баптистерий 21	Кольца от занавесей клира 25	След от императорского трона (?) 30	Кольца от занавесей митатория 34
Следы от реликвий Страстей 22	Мозаика в апсиде 26	Дверь в коридор Св.Николая 31	Следы ограждений митатория 35
Дверь в Скевофилакй 23	Мраморная «река» 27	Двери Бедных «Отпечаток руки» 32	Дверь митатория 36
Скевофилакй 24	Омфал 28	Порфиновый круг 29	Прямоугольные ниши для реликвий 37

Колонна Св. Григория — единственный сохранившийся до наших дней византийский объект паломничества из десятков, выставлявшихся некогда в Софии

Вся северо-западная часть нефа, расположенная слева от входа, построена, по византийскому преданию, на месте развалины, принадлежавшей сапожнику Ксенофону, — как обошлись с ним, рассказано на с. 219. Самым знаменитым объектом в этом углу храма была и остается **колонна Св. Григория** 20, самая северо-западная из колонн. Влажность, идущая из-под земли, сделала камень хрупким, он уже в древности был забран металлическим коробом. В анонимном древнерусском описании Царьграда утверждается даже, что “у левой стороны близ стены в столпе замурован святой Григорий Богослов”. А вот что говорит Антоний Новгородец: “Трутся персьми и плещами около столпа на исцеление болезнем”. Об этом же писал и арабский путешественник: “Приходящие сюда, утверждая, что та колонна обладает особым свойством, — одни трут об нее свое лицо, другие колупают ее ножом. Тогда, чтобы она не портилась, ее обили медью. Если у кого заболит в груди, то стоит только потереть это место об колонну, и Божьей милостью боль пройдет”.

Как это хорошо видно и сейчас, в закрывающем колонну медном футляре десятки поколений паломников протерли дырку. Сегодня эстафету переняли туристы: можно выстоять очередь, просунуть руку в дыру и коснуться влажной поверхности камня.

В северной стене (мы ведь тоже двинемся по часовой стрелке, как когда-то паломники) на поперечной оси храма сохранились **двери и подводная к ним**

лестница 21. Поскольку закрыты они неплотно, в щель можно разглядеть лапидарий, то есть хранилище камней, найденных при раскопках к северу от Св. Софии. А раньше там, видимо, стоял так называемый Большой баптистерий, исчезнувший без следа.

Дальше на восток, у западной грани северо-восточного главного столба, на полу заметны **следы** 22 от какой-то долго стоявшей мебели и тысяч подходивших сюда ног. Здесь находился стол, куда на Страстной неделе “покладывают Страсти Господни: зубку и трость и копые. Тогда бывает сход велик христиан со всех сторон”.

Северо-восточная экседра была местом, где храмовое духовенство готовилось к литургии. Отсюда **лестница и дверь** 23, над которой раньше висел пастырский посох Иоанна Златоуста, ведут в **сосудохранилище, или Скевофилакий** 24, увы, недоступный для туристов.

Скевофилакий

Он и по сей час находится в 25 м к северо-востоку от основного здания — рассмотреть его можно, если обойти храм снаружи и со стороны *Babi Hümayun Cad.* заглянуть между прутьями решетки во двор Св. Софии. Скевофилакий — самая древняя часть всего комплекса. Он был пощажён пожаром, в котором сгорел остальной храм в 404 г., во время восстания, спровоцированного ссылкой Иоанна Златоуста. Потом он пережил еще одну Св. Софию — ту, что сгорела в 532 г. во время восстания Ника. Неудивительно, что пол Скевофилакия находится на четыре метра ниже пола юстиниановой Св. Софии.

Существует версия, что именно из Скевофилакия направлялась в алтарь Св. Софии процессия священнослужителей на литургии во время Великого Входа. Однако это помещение имеет всего 11 м в диаметре, а перед Великим Входом там должны были находиться 60 пресвитеров, 100 диаконов и 90 иподиаконов — слишком тесно получается. Наверно, клирики готовились к Великому Входу также и за портьерами, которые висели на шести **кольцах** 25, до сих пор вделанных в потолок позади порфиновых колонн, в се-

веро-восточной экседре. Выйдя из-за занавесей, они длинной вереницей проделывали подковообразный маршрут по северному приделу, откуда через центральную северную арку шли в центр храма, а затем снова на восток, к амвону.

Здесь в 1349 г. Стефан Новгородец имел знаменательную встречу: *“И ту виде нас святыи патрарх Царяграда, ему же имя Исидор, и целовахом руку его, понеже бо вельми любит Русь. О великое чудо смирения святых! Не наш обычай имеют”*. Причина такого внимания Исидора к русским богомольцам понятна: как уже сказано, московские князья пожертвовали огромные суммы на восстановление Софии. Кстати, во фразе Стефана явно ощущается полемический выпад против отечественного духовенства.

Если вернуться к Скевофилакию, то, согласно византийской легенде, он был возведен на месте дома некоей вдовицы Анны, которая ни за какие деньги не соглашалась продать свое домовладение под снос. В конце концов, император Юстиниан лично пришел ее умолять, и тогда она заявила, что денег вообще не возьмет, а в качестве компенсации хочет быть похоронена под полом будущего храма. Ее имя с тех пор постоянно поминалось за литургией.

Теперь мы приближаемся к алтарной нише Св. Софии. Апсида христианского храма всегда ориентирована на восток, а “михраб”, то есть моленная ниша мечети, — на Мекку, то есть — в Стамбуле — скорее, на юго-восток. Такие михрабы, нарушающие внутреннюю симметрию здания, встроены во все церкви Города, приспособленные мусульманами под свои нужды (кроме одной — см. с. 149).

Алтарь

Михраб в Софии — одно из немногих напоминаний об исламе, если не считать развешанных на уровне галерей грубо сколоченных деревянных щитов с арабскими надписями. Кроме того, устройство михраба повлекло за собой перестройку алтарного возвышения, которое сейчас скошено к югу, тогда как в византийские времена оно было, разумеется, симметричным.

Богоматерь на троне. Мозаика в апсиде. Фотий в своей проповеди утверждает, что Богородица на мозаике стоит, тогда как она сидит. Это дало пищу гипотезе, что патриарх был слаб зрением

Впереди и вверху, в конхе апсиды, то есть в полукруглом своде, перекрывающем алтарь, вы видите **мозаичное изображение Богородицы с Младенцем на коленях** ☩. Конха — не самое удобное место для масштабного изображения: пространство изогнуто, залито светом и прорезано окнами. Эти окна при Юстиниане были еще больше. Всю поверхность переделали специально для мозаики. Считается, что к завершению работы над ней была приурочена проповедь, произнесенная патриархом Фотием на Страстную субботу 29 марта 867 г., в 24-ю годовщину Триумфа Православия, то есть окончательной победы над иконоборчеством. Изображение Богородицы в конхе и расположенная на южном склоне свода вимы фигура архангела Гавриила (второй архангел на северном склоне практически утрачен) являются самыми ранними из сохранившихся в Софии фигуративных мозаик. И ту, и другую стоит рассмотреть не только снизу, но и вблизи, с галереи. По краю конхи идет греческая стихотворная надпись, которая переводится так: *“Иконы, которые обманщики (Это, конечно, намек на иконо-*

борцев — С.И.) здесь низвергли, благочестивые правители восстановили”. Что уж за образы были низвержены, можно лишь догадываться: мы ведь помним, что при Юстиниане в Софии изображений не имелось.

Мозаика в конхе сдвинута влево относительно центрального окна, при этом поза самой Богородицы, восседающей на подушках трона, также не симметрична: верхняя часть фигуры склонена вправо (к северу), а нижняя — влево (к югу), особенно хорошо это видно по положению левой ноги. Даже подушки, продавленные тяжестью ее тела, слева видны больше, чем справа. Младенец тоже развернут влево. Изгиб поверхности апсиды усиливает впечатление, что божественная семья смотрит на юг, туда, где во время богослужения находился император.

Богородица чуть развернута, чтобы ей лучше было видно императора

Согласно легенде, Юстиниан хотел сделать в Софии пол из чистого золота, однако его отговорили от блаженной затеи, объяснив, что когда-нибудь после него “придут бедные императоры” и все обдерут. Как в воду глядели. Полы в храме беломраморные, и, благодаря тому что они несколько веков были закрыты мусульманскими коврами, их сохранность лучше, чем можно было ожидать, хотя обрушения купола на них все-таки сказались. В частности, почти исчезли так называемые реки, то есть полосы зеленого мрамора, пересекавшие пол поперек. Таковых было изначально четыре, и все они имели важное символическое значение. Их уподобляли четырем

райским рекам, но теперь в целости осталась лишь одна “река” ²⁷, идущая прямо под дугой арки восточного полукупола. Видимо, именно здесь находилась алтарная преграда, которая в те времена представляла собой невысокую ограду на колонках.

В алтарном пространстве Св. Софии разворачивались самые значимые события византийской истории. Не раз происходили здесь и бесчинства: так, в 641 г. разъяренная коронацией Константа II толпа ворвалась в храм и разорвала покров алтаря, который патриарх Пирр вынужден был прикрыть собственным омофором. Именно на престол Св. Софии кардинал Гумберт в 1054 г. возложил папскую буллу с анафемой патриарху Михаилу Кируларию, с чего началась Великая схизма (разделение церквей).

Над святым престолом висело много корон, в разные века пожертвованных императорами храму. Надо заметить, что в Византии не существовало какой-то особой “шапки Мономаха”, то есть специального и единственного царского головного убора. Корон было множество на разные случаи, причем носили их и даже заказывали не только сами императоры, но и их родственники. Немудрено, что время от времени те или иные короны с легкостью жертвовались храму. Так, в 601 г. жена заказала для императора Маврикия драгоценный венец, а тот “отнес его в храм и повесил над святым престолом на тройной цепи из золота и драгоценных камней. Узнав об этом, августа очень опечалилась”.

Когда 31 июля 1200 г. против императора Алексея Ангела восстал Иоанн Толстый, он, по словам Никиты Хониата, “ворвался в Великую церковь, возложил на себя один из венцов, висящих вокруг святого престола, и в таком виде предстал перед народом”. Правда, в тот раз корона не пошла голове на пользу, мятеж был подавлен той же ночью, узурпатор казнен, а голова “еще истекающая кровью, со страшно оскаленным ртом и моргающими глазами, была на петле поднята среди торговой площади напоказ всем”.

Свисавшие с потолка Св. Софии короны производили неизгладимое впечатление на “варваров”, посещавших храм. По словам Антония Новгородца, в Софии висело “над киворием 30 венцов в воспоминание о 30 сребрениках Иуды”. В наставлениях сыну

Константин Багрянородный даже специально инструктирует его, какими именно словами следует отбивать просьбы варварских правителей подарить им царский венец: надо врать, что все царские короны развесил в Св. Софии ангел Божий, под страхом смерти запретивший кому бы то ни было их дарить. Эти отговорки (их еще много в трактате Константина “Об управлении империей”) поражают своим цинизмом: император велит ссылаться на запрет ангела по самым ничтожным поводам и приписывать божественное происхождение предметам, про которые на соседних страницах спокойно говорит как о земных и будничных.

Западнее алтарной преграды по полу шла дорожка, называвшаяся **солеей**, от которой остался лишь ничтожный “хвостик”, да и тот скрыт современным помостом. На этом месте Константин Копроним расправился с низложенным патриархом Константином. В октябре 768 г. патриарха “усадил на солее Великой Церкви, рядом с ним находился асикрит, державший в руках бумажный свиток, в котором были записаны вины патриарха. По приказу императора весь народ собрался в церкви и смотрел. Свиток зачитывали для всеобщего уведом-

Император Василий II Болгаробойца (изображенный на миниатюре в составленном по его приказу Месяцеслове) много воевал с Арменией. Это не помешало ему пригласить армянского архитектора Трдата, построившего знаменитые церкви в Ани, восстанавливать Св. Софию после землетрясения 989 г.

ления, и при зачитании каждого пункта асикрит бил Константина по лицу, а новый патриарх Никита наблюдал за этим. Затем Константина возвели на амвон и поставили там, и Никита анафематствовал его, и его вытолкали из церкви задом наперед”.

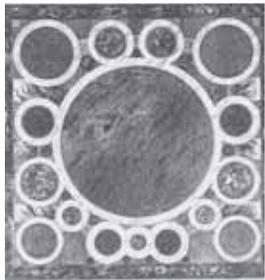
На пересечении солеи и алтарной преграды, подобно острову среди моря, возвышался **амвон**. Он был похож на тот, что теперь стоит перед входом в Св. Софию, только гораздо больше. Здесь короновали ромейских императоров. Царскую хламиду и венец клали на специальный стол, патриарх творил над ними молитву, после чего все это надевали на императора, а хор пел “Свят, свят, свят” и “великому императору и самодержцу имярек многая лета”. По словам Павла Силенциария, “когда священник идет с амвона, держа золотое Евангелие, толпа рвется вперед, желая потрогать священную книгу губами и руками, и вокруг бушуют волны людского моря”.

Теперь мы переходим в южную половину храма. Около юго-восточного опорного столба на полу выложен **огромный круг** ²⁸ из гранита в окружении кругов поменьше из красного порфира и зеленого мрамора.

Императоры в Святой Софии

Э то место называлось “омфал”, то есть пуп. Иногда полагают, что здесь стоял императорский трон (туристическая табличка оповещает, что тут “короновались византийские императоры”), но это ошибка. Омфал возник не раньше **xiv** в. Маленькие и большие кружки, роящиеся по периметру центрального круга, образуют загадочный, несимметричный рисунок, причем для пущей головоломки цвета некоторых кругов совпадают. Считали, будто это астрологическое пророчество или зашифрованное гностическими символами словосочетание “Христос София”, однако все эти объяснения были впоследствии опровергнуты. А загадка остается.

В сущности, не очень ясно, где именно стоял в храме императорский трон. Антоний Новгородец пишет: “У алтаря на правой стране есть мрамор багрян, и ту ставят престол злат. И по стра-

Среди других знаменательных мест в Св. Софии Константин Багрянородный упоминает и “порфиновый омфал” — на него вставал император, прежде чем войти в алтарь. Впрочем, нынешний омфал явно относится к более позднему времени

нам того места есть место ограждено медью, да человеци не вступают, но то место целуют народы”. Действительно, справа от алтаря есть на полу **круг из порфира** 29, но он чересчур мал, чтобы на нем мог поместиться престол. Здесь водружали крест Константина, когда его вносили в церковь перед шествующим туда императором. Существует мнение, что трон стоял в юго-восточной экседре, **справа, у самой стены**. Но и у западной грани юго-восточного опорного столба на полу, если приглядеться, заметны **следы квадрата 80 x 80 см** 30, — может, это и есть след от трона? Короче, опять загадка.

По константинопольской легенде, восточная и юго-восточная части храма достались Юстиниану в результате покупки дома у евнуха Антиоха.

С южной стороны от алтаря в восточной стене храма видны две ныне запертые **двери**. **Левая** 31 ведет в сводчатое помещение размером 7,9 на 5,5 м, где теперь устроен склад, но стены по-прежнему отделаны мрамором с крестами. Видимо, здесь начинался уничтоженный теперь “**коридор Св. Николая**”. **Правая** 32 называлась “Дверями Бедных” — раньше они соединяли храм с помещением, где находился **Святой колодец**, возле которого якобы произошла встреча Христа с самаритянкой. Большая часть этой комнаты теперь заменена минаретом, однако сам колодец, описания которого оставлены множеством паломников, уцелел, хотя сейчас к нему, увы, не

пускают. Именно здесь император во время официальных торжеств покидал храм, поднимаясь на второй этаж по лестнице, которая до нашего времени не уцелела. Согласно “Книге церемоний”, патриарх провожал его “до маленькой двери, ведущей в Св. колодец”. На пороге император брал из рук препозита кошельки с деньгами и вручал их нескольким клирикам Церкви, при этом другой чиновник выкрикивал: “Такому то — от добрых владык!”

На юго-восточной стороне юго-восточного опорного столба, на белой плите (левее центральной порфировой плиты, смотрящей на порфиновую же колонну), на высоте 5,5 м виден естественный развод камня, напоминающий **отпечаток руки** 33.

Согласно османскому преданию, этот отпечаток оставлен самим Мехметом Завоевателем: якобы 29 мая 1453 г. султан въехал верхом в Св. Софию, заваленную трупами христиан; его конь, взбираясь на эту гряду, споткнулся, и Мехмет оперся рукой о колонну. При этом его сабля стукнулась о соседнюю колонну, на которой тоже виден соответствующий след. История красивая, но вот только мы точно знаем, что в тот действительно страшный день Мехмет все же спешил, прежде чем войти в храм.

Оказавшись в юго-восточном углу и задрав голову, мы увидим, что все четыре арки, образующие маленький купол этой части храма, снабжены крепящимися к потолку кольцами, по 9 штук с каждой стороны. С колец до полу свешивались драгоценные занавески, огораживая так называемый **ми-**

“Отпечаток руки” Мехмета Завоевателя — лишь один из многочисленных элементов фольклора, выросшего вокруг Св.Софии

Император молится в митатории (Мадридский Скилица)

таторий 34 — особое пространство, где император мог находиться во время литургии, оставаясь невидимым для подданных. Согласно Константину Багрянородному, это выглядело так: “Царь доходит до Св. колодца, там его встречает патриарх и вводит его через большую дверь. Патриарх кидит на императоров, а они его лобызают, потом владыки вместе с патриархом идут до порфиновых колонн, там они прощаются с патриархом, целуя его, и патриарх возвращается к алтарю, а владыки входят в митаторий и после окончания службы тайно поднимаются по винтовой лестнице митатория на галерею и возвращаются во дворец”. Кстати говоря, в обычных случаях властителя полагалось целовать в щеку, но на Пасху и Рождество — в уста.

В том же юго-восточном углу на полу у южной стены видны следы какого-то исчезнувшего **ограждения** 35 размером 18,5 на 3,6 м. Есть версия, что за этой загородкой император закусывал; по другой же версии, пиршественная зала находилась уже вне пределов храма, за той **дверью** 36, что пробита в этой части стены (сейчас она заперта, и помещение за ней недоступно для осмотра).

Константин Багрянородный подробно разъясняет, кто именно по каким праздникам имел право пировать вместе с василевсом, и однажды называет точное число гостей: 14 высших гражданских чиновников плюс патриарх с двенадцатью высшими иерархами (прямо в литургических одеяниях, только без омофора). Когда василевсы переехали из Большого дворца во Влахернский, здесь же, за этой дверью, император и почивал во время нечастых (не более двух раз в год) визитов в Софию.

Западнее митатория в южном нефе стояли за литургией высшие должностные лица Империи. С западной стороны каждой из трех колонн, что ограничивают пространство южного нефа с северной стороны, хорошо видны **прямоугольные пропелешины** 37 со следами креплений: сюда закладывались христианские реликвии.

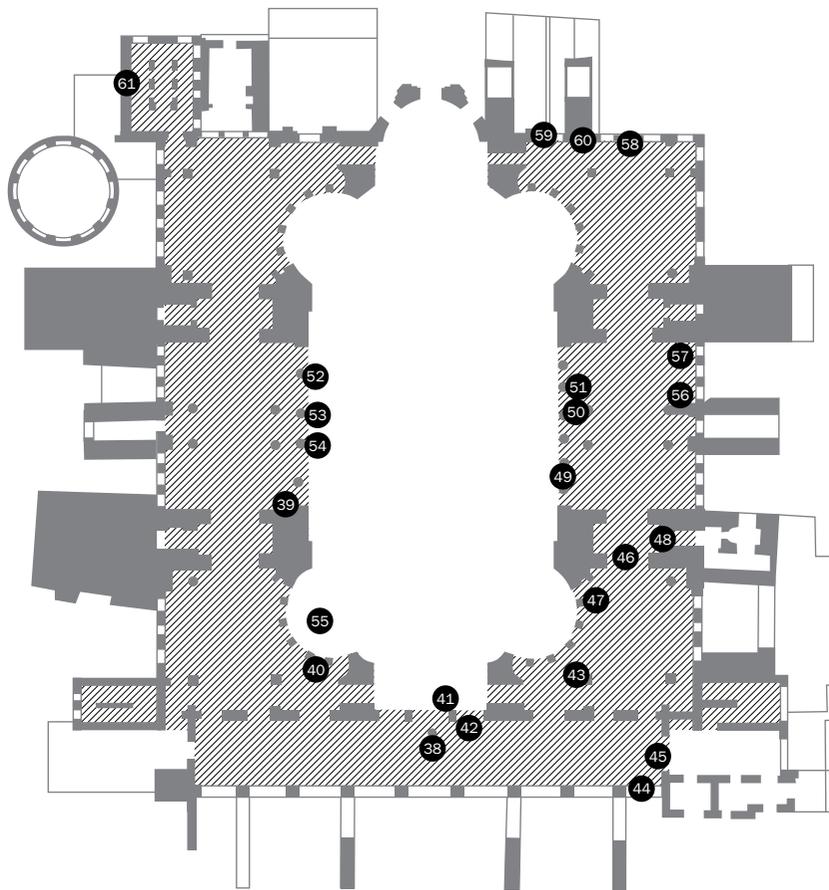
Галерея

На этом мы покидаем первый этаж Св. Софии и через нартекс идем на север, где начинается длинный круговой пандус, ведущий на катехумений, — так называлась галерея второго этажа. Изначально там стояли еще не принявшие крещения “оглашенные”, но с тех (весьма ранних) пор как крестить византийцев стали в младенческом возрасте, слово утратило смысл, и на втором этаже обычно находились женщины.

В самой середине проходившей над нартексом западной галереи, прямо напротив алтаря, у парапета стоял трон императрицы. Его место помечено **квадратом зеленого мрамора на полу** 38. Вокруг толпились прихожанки, многие из которых оставляли на парапетах свои надписи (стало быть, женщины в Византии были грамотны).

О том, как происходило разделение полов в Св. Софии, рассказывает русский паломник XIV в. Игнатий Смоленский при описании коронации императора Мануила II: “И бяше народа множество, мужский пол внутрь святых церкви, а женский на полатях. И толико хитро есть: вси, иже бяху женска полу, стояху за шидными запонами, а лиц их украшения никому же от народа не видети, им же вся зримая видети есть”. Впрочем, в XII в. знаток церковного

Святая София. Второй этаж

Место трона императрицы.....	Софии.....	Скандинавские граффити.....	Мозаика с деисусом.....
Мозаика императора Александра.....	Дверь №45.....	Мозаика Игнатия Младшего.....	Надгробие Дандоло.....
Граффити пяти древнерусских паломников.....	Врата Рая и Ада.....	Мозаика Иоанна Златоуста.....	Дверь №51.....
Граффити про митрополита Евстафия.....	Граффити писаря Якова Григорьевича.....	Мозаика Игнатия Богоносца.....	Мозаика Константина IX и Зои.....
Москвитина.....	Дверь №48.....	Новооткрытый лик херувима.....	Мозаика Иоанна II, императрицы Ирины и царевича Алексея.....
Столб, в котором обитал ангел-хранитель.....	Граффити попа Матфея.....		Портрет неизвестного святого.....

права Феодор Вальсамон жалуется, что на иные праздники невозможно привести в церковь приличную женщину, поскольку на нее будут пялиться “бесстыдно и похотливо”.

В северной галерее, с восточной стороны основного северо-западного столба, у самых перил сохранилась **мозаика 39** с изображением императора Александра, расположенная в глубине тоннельного свода. Он стоит в пурпурном облачении, называемом скармангий, в какой император одевался только на Пасху. Коль скоро Александр встретил ее на троне только один раз — в 913 г., можно точно сказать, когда именно сделана мозаика. В правой руке у императора — “акакия” (см. с. 39), в левой — скипетр. В надписи полностью приведено имя “Александр”, а потом при помощи головоломок-монограмм добавлено: “Господи, помоги рабу своему, верному православному императору”.

Это, конечно, большая ирония истории, что увековечен оказался один из самых недолговечных василевсов, процарствовавший всего год. Александр, младший брат Льва VI, успел за свое краткое правление многих восстановить против себя. Утверждали даже, будто он хочет оскотить малолетнего племянника, Константина Багрянородного, и посадить после себя на престол какого-то славянского юношу. Злые языки утверждали, что, будучи весьма развратен, но при этом лишившись мужской силы, он воскурял фимиам языческим статуям на Ипподроме; якобы там он и умер от удара.

Император Александр, изображенный на мозаике в северной галерее, по совету колдунов снабдил изваяние вепря с Ипподрома зубами и гениталиями, рассчитывая, что это укрепит его собственные силы

Мраморные парапеты второго этажа сплошь изрезаны граффити на различных языках. Среди них есть примерно 80 древнерусских, из которых пока опубликовано лишь 11. Граффити — это не обязательно надписи: множество моряков, попав в шторм, возносили молитвы о спасении, а спасшись, приходили сюда и рисовали на стенах свои корабли — один такой можно разглядеть на западной стороне столба, стоящего на втором этаже ближе всех ко входу на галерею.

К сожалению, средневековые граффити постепенно исчезают под слоем современных — нынешние варвары вытесняют старых. А впрочем, равнять этих с теми неправильно: ведь средневековый человек воспринимал храм не как художественный памятник, который нужно сохранить в неприкосновенности, — он сам ощущал себя частью этого храма, и его автограф являлся формой обращения к божеству, своего рода постоянной молитвы, а не мелкого самоутверждения, как нынче.

На самом правом парапете полукруглой балюстрады (она соответствует северо-западной экседре) оставили свое **граффити** ⁴⁰ пять русских паломников второй половины XII в.: “[Господи, помози р[а]бомъ своимо Иванови, Гюргеви, Костянтинови, Олисеви и Олекосе, постоявоши на сихо мествхо. Амино”. На этом же парапете есть и другая, весьма любопытная надпись — также домонгольского времени: “Василь писал Онанич и Говена Марея грешная тако писала мужеви” (то есть за мужа). Надпись начата довольно слабой рукой — очевидно, мужа, а закончена уверенным почерком — наверно, жены.

В другом проеме западной галереи, расположенном к югу от “места императрицы”, на перилах красуется прекрасно читаемая **надпись** ⁴¹: “[А]же кто придет семо, аже не молитесь митрополиту, а горь ему [п]олу(ч)[и](ти)”. Этот достаточно необычный текст высечен в левой части правого парапета, а в правой его части, у самого столба, сохранилась **надпись** ⁴² наиболее распространенного типа, каких здесь сотни: “Господи, помози рабу Божию Евстафию Москвитину”. Надпись почему-то повторена дважды. Евстафий, судя по форме букв, ходил в свое паломничество в XIV в.

Юго-восточный столб галереи ⁴³ — это то место, в котором обитал ангел, стороживший Св. Софию. В Константинополе была

популярна легенда о том, как во время строительства Св. Софии рабочие однажды пошли обедать, оставив на стройплощадке лишь одного мальчика. Ему-то и явился “светозарный муж”, показавшийся вначале одним из дворцовых евнухов. Он спросил, в чем причина перерыва, а затем велел мальчику идти к рабочим и побудить их работать бесперебойно. Тот возразил, что его поставили охранять инвентарь и отлучиться он не может, — но пришелец заверил, что сам посторожит, пока мальчик не вернется. Когда тот явился с этим известием к обедавшим строителям, среди них находился и Юстиниан — быстро пересчитав своих евнухов (именно им в Византии чаще всего уподобляли ангелов) и убедившись, что все на месте, император сообразил, что речь идет о неземном существе. Он тотчас отправил мальчика в Рим, причем навсегда — с тем, чтобы ангел вечно охранял новую церковь. Все константинопольцы и “гости столицы” точно знали, где именно затаился ангел, тем более что Сказание о Софии не оставляет на этот счет ни малейшей неясности: “С правой стороны столба, от которого арка поднимается к куполу”. Увы, по свидетельству Нестора-Искандера, христианина, служившего в османском войске, вечером, накануне решающего штурма Константинополя турками, ангел снялся со своей 800-летней вахты и в виде огненного столба ушел в небо: “Пламени огненну

Заседание патриарха и синода (Мадридский Скилица)

велию изшедшу, окружившу всю шею церковную, и собрався пламень в едино, и бысть яко свет неизреченный, и абие взятыя на небо. Онем же зрящим начеша плакати горько. Свету же оному достигшу до небес, отверзошася двери небесные, и прияше свет паки затворишася. На утрне патриарх поиде к цесарю и рече: ангел Божий, его же укрепил Бог при Устиниане цесаре, на сохранение святых церкви, в сию бо ночь отидоше на небо, и се знаменует, яко хочет Бог предати град наш врагом нашим”.

Южная галерея примыкала к Патриаршему дворцу и была зарезервирована за церковными соборами.

Поскольку византийские епископы не любили жить на своих кафедрах, среди грязи и невежества, они постоянно по делу и без дела толклись в Константинополе, и из них в любой момент можно было составить собор. Кстати, в западной стене храма, поблизости от юго-западного угла, **видна дверь** 44 (на ней теперь висит № 45), ведущая на крышу собора. Возможно, именно через нее в 1082 г. бежал от разъяренной толпы философ Иоанн Итал, которого обвиняли в ереси (смешной, он принес на процесс кипу книг, которыми хотел обосновать свою невиновность, но враги не интересовались его аргументами).

Во время заседаний соборов страсти кипели нешуточные: здесь не только спорили и анафематствовали — иногда дело доходило и до рукоприкладства. Иерархи “бывали толкаемы равными им по сану и толкались в свою очередь столь же предосудительным образом — увы гордыне сей”. Кстати, и

Константин Лакапин, незадачливый конкурент Константина Багрянородного, изображен на мозаике в помещении над юго-западным вестибюлем. Доступ туристов туда запрещен, но кусок стены можно подглядеть в створках двери №46

граффити, встречающиеся в этой части храма, носят церковно-политический характер.

А вот Алексей III Ангел держал здесь придворных астрологов.

Когда в апреле 1195 г. он должен был короноваться, то замешкался у Царских дверей. Сначала предложением задержки казалось то, что император как-то особенно долго и тщательно выписывает своими пурпурными царскими чернилами Символ веры, но потом стало ясно: он выжидает того момента, когда астрологи с галереи подадут ему сигнал о том, что именно в данный миг звезды максимально благоприятствуют коронации. Однако судьба немедленно наемкнула на тщетность его расчетов. Сразу после обряда, по выходе из Св. Софии, царю подвели изумительно разубранного арабского скакуна, который, однако, вдруг начал ржать и брыкаться. Когда Алексей все же вскочил в седло, то конь встал на дыбы — и с головы императора слетела корона, а из нее выпало на землю несколько драгоценных камней. Приметливый очевидец Никита Хониат рассказывает: “Привели другого коня, но торжественный выезд свершился уже не при целой короне, и это было сочтено неблагоприятным предзнаменованием: что он царства не соблюдет, но уронит его с высоты”. Действительно ли все уже тогда обратили на это внимание или о предзнаменовании вспомнили задним числом, но только в 1203 г. Алексей не сумел организовать оборону Константинополя от крестоносцев и позорно бежал. Впрочем, до этого оставалось еще много времени, а в тот момент толпа могла предаваться немудрящему веселью: дело в том, что вслед за Алексеем III ехал, в числе прочих, его дядя Иоанн Дука. Так вот, с него тоже во время торжественной процессии свалилась корона. Хониат сообщает: “Все зрители вскрикнули, а потом подняли смех, когда их взорам, как полная луна, предстала его плешь. Принявши по необходимости веселый вид, Дука перенес хохот толпы, подсмеиваясь отчасти и сам”.

В том же юго-западном углу галереи, но уже в южной стене, находится и другая **дверь** 45, которая теперь имеет на себе № 46, — она ведет в патриаршие покои. Заглянув в широкую щель между створками, можно увидеть обширное помещение и даже остатки мозаик, украшающих стены и своды (их датируют X в.).

Это и все прочие помещения, пристроенные к храму с юго-запада, возведены не Юстинианом, а, скорее, его преемником Юстином для так называемых патриарших секретов, то есть ведомств. Увы, публику туда не пускают. Чуть восточнее в южной стене открывается вход на лестницу (ниже она превращается в пандус), по которой можно было выйти на улицу у северо-западного угла Баптистерия (см. с. 81).

Между юго-западным угловым пространством (за экседрой) и собственно южной галереей стоит резная **мраморная преграда** 46, названная в позднейшее время “Врата Рая и Ада”. Обратим внимание на резное изображение ложных дверей и на неожиданно легкомысленный декор. Характер резьбы позволяет отнести “Врата” к VI в., однако никаких упоминаний о них в источниках мы, как ни странно, не встретим. Видимо, они разделяли духовные и светские власти.

На самой последней колонне с западной стороны перед “Вратами” (той, что соединена с юго-западным опорным столбом), на высоте 164 см читается **надпись** 47: “(Господи, помози рабу своему Якову Григорьевичу, писарю Герасима, митрополита Киевского”. Граффити любопытно тем, что упомянутый в нем Герасим нам известен: это был епископ Смоленский, которого в 1432 г. литовский князь Свидригайло отправил в Царьград поставляться в киевские митрополиты. Через два года Герасима заживо сожгли по обвинению в заговоре.

Сразу за “Вратами” в южной стене имеется еще одна **дверь** 48, имеющая № 48, — в ее замочную скважину видны одна за другой две комнаты. К сожалению, больше там ничего не разглядеть, а между тем первая комната — крестово-купольная в плане, с частично сохранившимися мозаиками, вторая четырехугольная, с остатками фресок. Обе были часовнями, но теперь забиты мусором и пока остаются не исследованными. Сюда ведет с земли потайная лестница со следами скамеечек для отдыха на площадках; вход на нее во внешней стене церкви теперь замурован.

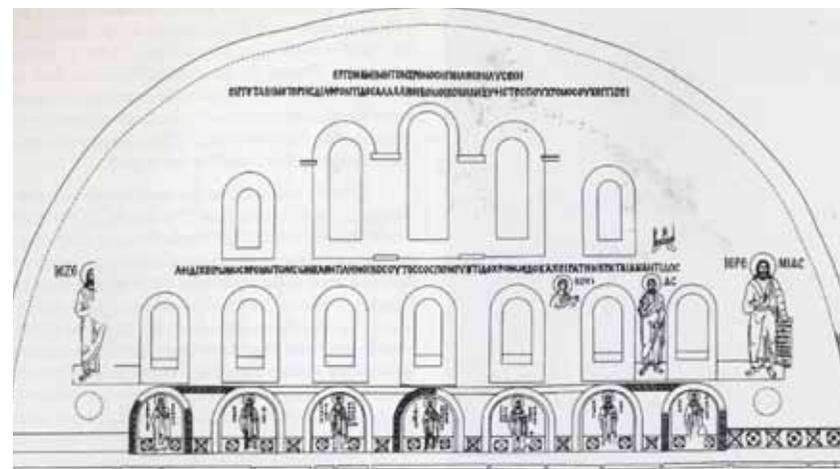
На первом парапете к востоку от “Врат Рая и Ада” какой-то прихожанин начертал две **игральные доски** 49: видимо, мечтал о метании костей даже во время литургии. Еще через один парапет (недалеко от знаменитой мозаики с Христом, см. с. 72)

огромными буквами начертано по-древнерусски: “*Матфей поплъ галичський*” 50. Увы, лишь один из парапетов Св. Софии (четвертый по счету с запада на южной галерее) закрыт плексигласом — он охраняет граффити, оставленные якобы в IX в. викингами, которые подписались **скандинавскими рунами** 51: “*Хальвдан*” и “*Арни*”. И тот и другой, конечно, служили телохранителями византийских императоров (см. с. 114).

Именно с южной галереи удобнее рассматривать мозаики в тимпанах северной стены. Сохранился лишь нижний ярус изображений, сейчас их всего три: **Игнатий Младший** 52 (константинопольский патриарх, кастрированный сын императора Михаила I, см. с. 585), **Иоанн Златоуст** 53 (напомним, что он служил в самой первой Св. Софии) и **Игнатий Богоносец** 54. Все они исполнены чуть позже, чем Богоматерь в апсиде. Еще

Мозаики

Таким Фоссати видел и зарисовал северный тимпан Софии

Фоссати видел на северном тимпане больше мозаик, чем их видно теперь.

Отсюда же удобно рассматривать и расчищенный лишь в 2009 г. **лик херувима** ⁵⁵ в северо-западном парусе купола. Историки искусства еще не успели высказать своего мнения о датировке этого изображения.

В южной галерее сохранилась верхняя часть огромной **мозаики** ⁵⁶ палеологовского времени с изображением Христа Вседержителя и предстоящих ему в молитве Богородицы и Иоанна Предтечи — так называемый деисус. Живопись здесь — невероятно тонкая и нюансированная. Обратите внимание, как по-разному смотрят глаза на трех ликах. Взгляд Иоанна исполнен суровой скорби, он понимает, что человечеству, по причине грехов, надеяться совершенно не на что. Мария смотрит чуть смущенно — ведь ее сын одновременно оказался Богом. А сам Спаситель задумчиво устремил взор куда-то поверх них — ведь он и так наперед знает все, что они могут ему сказать, но сверх того ему известно еще другое, недоступное земному пониманию.

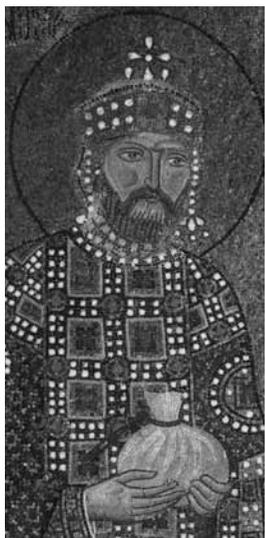
Здесь же, в южной галерее, напротив мозаики с деисусом, над полом чуть возвышается **беломраморная плита** ⁵⁷, на восточной стороне которой по-латыни написано: “Хенрикус Дандоло”. И все. Здесь покоился человек, с которым связана одна из самых трагических страниц византийской истории. Этот венецианец несколько раз бывал с дипломатическими миссиями в Константинополе и, согласно позднейшей легенде, в 1184 г. был ослеплен по при-

Иоанн Предтеча на мозаике южной галереи

казу императора — о чем рассказывает, например, Новгородская летопись: “А сего дожа слепил Мануил цезарь. Повеле ему очи слепити стеклом и быста невредене очи, но не видяше ничегоже. Сей же дож много брани на Град замышляше”. Впрочем, слепота не помешала бурному темпераменту Энрике. В 1192 г., уже перевалив за 70, он был избран дожем Венеции и положил все силы на то, чтобы отомстить Империи за свои потерянные глаза. Дандоло, по словам Хониата, “муж, лишенный зрения и дряхлый годами, но самый большой ненавистник и завистник ромеев, называвший себя умнейшим из умных, не хотел умирать раньше, чем отомстит ромеям за обиды. Он постоянно повторял в уме и перечислял, сколько бед было причинено венецианцам”. Именно Дандоло был “мотором” Четвертого крестового похода, это он повернул крестоносцев против христианского Константинополя и добился того, что венецианцы получили за свое участие в походе максимальную долю добычи: три восьмых. Он умер (в возрасте за 90!) во время боевых действий и был похоронен в Св. Софии. Стоит ли удивляться тому, что в 1261 г., когда Константинополь отвоевали у латинян, кости Дандоло были выброшены собакам. С этой плитой ученым не все ясно: во-первых, зачем бы византийцы ее сохранили? Во-вторых, почему надпись выполнена не тем готическим шрифтом, что прочая латинская эпиграфика Города? В-третьих, венецианцы писали, что их дож похоронен в стене, а не в полу Софии. Уж не подделка ли перед нами? Ответа пока нет.

На восточной стене южной галереи видна весьма непрезентабельная **дверь** ⁵⁸ с № 51. Теперь она ведет в никуда, но раньше здесь начиналась галерея, по которой императорская процессия могла попасть из Дворца в собор, не появляясь при этом в городе. На левом косяке этой двери, в 60 см от пола, отлично сохранилась древнерусская надпись: “Г(оспод)и, помози рабу своему Филипу Микитиничу, столнику Киприана митрополита Киевского и всея Русси”. Митрополит Киприан — персонаж весьма известный; он бывал в Царьграде трижды: в 1379–1380, 1386–1387 и в 1389 гг. К какому из его визитов относится граффити, неизвестно, но каждый раз Киприану приходилось несладко: сначала он должен был отстаивать свое назначение против креатуры князя Дмитрия Донско-

Император Константин Мономах на мозаике южной галереи

го, а потом отвечать за нестроения в своей епархии. В любом случае все прения происходили по-гречески, так что несчастный Филип Микитинич, скорее всего, ни бельмеса ни понимавший, должен был маяться бездельем.

Логично, что именно там, где императоры вступали в храм, сохранились две мозаики с царскими изображениями. Мимо них путь лежал к балюстраде, с которой открывался вид на все внутреннее пространство Св. Софии.

Левая из мозаик, открывшихся после расчистки в 1935 г., изображает **Христа в окружении царственной четы** ☩. По правую его руку — красивый мужчина с большим мешком в руках, который, скорее всего, изображает “апокомбий”, то есть царское дарение храму Св. Софии. Над головой мужчины написано: “Константин, во Христе Боге самодержец, верный император ромеев Мономах”.

Речь идет о Константине IX Мономахе, царствовавшем с 1042 по 1055 г. По левую руку от Христа стоит молодая румяная дама, возле которой надпись: “Зоя, благочестивейшая августа”. Это жена Константина, Зоя (978–1050), держащая свиток со словами: “Константин во Христе Боге верный император ромеев”. Надпись сделана красным цветом, в подражание пурпурным чернилам, коими визировались настоящие императорские документы с золотой царской пломбой. Скорее всего, имелся в виду рескрипт, по которому храму Божией Премудрости передавались какие-нибудь

привилегии или пожалования. Действительно, мы знаем, что эта императорская чета отличалась невероятной щедростью по отношению к церкви вообще и к Св. Софии в частности: если до Константина там служили литургию лишь по праздникам и выходным, то благодаря его спонсорству перешли на ежедневный порядок служб. Можно предположить, что об этом и говорилось в документе, изображенном на мозаике. Все логично, все складывается...

Но не тут-то было. Приглядевшись повнимательнее, мы увидим, что мозаика подвергалась переделке: обе надписи, упоминающие Константина, явно выполнены другими кусочками смальты. Да и сама голова — новая. Вспомните: на том же туловище раньше явно “сидела” другая. Объяснить это нетрудно, поскольку багрянородная Зоя, последний отпрыск Македонской династии, была замужем трижды: сначала отец выдал ее за Романа Аргира, после смерти последнего она вышла замуж за Михаила Пафлагонца, а красавцу Константину Мономаху досталась уже 64-летней.

Посчитав, сколько букв изначально было в сбитом имени, мы с легкостью установим, что уничтожению подвергся Роман Аргир. Это его руки на самом деле держат мешок с золотом. Ничего удивительного — он еще до женитьбы был экономом Великой Церкви, а после воцарения пожертвовал Св. Софии 80 литр золота (то есть 5760 золотых монет) в год.

Заметим, кстати, что переход на ежедневное богослужение создал дефицит квалифицированных кадров. Видимо, в те времена в Великую Церковь брали на работу кого угодно — именно над этим массовым “оргнабором” издевается Христофор Митиленский в одном из своих едких стихотворений: “Посмотри на этих пастухов, плотников и зеленичников! Один, только что из моряков, вместо “Давайте помолимся!” возглашает по привычке “Давайте поплывем!”. Другой, разделяя Святые Дары на божественном алтаре, вспоминает свою профессию и кричит: “А вот кто купит буханочку?”, третий, держа в руках чашу для причастия, выкликает: “Хорошее вино, сладкое!” — как положено в корчме”.

Но вернемся к портрету — дело в том, что лицо Зои на мозаике тоже заменено. Кем и зачем? Есть гипотеза, что это произошло

Императрица Зоя на мозаике южной галереи. Традиция окружать императорское изображение нимбом восходит к языческим временам

между 18 и 20 апреля 1042 г., когда Михаил Калафат сверг императрицу и заточил ее в монастырь (см. с. 105). Но ведь имя Зои не выскоблено, значит, смена облика произошла с ее согласия и, скорее всего, в момент ее очередного замужества. При этом лицо Зои было перенесено на данный портрет с какого-то другого, более раннего. Уничтоженный Зоин лик был сильнее повернут в сторону зрителя, о чем свидетельствует ее корона, оставшаяся от предыдущего портрета: она как бы сдвинута набок, и центральное украшение оказалось над левым глазом императрицы. Почему же старую мозаику не перенесли вместе со старой короной? Да потому, что молодая Зоя, какой она представлена на портрете, еще не носила императорской диадемы!

Наконец, совсем необъяснимой выглядит замена головы Христа. Уж он-то кому мог помешать? Убедительного ответа до сих пор не найдено, хотя версии высказывались разные: предполагали, например, что мода на различные типы изображения Спасителя могла меняться (так, как это происходило, например, на монетах) или даже что Христа хотели сделать похожим на императора.

Обратим внимание на одеяние августейшей четы. Это — парадное облачение, которое было очень тяжелым и надевалось лишь по особым случаям. Например, “лорос” — широкая перевязь, спускавшаяся вдоль груди до пола, был так тяжел, что в него облачались лишь на Пасху и на Пятидесятницу. Именно с того времени, кото-

рое изображено на мозаике, лорос стали носить в виде буквы Т — до этого его складывали буквой Y. Кстати, сама Зоя терпеть его не могла. Вот как описывает это одеяние один арабский посол: “Они не умеют ни надеть его правильно, ни сидеть в нем из-за его огромного веса и из-за того, что они слишком слабы для этого. Одевание состоит из 30 000 жемчужин”. Обратим внимание и на то, что императорская диадема по-прежнему представляет собой обруч с драгоценными камнями и подвесками — но без верха. Фасон этот доживал последние десятилетия: уже Комнины превратили корону в подобие полусферической шапки.

Соседняя, правая мозаика 60, сильно уступающая по качеству предыдущей, выполнена в 1122 г. и представляет семейство Комнинов: Иоанна II и его жену, венгерскую принцессу Пирошку, получившую в Византии имя Ирины (см. с. 34). В простенке справа можно случайно и не заметить их сына, худосочного Алексея (1108–1142). Иоанн, по словам Хониата, дал Алексею “право носить порфиру и обуваться в красные сапоги. Царь видел во сне, будто нововенчаннный его сын Алексей сидит на льве и управляет им, держа его за уши, за неимением другого средства. Смысл этого сновидения был тот, что Алексея будут только именовать и провозглашать царем, действительной же царской власти он не получит. Так и случилось, потому что спустя немного времени Алексей скончался”.

На мозаике написано: “Иоанн во Христе Боге верный багрянородный император и

Монета Иоанна II

самодержец ромеев. Ирина благочестивейшая августа. Алексей багрянородный император”. Концепция “багрянородности”, с которой нам придется столкнуться еще не раз, играла важную роль в императорской идеологии: так мог именоваться лишь тот, кто был рожден от царствующего василевса, в особой Порфировой палате Большого дворца (см. с. 118).

Не забудем, что из северо-восточного угла южной галереи лучше всего любоваться на мозаики апсиды.

Насмотревшись вдоволь на мозаики, двинемся в обратный путь, к противоположному, северо-восточному концу галереи, откуда теперь спускаются вниз. Этот пандус назывался “лестница гинекея”, потому что ею пользовались женщины.

На пути к выходу

Пандус открывает нам в одной из ниш остатки какого-то **портрета** 61, в другом месте — желоб для стока воды (стало быть, она имела и на галерее). Еще ниже от основного коридора отходит поднимающийся вверх высокий сводчатый тоннель, который, в конце концов, упирается в запертые двери. За ними, видимо, начинался “коридор Св. Николая”, шедший вокруг апсиды.

Еще глубже в толще стены располагался **храмик Св. Николая**. Ночью 14 февраля 1081 г. Анна Далассина, мать поднявшего мятеж в провинции Алексея Комнина, “поспешила в церковь святителя Николая, называемую “Убежищем”. Наши предки, — поясняет внучка беглянки Анна, — построили его для того, чтобы всякий, если только он успел войти в храм, освобождался от наказания. Сторож храма сразу не открыл им двери, а стал выяснять, кто они и откуда пришли. Один из слуг ответил: “Это женщины с Востока. Они истратили все свои средства и, желая вернуться домой, спешат совершить преклонение”. Сторож сразу же отворил ворота и позволил им войти”. Там Анна укрывалась вплоть до вступления сына в Город (см. с. 552). За время существования этого храма (который был старше Св. Софии) десятки людей искали в нем защиты, но далеко не все ее получали. Например, не повезло императрице Феофано (см. с. 581).

Между тем пандус совершает новый поворот — и от него отвляется другой коридор, заканчивающийся лестницей и решеткой. Первоначально здесь был вход в храм и заодно — в помещение для служивших в Св. Софии диаконисс. Перед тем как вывести нас снова в северо-восточную экседру (уже на первом этаже), коридор расширяется, образуя еще одно помещение с запертой дверью. Император участвовал здесь в литургии раз год, на Страстную субботу.

Как мы уже говорили, теперь из храма выходят там, где в византийские времена был вход. В вестибюле слева видна **дверь** 62, ведущая в маленькое помещение размером 3,1 на 1,5 м, — возможно, здесь во время богослужения хранилась императорская корона.

Константин и Юстиниан изображены в одеяниях X в.

На северной стене вестибюля воинов находится еще одна **мозаика** 63 (напротив нее сейчас повешено зеркало, чтобы посетители музея, выходящие, повторим еще раз, через те двери, через которые византийцы, наоборот, входили, — не пропустили ее, поскольку она остается у них за спиной). На ней представлена Богородица с Младенцем на троне, перед которой, склонив головы, стоят: справа — император Константин, посвящающий Приснодеве город Константинополь, символически изображенный как крохотная крепость, а слева — император Юстиниан, подносящий ей же храм Св. Софии в виде небольшой модели, весьма мало напоминающей оригинал. Монограмма, которая сопровождает изображение Богородицы, характерна для X в. Этим же временем мозаику можно датировать и по стилистическим признакам.

Фигуры императоров тяжеловаты, но их пропорции и движения вполне естественны, а лица наделены замечательной выразительностью: это особенности так называемого македонского ренессанса. Около изображения Константина мозаичными буквами выведено: “*во святых великий император*”, а около Юстиниана — “*приснопамятный император*”. Хотя последнего иногда тоже причисляли к лику святых (они с Феодорой поминались в Св. Софии 14 ноября), тем не менее Византия всегда сомневалась в святости любого из императоров, кроме Константина.

Двери вестибюля 64 (бронза привезена в Константинополь из далекого Тарса) изысканно отделаны лишь со стороны улицы, а со стороны храма никакой отделки нет. Это лишний раз показывает нам, откуда заходили раньше в Св. Софию. Обратим внимание на то, что эти двери сейчас при всем желании невозможно было бы закрыть: они уходят на полметра ниже нынешнего уровня пола — “культурный слой” нарастает не только на земле, но и на мраморе. На дверях есть надписи: сверху “[Феофил] (уничтожена. — С.И.) и Михаил Победители”. Это написано словами, а ниже идут парные монограммы — слева и справа: “*Господи помози — Феофилу императору*”. “*Богоматерь помози — Феодоре Августе*”. “*Христе, помози — Михаилу императору*”. “*Лета от сотворения мира 6349*” (то есть 841 г. — С.И.).

Феофил правил с 821 по 842 г. Вообще-то он был иконоборцем, и пришедшие к власти иконопочитатели постарались вымарать все напоминания о нем, однако надписи Феофила на городских стенах убрать было невозможно (см. с. 171), да и память о нем в веках осталась неоднозначная: к примеру, сатирическое путешествие в загробный мир XII в. “Тимарион” объявляет Феофила судьей в подземном царстве. Михаил III — сын Феофила, коронованный в 840 г.

Монета Феофила

Мы покидаем храм и оказываемся во дворе, где по левую руку от нас стоит византийский **Баптистерий** 65, возрастом превосходящий Юстинианову Софию.

Баптистерий

Другую его сторону можно рассмотреть, если выйти за пределы музея, завернуть налево за угол и войти (бесплатно) в другой вход, ведущий к мавзолеям султанов. Оказавшись во двореке возле юго-восточного угла Великой Церкви, можно, во-первых, подробнее рассмотреть ее стену, а во-вторых, полюбоваться Баптистерием, который тоже в XVII в. стал султанской усыпальницей. К сожалению, это единственный мавзолей, доступ в который по-прежнему закрыт. Снаружи он представляет собой квадрат, а внутри — восьмигранник с апсидой с восточной стороны. После богослужений император входил в Баптистерий — и там патриарх вновь увенчивал его короной, после чего получал кошель золота. Затем василевс выходил из Баптистерия и иногда на свежем воздухе устраивал приемы. Однако надо признать, что мы не знаем наверняка, было ли сохранившееся здание именно баптистерием или служило одной из зал Патриаршего дворца. Первоначальная византийская кладка видна лишь на нижнем уровне стен — с южной и недоступной для посетителей восточной стороны. Внутри остались куски позолоченных мозаик на потолке, мраморный пол и фрески по стенам — все это не опубликовано, и доступ внутрь,

увы, закрыт. Также нет доступа и в “юго-западные покои”, где по нижнему уровню заметна римская квадратная кладка. Здесь были помещения патриарших канцелярий.

Справа от выхода из храма — османский фонтан, а если посмотреть вверх него на стену храма, можно увидеть следы от примыкавших к ней высоких сводчатых помещений. Минарет сейчас находится как раз на том месте, где была винтовая лестница, которая вела в покои патриарха. Когда 30 августа 695 г. разразилось восстание против жестокого изверга Юстиниана II, вестники разбежались по всем районам города, призывая: “Христиане, в Св. Софию!” Народ собрался, и глава восстания Леонтий по этой лестнице поднялся к патриарху — уговаривать его выйти к толпе. Владыка явился и произнес загадочные для нас и на первый взгляд безобидные слова из 117-го псалма: “Этот день сотворил Господь!” Народ на это взревел: “Поломать кости Юстиниану!” Император был схвачен, на Ипподроме в присутствии всего города ему отрезали нос и часть языка — после чего сослали в Херсон. О, как он потом отомстил!

В Житие патриарха Тарасия включен — как сказано там, “для развлечения”, — следующий эпизод: один высокопоставленный чиновник, обвиненный в растрате, был брошен в тюрьму. Каким-то образом ему удалось обмануть бдительность стражи и бежать в Св. Софию. Там он железной хваткой уцепился за алтарь, а стражники, ворвавшись в храм вслед за ним, не посмели осквернить священного места, но встали на круглосуточную вахту, не пропуская к алтарю еды и надеясь, что, в конце концов, нужда заставит беглеца сдаться. Однако патриарх Тарасий принял его под свою опеку: иногда он накрывал несчастного священным покрывалом и вел “через правые двери” во внутреннее помещение, где тот ел, а когда приспевала большая нужда, иерарх лично спускался из своих покоев, за руку вел беглеца в уборную и, пока тот сидел, держал его за руку (протирая тем самым право убежища и в это постыдное помещение). “И все это происходило не раз и не два в день, а столько, сколько просил этот человек, находившийся в крайней опасности” (видимо, намек на медвежью болезнь). Но и тюремщики не дремали: они устроили засаду за пределами храмового пространства и однажды, когда па-

триарх по обыкновению вел несчастного на opravку, ворвались в уборную через другую дверь, схватили беглеца и утащили его.

Впрочем, чаще жизнь шла все же обычным рутинным манером. Так, Антоний Новгородец рассказывает, что “на полах и огороде патриархов и церкви мнози. Овои же патриархов всякий: дыни и яблоки и груши держат в кладязи, и когда ясти патриарху, тогда вынимают е студено. Тако же и царь ясть. И баня патриархова на полах. Воды же по трубам возведены, а другая дождевая. И на палатах же исписаны патриарси все и цари, колико их было в Царьграде”. С этой же стороны от Св. Софии находился Орологий — помещение с часами, об устройстве которых ученые до сих пор ведут дискуссии. Во дворе теперь стоит сторожка дирекции музея, в которой можно, заплатив некоторую сумму, получить доступ в храм Св. Ирины (см. с. 149).

- J. Darrouzès. *Notitiae episcopatum ecclesiae constantinopolitanae*. Paris, 1981
- S. Efthymiadis. *The Life of the Patriarch Tarasios by Ignatios the Deacon*. Aldershot, 1998
- А.А. Алексеев. Русские граффити цареградской Софии // *Труды отдела древнерусской литературы*, 51 (1999)
- А.И. Кочет. Особенности пространственной композиции Софийского собора в Константинополе // *Византийский Временник*, 34 (1973)
- А.М. Лидов. Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // *Чудотворная икона в Византии и Древней Руси*. М., 1996
- Eu. Antoniadis. *Ekphrasis tes Agias Sophias*. T. 1–3. Athens, 1907–1908
- R. Cormack. *The Byzantine Eye*. London, 1989
- R. Cormack, E.J.W. Hawkins. The mosaics of Saint Sophia at Istanbul: the rooms above the southwest vestibule and ramp // *Dumbarton Oaks Papers*, 31 (1977)
- K. Dark, J. Kosteneč. The Byzantine Patriarchate in Constantinople and the Baptistry of the Church of Hagia Sophia // *Architectura*. Bd. 36 (2000), № 2
- A. Guiglia Guidobaldi, C. Barsanti. *Santa Sofia di Costantinopoli*. Vaticano, 2004
- *Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present* / ed. R. Mark, A. Çakmak. Cambridge, 1992

- I. Kalavrezou-Maxeiner, D. Obolensky. A Church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. V (1981), № 1
- W.E. Kleinbauer, A. White, H. Matthews. *Hagia Sophia*. London — Istanbul, 2004
- W.R. Lethaby, H. Swainson. *The Church of Sancta Sophia, Constantinople*. London — New York, 1894
- R. Mainstone. *Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church*. London, 1988
- C. Mango. A Russian Graffito in St. Sophia, Constantinople // *Slavic Word*, 10, 4 (1954)
- C. Mango. *Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul*. Washington, 1962
- N. Moran. The Skeuophylakion of the Hagia Sophia // *Cahiers archéologiques*, 34 (1986)
- N. Oikonomides. The mosaic Panel of Constantine ix and Zoe in St. Sophia // *Revue des études Byzantines*, 36 (1978)
- E.H. Swift. *Hagia Sophia*. New York, 1940
- N.B. Teteriatnikov. *Mosaics of Hagia Sophia, Istanbul: The Fossati Restoration and the Work of the Byzantine Institute*. Washington DC, 1998
- N. Teteriatnikov. Hagia Sophia, Constantinople: Religious Images and their Functional Context after Iconoclasm // *Зограф*, 30 (2004–2005)
- R. Van Nice. *Santa Sophia in Istanbul: An Architectural Survey*. Washington, D. C., 1966

Большой дворец

Большой дворец занимал территорию между церковью **Сергия и Вакха** (см. с. 238) на западе, **Ипподромом** на северо-западе и морем на юге и юго-востоке.

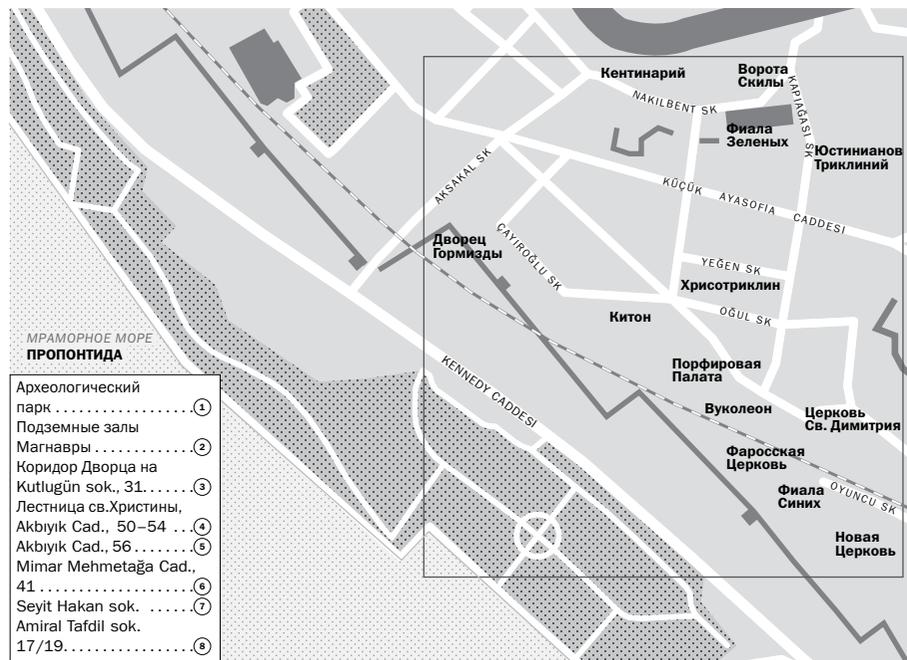
Введение

Самой северной своей точкой Дворец приближался к самой южной точке **Св. Софии** (их соединял **коридор**, шедший вдоль нынешней *Bab-i-Humayun Cad.*). На северо-востоке Дворец, в момент наибольшего своего расширения, в х в., кончался примерно на уровне улицы *Mimar Mehmet Ağa Cad.*, если ее мысленно продолжить до моря.

Мы очень плохо представляем себе, как выглядела императорская резиденция, — ведь образцов византийского гражданского строительства почти не осталось. Что можно сказать наверняка — Дворец походил не на Версаль, а, скорее, на Запретный Город в Пекине. Это был квартал с многочисленными и разновременными павильонами, переходами, балконами, прудами, залами, садами, коридорами, спортивными аренами, церквями и мостиками. Кроме того, вся эта масса разнокалиберных помещений и площадок располагалась на разных высотных уровнях. Ученые вычислили, что высота дворцовых “этажей” была не произвольной, а составляла 5–6 м. Самый верхний “этаж”, лежавшийся вровень с **Ипподромом**, находился в 32 м над уровнем моря, а дальше весь Дворец, отчасти следуя рельефу местности, а отчасти исправляя его террасами и мощными **подпорными стенками** (этот-то “скелет” лучше всего и сохранился), живописно сползал по холму к морю.

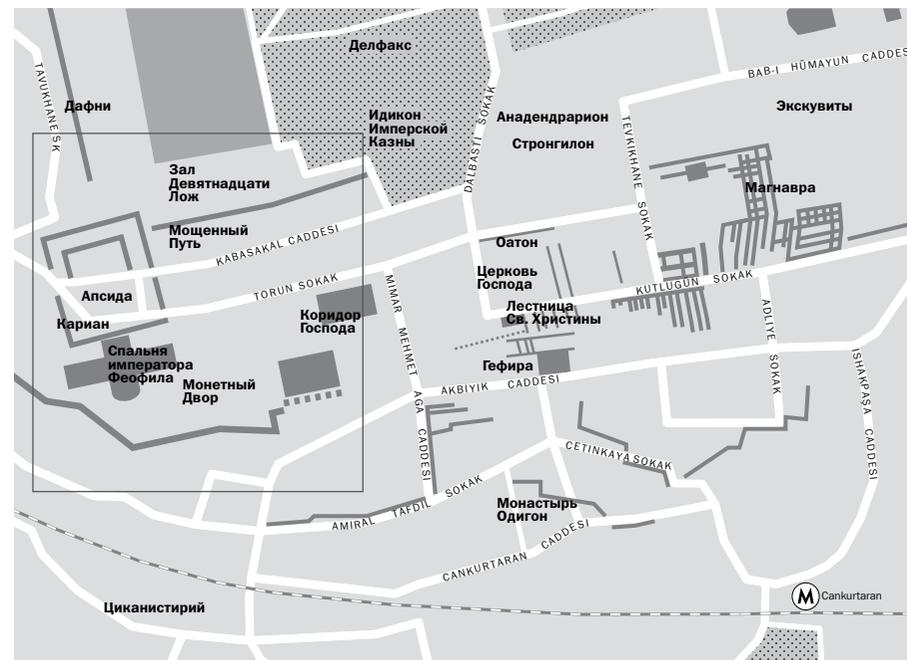
Разные части Дворца то входили в моду, то теряли свою привлекательность в глазах правителей: императоры время от времени что-то достраивали (даже в тех немногочисленных остатках Дворца, которые сегодня можно видеть, прослеживается пять строительных фаз: от пятого столетия до десятого), а ино-

Квартал Большого дворца

гда ремонтировали одни апартаменты, отдавая другие разрушительному воздействию времени. К х в. древнейшие помещения вроде **Магнавры**, **Консистерия** или **Большого Триклина Девятнадцати Лож** — функционировали уже скорее в качестве музея.

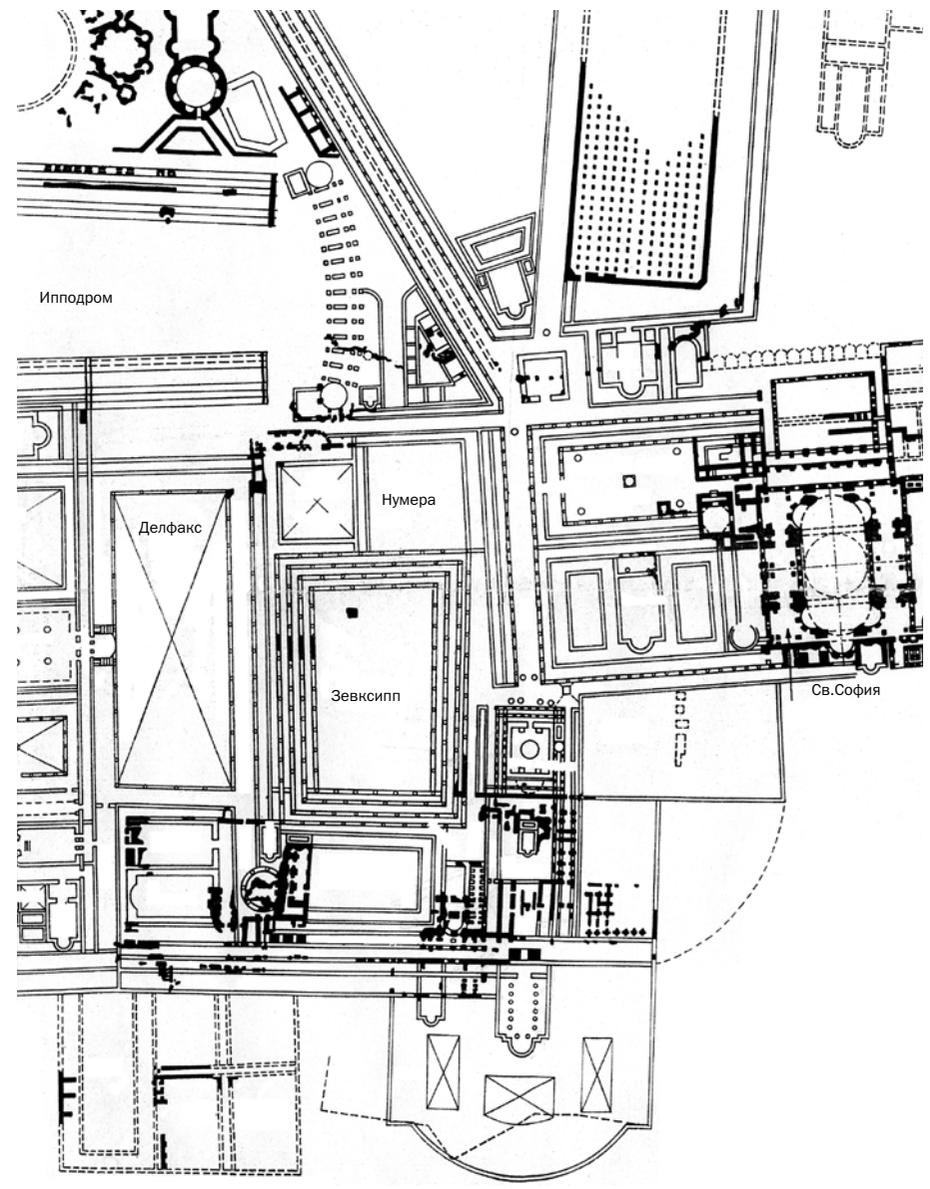
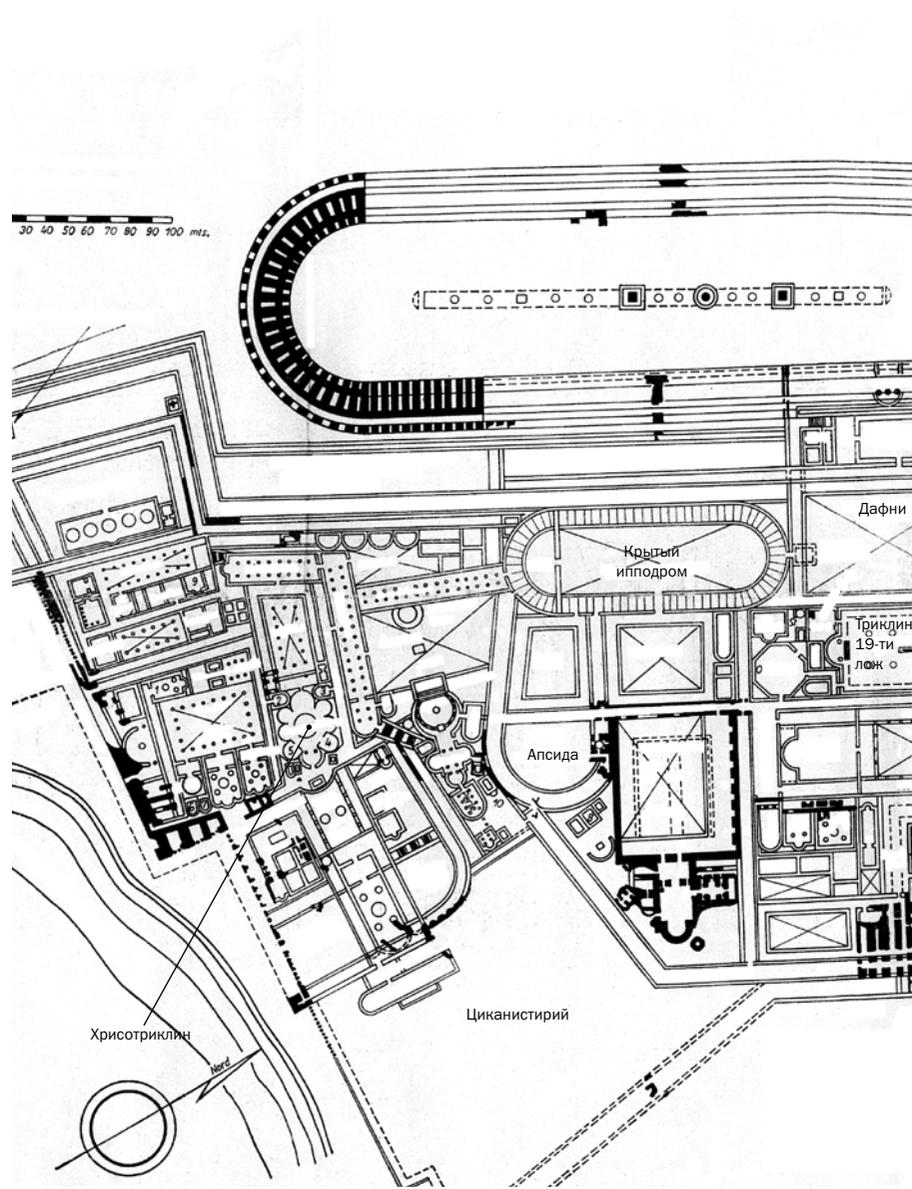
В жизнеописании своего деда, Василия I, Константин Багрянородный перечисляет те постройки, которые тот возвел на территории Дворца, и восклицает: *“Поскольку эта великая красота недоступна всеобщему лицезрению, нужно предоставить ее слуху, дабы пробудить подобающее восхищение и не оставить в полном неведении людей, ко входу во дворец не допущенных”*. Августейший писатель с лихвой выполнил обещание: из его шизофренически подробных описаний нам известны не только десятки названий различных апартаментов — благодаря ему мы хорошо представляем себе взаимное расположение различных залов и переходов. И все рав-

но остаемся в положении тех самых “не допущенных”: сказать, на месте какой из нынешних лачуг какие покои располагались, удастся очень редко. Величайший из ныне живущих знатоков Города, Кирил Манго, однажды прямо заявил, что надо вообще оставить попытки привязать все эти описания к местности. Но, вопреки его предупреждению, все новые и новые ученые вступают на скользкий путь гипотез, да и сам он от них не может вовсе удержаться. Самые убедительные мы здесь воспроизведем, памятуя, однако, о том, что они остаются всего лишь гипотезами.

Сегодня гигантская территория Дворца застроена по большей части невысокими деревянными домами, производящими впечатление времянок, и перерезана железной дорогой, причем в южном секторе, с его хаотическим переплетением переулков, начинается уже совершенная экзотика: туда почти не забредают

Одна из гипотетических реконструкций системы Большого дворца

туристы, там бегают стайки детей, ходят, зазывно покрикивая, продавцы овощей и бубликов, старухи сидят на покосившихся крылечках, прохожие останавливаются поболтать с соседями, мужчины играют в нарды, выставив на улицу низкие табуретки; там под окнами устроены трогательные огородики, а на подоконниках цветет герань. Требуется очень много воображения, дабы представить себе, что именно здесь вздымались стены из разноцветного мрамора, отполированные как стекло, лежали мозаичные полы, стояли золотые троны и возвышались порфировые статуи. До нас дошел хорошо если один процент дворцовых построек, но и им грозит опасность. Район стремительно застраивается, и если раньше здесь ставили двухэтажные деревянные домики (закон 1934 г. запрещал в этом районе любое строительство, и всякое здание тут как бы незаконно), то теперь — солидные каменные.

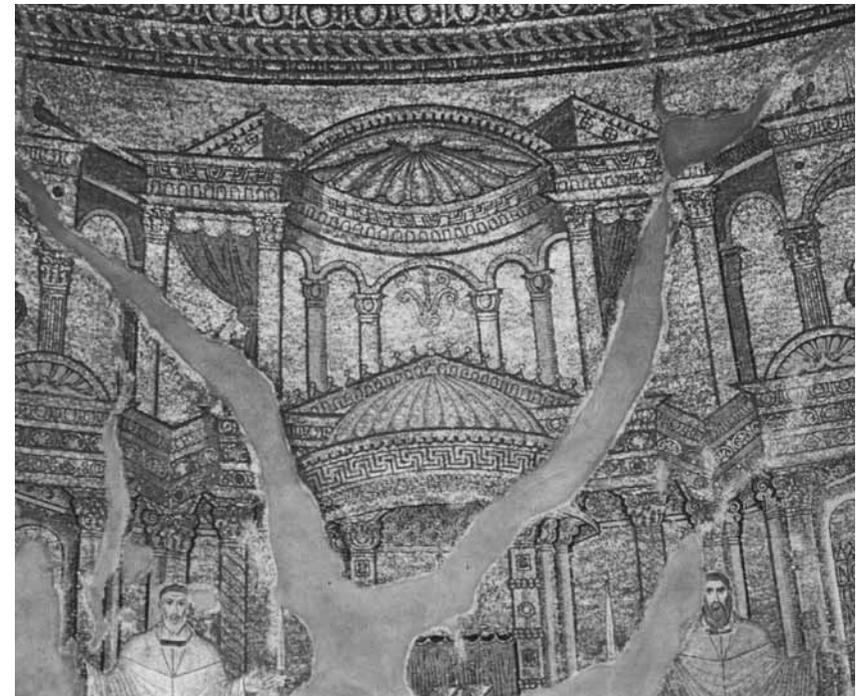
В большинстве случаев рытье фундаментов не сопровождается археологическими изысканиями, и даже то небольшое, что еще могло уцелеть под землей, исчезает навсегда. Гуляя по дворцовому кварталу, можно, к примеру, вдруг поравняться с обнесенной глухим забором стройплощадкой в тот момент, когда ее железные ворота откроются перед очередной бетономешалкой. Заглянув внутрь, вы успеете увидеть какие-то уходящие в глубину византийские арки — и ворота закроются вновь.

Очень рекомендую смотреть в щели заборов: на *Ishakpaşa Cad.*, 42—44, идущей вдоль стены султанского дворца, на дне большого, заросшего бурьяном котлована хорошо видны **остатки стен** (видимо, в силу правовой неурегулированности некоторые стройплощадки замирают на многие годы, и Исхакпаша — одна из них). А можно просто смотреть по сторонам: вот, к примеру, недалеко от станции электрички, в бедненьком переулке *Yenisaraçhane çikmazi* у дома № 6 рядом с плетеным садовым столиком стоит на земле **база античной колонны**, а приступкой у двери гаража служит **древняя плита**.

Археологический парк

Впрочем, с 1997 г. вынашиваются планы по созданию **обширного исторического парка** ④ — работа, которая должна была завершиться к 2008 г., до сих пор не закончена (2011 г.). Раскоп по-прежнему окружен железным забором, но всю площадку можно наблюдать через ворота у Св. Софии, а также из ресторанов на крышах отелей *Seven Hills (Tevkifhane sok., 8/A)* и *Valide Sultan Konagi (Kutlugün sok.,1)*. Сверху хорошо видна древняя **улица шириной 4 м, идущая с северо-запада на юго-восток**. Это окончание **Месы** — главной артерии Константинополя, которая последние свои десятки метров шла вдоль дворцовой стены. Напротив мавзолея Мехмета III, расположенного на углу нынешнего комплекса Св. Софии, до XIX в. стояла **церковь Спасителя**, составлявшая часть парадного фасада. Через нее импе-

Изображение Дворца на мозаиках Ротонды (Фессалоника)

ратор мог войти во Дворец, шествуя из Софии. Обычно эта процессия двигалась медленно и очень торжественно, хотя бывали и исключения — например, Андроник I после своей коронации в сентябре 1183 г. промчался через церковь Спасителя опрометью. Злые языки утверждали, что 65-летний василевс под тяжестью церемониальных одежд допустил непроизвольную дефекацию.

К юго-западу от улицы в ранневизантийское время располагались жилые помещения императоров, перемежавшиеся двумя внутренними дворами: **Анадендрадионом** и **Стронгилоном**. Однако к XI в. квартал уже перестал быть Дворцом. Чего, пожалуй, не разглядеть с крыши отеля, так это арки из зеленого мрамора шириной 6,2 м, открывавшейся в сторону **Августеона** (см. с. 142). По обе стороны от проема находились мраморные ниши — в них явно стояли статуи. Быть может, это были знаменитые ворота **Халки**, то есть парадный вход во Дворец?

За медными дверями **Халки** располагался двор, который со всех сторон окружали караульные помещения и тюрьма **Претория**; император, торжественно въехав сюда на коне, мог здесь спешиться. Разумеется, никто кроме него не имел права переступить порог Дворца верхом. Правда, крестоносные короли во время своих визитов начали это правило нарушать.

Медные ворота и Магнавра

В июне 913 г., после смерти бездетного императора Александра и провозглашения царем малолетнего и незаконнорожденного Константина Багрянородного, на власть покусился полководец Константин Дука. Сначала он со своими сторонниками хотел проникнуть на Ипподром, но ворота были заперты и стража оказала вооруженное сопротивление. Затем узурпатор зашел ко Дворцу со стороны **Августеона** и прорвался через ворота **Халки**. Однако уже внутри дворцового комплекса, на территории **Экскувитов**, произошла жестокая резня между стражей (усиленной гребцами императорских кораблей) и мятежниками. Последние были отброшены назад, на площадь. “Увидев это, — рассказы-

вает Продолжатель Феофана, — *Константин Дука среди всеобщего замешательства погнал своего коня. Тот, однако, поскользнулся на плитках мостовой и сбросил всадника на землю. Кто-то настиг его, упавшего и брошенного своими (все его люди рассеялись), и мечом отрубил голову, которую на виду у всех во избежание обмана доставили царю*”. Таких историй Дворец перевидал множество.

Итак, наиболее древней частью комплекса был Верхний, или Константинов дворец, располагавшийся на высотных горизонтах 32, 26 и 21 м над уровнем моря. Важнейшее из его помещений — так называемая **Магнавра** — стояло на месте нынешнего отеля *Four Seasons*. При строительстве гостиницы были обнаружены **подземные сооружения** , которых ученые так и не смогли обследовать. Может быть, если вы поселитесь в гостинице, вам как-нибудь и удастся туда проникнуть. Вообще, земля всего этого квартала изобилует глубокими лабиринтами. Какие-то из них были хозяйственными подвалами, какие-то — тюрьмами.

Вот что рассказывает Прокопий в своей “Тайной истории” о правле императрицы Феодоры с консулом Вузой, заподозренным в измене: “*Имелось во дворце одно подземное помещение, крепкое и со множеством запутанных проходов, суций Тартар. Сюда она по большей части и заключала тех, кто нанес ей оскорбление. Итак, Вуза был брошен в эту преисподнюю, здесь он из консула превратился в человека, навсегда потерявшего представление о времени. Ибо сидя в темноте, он не мог ни сам различить, день сейчас или ночь, ни узнать у кого-либо другого. А человек, который ежедневно бросал ему хлеб, общался с ним как с бессловесным зверем. Все тут сочли, что Вуза умер, но никто не осмеливался ни говорить, ни вспоминать о нем. Однако спустя два года и четыре месяца она, сжалившись над ним, выпустила его. И все смотрели на него, как на воскресшего из мертвых*”. Кстати, на месте отеля *Four Seasons* когда-то тоже стояла тюрьма — правда, османская.

Но вернемся к **Магнавре**. У этого здания было множество функций: так, в IX в. здесь, между прочим, открылась школа, которой руководил великий ученый Лев Математик; здесь учились, к примеру, просветители славян Кирилл и Мефодий. Проводились в Магнавре и судебные заседания, в частности, здесь происходило извержение из сана патриарха Евфимия. Вот как

описана эта процедура в его Житии: “Воссев на судейское кресло во дворце, в колоннаде, называемой Магнавра (ставший новым патриархом Николай Мистик. — С.И.), приказал, чтобы вместе с ним заседали и некоторые члены синклита. Большинство, зная замыслы Николая, покинуло дворец, остались лишь немногие. Когда он увидел, что приготовленные кресла пусты, а приглашенные медлят, он вместо тех, кого ждали кресла, призвал людей, по виду измаилитов (то есть мусульман. — С.И.). Затем Николай приказал, чтобы предстал Евфимий. Сорвав с него омофор, они стали рвать Евфимия за бороду, повалили его наземь и, пока он лежал на полу, били ногами в бок, оплевывали. Вынесли его и едва смогли привести в чувство, плеснув в лицо водой”.

Но не только такие жестокие сцены разыгрывались в Магнавре — здесь же происходили торжественные события, в частности приемы послов. Порядок таких приемов описан в “Книге церемоний” — с обычным для царственного автора упоминанием огромного количества зал: “Следует знать, что когда в Магнавре готовится прием, то дворец не будет открыт с утра для обычного императорского выхода (который происходил южнее, см. с. 112. — С.И.), но весь синклит спозаранку отправляется в Магнавру и там переодевается подобающим образом. По истечении второго часа, когда все готово, владыки в золоченых плащах выходят через коридор Сорока мучеников и Сигму, и входят в церковь Господа (см. с. 100), и берут свечи, и оттуда процессия следует по узкой лестнице вверх, к открытой площадке перед Магнаврой. И входят они в большую залу, где стоит Трон Соломона. Там с восточной стороны, пониже конхи, стоят золотые кресла, и на них лежат хламиды и венцы, и владыки входят в покой, находящийся там слева, и надевают на них препозиты хламиды и венцы, и восходят они и садятся на троны. Народ, стоящий за четырьмя опущенными занавесами, громким голосом возглашает “Многая лета!”. Препозит делает знак остиарию, держащему золотой жезл; тот выходит — и вводит первый разряд, магистров, и вновь по знаку препозита выходит второй остиарий и вводит тем же манером второй разряд, патрикиев. И снова по знаку препозита выходит третий остиарий и вводит тем же манером третий разряд, сиклитиков, и, попросту говоря, приводят все те

Евнух из свиты императрицы. Мозаика церкви Сан-Витале в Равенне (548 г.)

разряды, которым это положено по церемониалу приема. И когда все встанут на свои места, вводят чужеземца, а вместе с ним переводчик. Впереди шествует логофет дрома (первый министр, выполнявший одновременно функции министра иностранных дел и почт. — С.И.). Войдя, посол падает ниц перед владыками, и тотчас начинают играть органы. И когда логофет дрома задаст обычные вопросы (механические. — С.И.), львы начинают рычать, а птицы (тоже механические. — С.И.) на троне и на деревьях — гармонично петь, и звери (опять же механические. — С.И.) по обе стороны

Медальон XII в. с обобщенным изображением императора в церемониальном облачении и с расходящимися, как от солнца, лучами

трона встают со своих приступок. А когда чужеземец уходит за занавеску, в этот момент снова начинает играть орган, а звери и птицы садятся на свои места”.

Такой же прием, но как бы с противоположной стороны описывает Лиутпранд, посол князя Беренгария. В его рассказе что-то совпадает с “Книгой церемоний”, а что-то ее дополняет: “Есть в Константинополе помещение удивительной величины и красоты, которое греки зовут Магнавра. Так вот, как ради испанских послов, недавно туда прибывших, так и ради меня Константин (Багрянородный. — С.И.) велел приготовить его следующим образом. Перед императорским тронном стояло бронзовое, но позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы различных видов, тоже бронзовые с позолотой, певшие на разные голоса, согласно своей птичьей породе. Императорский же трон был построен столь искусно, что одно мгновение казался низким, а вслед за тем — возвышенным. Трон этот как будто охраняли огромной величины львы, покрытые золотом; они били хвостами о землю и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание. И вот, опираясь на плечи двух евнухов, я был введен туда пред лик императора. Когда при моем появлении львы зарычали, а птицы защебетали, я не испугался и не удивился, ибо был осведомлен обо всем этом. Итак, трижды поклонившись императору, я поднял голову и увидел того, кого прежде видел сидевшим на небольшом возвышении, сидящим почти под самым потолком зала и облаченным в другие одежды. Как это случилось, я не мог

понять, разве что он, вероятно, был поднят вверх так же, как поднимают вал давилыного пресса. Сам император тогда ничего не сказал — да если бы он и захотел, это было бы неудобно из-за большого расстояния — но через логофета осведомился о жизни и здоровье Беренгария. Ответив ему подобающим образом, я по знаку переводчика вышел и вскоре вернулся в отведенную мне гостиницу”.

Описание свидетельствует о том, что у чужеземных послов не было ни малейшего шанса уклониться от оказания почестей василевсу. Лишь вернувшись восвояси, послы могли сочинять байки, как им удалось обмануть дворцовый церемониал. Арабский дипломат Аль-Газаль, например, утверждает, будто в зале для приемов была такая низкая дверь, что любой посол невольно должен был склоняться в три погибели, тем самым как бы кланяясь императору, однако он, Аль-Газаль, якобы придумал, как не уронить авторитет своего халифа — вошел в эту дверь, пятась задом.

Все упомянутые в описаниях Константина Багрянородного залы располагались компактно на территории нынешних улиц *Mimar Mehmet Ağa Cad.*, *Akbıyık Cad.* и *Kutlugün sok.* Остатки их были обнаружены в подвалах нескольких современных магазинов, хозяева которых провели самовольные, видимо не вполне законные, раскопки — и теперь бесплатно, в рекламных целях позволяя зевакам спускаться в эти подвалы.

Гефира и Схолы

Один такой магазин, *Başdoğan Asia Minor Carpets*, находится по адресу: *Kutlugün sok.*, 31. Пройдя через него во двор и спустившись в подвал по железной лестнице, мы окажемся в огромном помещении, состоящем не менее чем из шести залов. Это был **один из коридоров Дворца 3**, пролежавший с северо-востока на юго-запад, но проследить его дальше уже невозможно — теперь везде вокруг дома.

Сразу после пожара 1912 г., уничтожившего турецкие постройки и обнажившего византийские, квартал обследовали несколько археологов, самым активным из которых был секретарь русского

Пластинка из слоновой кости, изображающая, скорее всего, Константина Багрянородного в облике Константина Великого

Археологического института в Константинополе Борис Панченко. Кое-какие из сделанных им тогда фотографий, хранящихся в архиве, автор этих строк опубликовал. Тогда было еще видно многое из того, что теперь исчезло под новой застройкой, но, по счастью, руины были тщательно задокументированы швейцарцем Мамбури и немцем Вигандом. К тому времени, как они завершили свои обмеры (обозначив эту часть Дворца как квартал “В”), Панченко уже стигнул в вихре нашей Гражданской войны.

Подвалы на *Kutlugün sok.*, 31 — суть восточная часть огромного комплекса, от которого теперь почти ничего не осталось. Хотя строительные материалы здесь датируются VI в. и скорее всего были изготовлены во время Юстиниановой реконструкции Дворца, но способ кладки столбов (пять рядов кирпича — пять рядов камня) свидетельствует о более позднем времени. Видимо, они были использованы повторно между VII и IX вв. Здесь находилась **Гефира**, где разыгрывались главные действия, связанные с бракосочетанием императора и с церемониями вокруг новой императрицы, происходившими сразу после свадьбы.

Самый крупный из сохранившихся в северной части дворца комплекс — это **руины** ④ по адресу *Akbıyık Cad.*, 50–54, поднимающиеся до уровня третьего этажа. До 1992 г. здесь была небольшая фабричка, в 1995-м началась реконструкция, в результате которой дворцовые стены подверглись варварскому “евроремонту”, и его следы до сих пор хорошо заметны. В конце концов, вла-

Здание на *Akbıyık Cad.* — это единственная уцелевшая часть Верхнего дворца, и очень жаль, что она пока недоступна

сти запретили дальнейшие работы, но статус здания очень долго оставался неопределенным. Сейчас (2011 г.) оно обнесено забором, и попасть туда нельзя. Фрагменты древних построек включены также во все дома с № 46 по № 56 — так, на первом этаже дома № 56 расположился магазин керамики, чья задняя стена представляет собой **византийскую аркаду** ⑤ — это начало той системы коридоров, которыми передвигался по дворцу император. Квартал “В” занимал площадь 10 000 м². Здесь находились брачная опочивальня императрицы и винтовая **лестница Св. Христины**, по которой она (лишь на третий день после свадьбы!) спускалась в баню из брачного чертога. Лестница эта и сейчас сохранилась (но пока, увы, недоступна широкой публике) — она ведет с того этажа дворца, который находится на уровне 26 м над морем, на тот, что на уровне 21 м. Кладка ее датируется периодом между VII и X вв.

Возможно, сначала здесь были **казармы схол** — дворцовой гвардии. В V — начале VI в. схоларии принимали активное участие в политической борьбе: например, в 518 г., когда император Анастасий умер, не назвав преемника, гвардейцы так противи-

лись коронации Юстина I, что напали на него, избили и порвали ему губу (это не помешало его воцарению).

Где-то поблизости находился **Оатон** — зал с крышей яйцевидной формы, в котором проходили заседания седьмого Вселенского собора. Кстати, помещение это было связано и с неожиданной смертью Анастасия: по легенде, императору было предсказано, что он погибнет от огня — тогда василевс провел через все помещения дворца пожарные “шланги” и расставил бочки, надеясь таким образом избежать своей участи. Но увы. Один византийский проповедник рассказывает: “Напали на него молнии, и все бежали из дворца, и остался он один-одинешенек, и стал бегать туда-сюда от молнии. Но в одном из покоев, называемом Оатон, молния его испепелила”. Впрочем, другая легенда локализует страшную смерть Анастасия в Магнавре: якобы он успел воскликнуть “Маннавра!” (“Мамочки, ветер!”). Чистой воды народная этимология: ведь на самом деле название этой части дворца латинское — *Magna Aula*, то есть “Большой Зал”.

Если Анастасий боялся огня, то другой василевс, Ираклий, — воды. Дело в том, что звездочет Стефан Александрийский предсказал императору смерть именно от нее. Тот велел засыпать все цистерны Города, и первым делом — ту, которая находилась в Магнавре. Но оказалось, что Ираклий неправильно истолковал прорицание: в 641 г. он умер от водянки.

На самом углу *Kutlugün sok.* находилась **церковь Господа** — одно из древнейших

На этой пластине слоновой кости, по предположениям, изображена императрица Ариадна, дочь Льва I, жена императоров Зинона, а потом Анастасия I. Почему-то в ранней Византии царские портреты не подписывались

зданий дворцового комплекса. Здесь хранились знамена. Когда императорская процессия шествовала из Нижнего дворца к Св. Софии, в церкви Господа василевсу подносили для лобызания крест Константина. Коль скоро любые передвижения из Нижнего дворца в Верхний пролегли через эту церковь, император оказывался там довольно часто — и неизменно затепливал свечку.

Великолепный пример, когда самопальные раскопки дали потрясающий результат, — это магазин *Sedir Kilim*, расположенный по адресу: *Mimar Mehmetağa Cad.*, 41 (впрочем, в то же помещение можно попасть и через турагентство *Kirkit Voyage*, зайдя с другого входа: *Amiral Tafdil sok.*, 12). Здесь друг под другом расположилось несколько византийских залов, и посетитель может сначала, не обращая никакого внимания на продавцов и турагентов, спуститься по обычной удобной лестнице в **помещение 6** с прекрасно сохранившейся **напольной мозаикой** v–vi вв. непонятной принадлежности. Чуть больше ясности с другим комплексом помещений, куда можно попасть по следующей лестнице, ведущей от уровня мозаик еще на 5 м ниже. В южной стене одного из просторных залов находится ниша с “айязмой” и **фреска Богоматери Одигитрии** (это тип иконы, на котором Мария указывает на благословляющего Младенца правой рукой). Можно предполагать, что это и есть остатки **монастыря Одигон** (“Поводырей”), который хоть и был основан давно, однако достраивался и достиг вершин своей популярности в средневи-

Монета императора Ираклия

зантийский период. В последние десятилетия исследователи пересмотрели традиционную гипотезу о местоположении этой обители: ее несколько “сдвинули” к югу и дальше от моря.

К этому же монастырю, вероятно, относятся остатки **стен и апсид** 7, которые можно увидеть, если заглянуть в глубокий котлован за длинным деревянным забором на углу *Seyit Hakan sok.* и *Amiral Tafdil sok.* К сожалению, это зрелище очень мало напоминает описание константинопольского витии, который восторженно замечал, что “такой красоты не могли создать никакой другой город и никакое мастерство каменотесов, кроме нашего. Подплывающие на кораблях не испытывают никакой нужды ни в фонарях, ни в сигнальных огнях, но храм, заполняя собою весь обзор, дает представление о Городе”. Что же касается тех камней, которые теперь лежат на дне котлована, то, возможно, как раз про них были когда-то написаны следующие слова: “Каждый из камней стбит всего храма, храм же — всего монастыря, а уж монастырь заменит собою весь Город”. **Северная стена** стоящего рядом отеля *Obelisk* (угол *Mimar Mehmet Ağa Cad.* и *Amiral Tafdil sok.*, 17/19) 8 в своем основании — тоже византийская и относится, видимо, к XI в. К востоку от гостиницы начинается сводчатый туннель, ведущий вниз, к морю. Увы, его сейчас замуровали.

Если все это был монастырь Одигон, то, значит, где-то здесь хранилась одна из самых знаменитых икон Империи — Одигитрия (“Богородица-Поводырка”), которую считали целительницей, особенно помогавшей против слепоты (отсюда и название монастыря). С этой иконой был связан, пожалуй, самый необычный обряд византийского православия: каждый вторник из северных ворот монастыря восемь монахов на специальных козлах выносили икону на площадь, где ее уже ожидала огромная толпа. Затем тяжелую доску водружали на плечи одному из членов особого братства — этот человек немедленно впадал в транс и начинал с невероятной скоростью кружиться по площади, раскинув руки и закатив глаза. Когда он выбивался из сил, икону переставляли на плечи следующего — и все повторялось сызнова, возбуждение толпы нарастало. Икона были двусторонней и потому представляла молящимся то одним, то другим своим лицом, создавая «мультипликационный» эффект. Завороженным зрителям казалось, будто она летает по площади, все хором кричали

Древнерусская пелена с изображением “летающей иконы” монастыря Одигон (конец XV в., Москва)

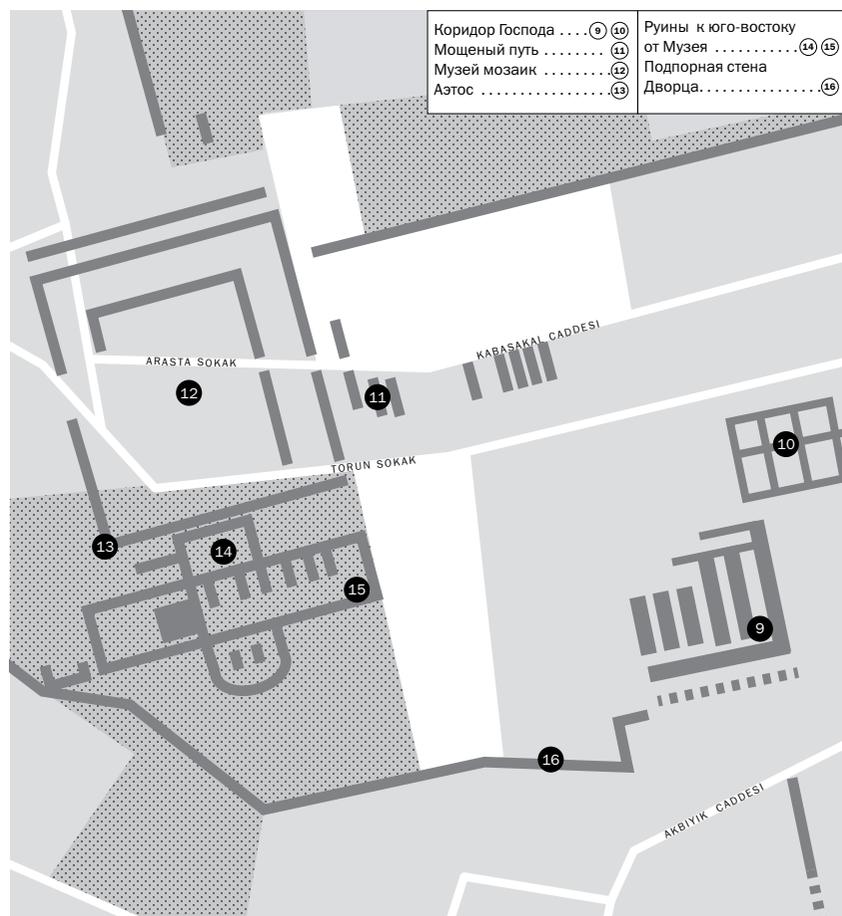
«Господи, помилуй!», а икона при этом еще и источала миро, которое на специальных кусочках ваты раздавали паломникам. Тут же объявлялось о многочисленных исцелениях. Посмотреть на это представление съезжались со всего христианского мира.

Северная и южная части Дворца соединялись двумя последовательными системами коридоров: от Магнавры до комплекса зданий вокруг нынешнего Музея мозаик шел “**коридор Господа**”, а оттуда до Хрисотриклина, находившегося почти у берега Мраморного моря, — “**коридор Сорока Мучеников**”.

Средний дворец

Таким образом, в X в. императору, чтобы из своих жилых покоев добраться до Св. Софии, приходилось преодолевать довольно приличное расстояние через уже обветшавшие к тому времени участки Дворца. Однако маршрут, по которому двигались императорские процессии, в любом случае поддерживался в парадном состоянии: ведь помимо самих василевсов, этим путем шли к ним на прием иностранные послы и монархи. Накануне торже-

Район Музея мозаик

ственных шествий сюда из нижней части Дворца переносили драгоценные украшения, а сами анфилады, через которые предстояло идти процессиям, занавешивались тканями — не исключено, что это делалось, дабы скрыть следы разрушений. Во время царского выхода чиновники выкликали здравицы, на обратном же пути к себе домой в Нижний дворец василевс шел частными потайными коридорами, не привлекая ничьего внимания.

Когда императорская резиденция в XII в. переместилась во Влахерны (см. с. 428), эти тайные переходы превратились в настоящий темный лабиринт. Летом 1200 г. неудачливый узурпатор Иоанн Толстый (см. с. 113), когда его мятеж был подавлен, “бежал, спустившись в неосвященные и непригодные помещения. За ним по пятам гнался отряд наших, а другой отряд бегом отправился ко второму выходу из лабиринта — около царских конюшен. Именно через него тщетно попытался ускользнуть Иоанн, стянувший с себя императорскую ленту, часто и тяжело дышавший. Уже смеркалось, когда он угодил в руки преследователей”. Так рассказывает Николай Месарит, очевидец мятежа. Часть этой “коридорной системы” уцелела — один участок “коридора Господа” 9 можно увидеть, если спуститься сверху, через *Torun sok.*, 17, а другой 10 — если подняться снизу, от *Akbiyik Cad.*, 70 (в марте 2011 г. коридор был еще закрыт для публики).

Улица *Mimar Mehmet Ağa Cad.* идет снизу вверх по направлению к Голубой мечети. Раньше таким путем можно было выйти к **Делфаксу и Идикону Имперской Казны**, что лежали поблизости от Ипподрома и южнее Августеона. В этой части Дворца были офисы чиновников (“асикритии”), и сюда пускали посетителей.

Историк Михаил Пселл, который начинал здесь свою службу, описал ее так: “Огонь геенны не ужаснее службы асикрита. Это очень тяжелый труд, и писать приходится так много, что нельзя ни почесать ухо, ни поднять головы. Царь, разлив свои милости, нас не оросил ни единою каплей. Мы пригвождены к своему месту посреди столицы, и все смеются над нами и поносят нас. Асикриты теснят друг друга и давят бока. Один выставляет основанием для прибавки умение скоро писать, другой — умение отпускать пошлые шутки и льстить. Доносили друг на друга. Некто обозвал своего товарища безумным старцем, тот обругал оскорбителя сплетником и безнравственным человеком. Последний толкнул его ногою в живот. Несчастные, они не понимали, что большинство из них будет лишено службы”. Здесь же, в самом северо-западном углу Дворца, 19 апреля 1042 г. Пселл стал свидетелем зарождения народного мятежа. Город восстал из-за того, что император-выскочка Михаил V Калафат отправил в ссылку свою нареченную мать, багрянородную императрицу Зою.

Восставший народ осаждает Большой дворец 19 апреля 1042 г. Миниатюра Мадридского Скилицы

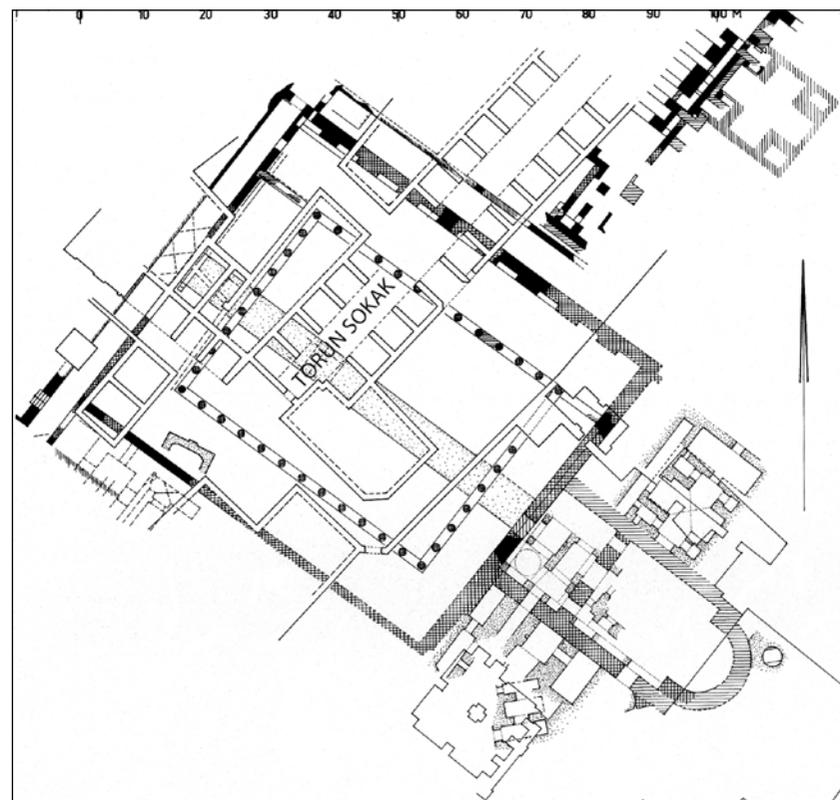
“В тот день я находился в наружной галерее Дворца и диктовал секретные документы. Вдруг до нас донесся гул, будто от конского топота, а затем явился человек с известием, что весь город взбунтовался. Людей словно обуяла какая-то высшая сила, все носились, как бешеные”. В конце концов, Михаил бежал из Дворца (о его печальной судьбе см. с. 386).

Строительство грандиозного здания мечети **Султанахмет** смело почти все напоминания о Дворце. Первые признаки того, что на этом месте стояла более древняя постройка, появляются, только если обойти ограду мечети и встать к востоку от нее.

Здесь неожиданным образом расположен обширный паркинг, с восточной стороны которого — многометровый обрыв; внизу видны торговые ряды. На самом краю его торчит одна византийская (?) конструкция неясного назначения и еще остатки сводов. Что здесь было? Возможно, **Зал Девятнадцати Лож**, о котором Лиутпранд рассказывает следующее: “Каждое Рождество в этом зале накрывают 19 столов. Император обедает вместе с гостями, причем не сидя, как в обычные дни, а возлежа; в эти дни им подают пищу не на серебряной, но только на золотой посуде. А после обеда в трех золотых вазах вносят фрукты, которые из-за огромной тяжести доставляются не руками людей, а привозятся на покрытых пурпуром повозках”.

Уровнем ниже паркинга находится оживленная пешеходная улица *Arasta sok*. Вся она состоит из магазинов, которые расположены в арках, напоминающих византийские, но в действительности являющихся османскими: *Arasta sok* возникла в 1600–1620 гг., когда строили насыпную платформу для Голубой мечети. Никаких византийских руин, найденных здесь в ходе раскопок в середине XX в., теперь уже не увидишь, но на месте этой улицы шел так называемый **Мощный Путь** , то есть галерея, связывавшая Верхний дворец с Нижним. Нам остается для изучения параллельный относительно пешеходного *Arasta sok* автомобильный *Torun sok*.

Частично недоступные теперь византийские руины в районе Музея мозаик

В переулке *Torun sok.* находятся дворцовые помещения, отчасти сохранившие свою первоначальную декорацию, — сейчас в них устроен **Музей мозаик** 12. Украшенные мозаиками залы располагались во втором сверху ярусе, на высоте 26 м над уровнем моря и, согласно одной из гипотез, входили в состав той части дворца, которая упоминается в источниках как **апсида**.

Музей мозаик

В таком случае именно в этих помещениях на Мясопустное Воскресенье император устраивал пир для бедняков, куда не приглашались вельможи, а на второй день Пасхи и на Рождество здесь передевались высшие чиновники, прежде чем войти во Дворец. Спафарокувикулярии, совершенно цивилизные служащие, в именовании должности которых, однако, фигурировал меч, в эти дни вынужденно опоясывались в апсиде мечами. В остальном же, хоть в это и трудно поверить, здесь был просто коридор, по которому время от времени шествовал император. Впрочем, апсида — не единственное из предложенных отождествлений нынешней территории музея. Может показаться соблазнительным связать с ними одно из описаний Продолжателя Феофана: *“С восточной же стороны можно видеть так называемый Маргарит. Его крышу поддерживают восемь колонн из пестро-розового мрамора, стены испещрены изображениями разных животных, а пол устлан приконнисским камнем и мозаикой”*.

Напомним, что мозаики покрывали, видимо, многие полы и стены Дворца — во всяком случае, у нас есть описание одного из залов, оставленное в XII в. Константином Манассией, где он с восторгом говорит об удивительном жизнеподобии изображенных в мозаике животных, *“достигаемом не смешением красок, а тонкой гармонией маленьких кусочков смальты”*. Единственным конкретным указанием в нашем случае служит то, что под дошедшими до нас мозаичными залами была обнаружена цистерна VI в., которую относят к дворцовым баням, скрытым Тиверием II. По мнению Кирила Манго, это позволяет датировать сами мозаики второй половиной VI в., что не мешает другим исследователям относить их к самым разным этапам в жизни Большого дворца: от V до VII в.

Любопытным образом мы не найдем здесь ни религии, ни войны, ни прославлений императора. Именно отсутствие каких бы то ни было реальных зацепок и делает таким трудным датирование мозаик: все сцены будто намеренно существуют вне времени, не имеют ничего общего с острополитической жизнью, кипевшей над ними.

Бродя по музею, можно довольно скоро убедиться, что мозаики изготовлены несколькими группами мастеров различной квалификации. Обратите внимание на сцену **“Тигр, терзающий лань”**, где анатомия хищника представлена с невероятным искусством, и сравните ее со среднего качества композицией **“Слон, душащий льва”**, поставленной вертикально на галерее последнего зала (между прочим, слон — индийский, а не африканский; такой участвовал в триумфе Ираклия в 631 г.). Самые знаменитые сцены, растиражированные в сотнях книг по Византии, это **“Крестьянин доит козу”**, **“Мальчики, едущие на верблюде”**, **“Девушка с кувшином”**, **“Мальчик кормит ослика”** и **“Два копейщика борются с тигром”**. Вроде бы последняя композиция

Грифон с ящерицей символизировали Аполлона с Пифоном. Вот вам и христианство!

должна побуждать нас к более ранней датировке, напоминая о том времени, когда на Ипподроме еще проводилась травля зверей, однако она такая одна — среди здешних мозаик явно преобладают изображения охотящихся хищников (их 21). Подобные сцены, как показывает сравнение с другими похожими образцами позднеимперского времени, имели целью магическим способом придать заказчику мозаики жизненную силу запечатленного на ней зверя.

Как видим, все атрибуты мозаик очень зыбки, а коли так, я пока умолкну и оставлю читателя рассматривать их самостоятельно.

На противоположной от Музея стороне *Torun sok.* в самом узком месте этого и без того неудобного переулка, по которому сплошным потоком идет транспорт, стоит **кирпичная византийская руина** 13. По некоторым предположениям, это — **Аэос** (то есть “Орел”), построенный Василием I “с роскошью и изобилием драгоценных материалов” на самой южной границе Верхнего дворца. Имя явно отражает то впечатление, которое эта зависающая на огромной высоте постройка производила на зрителя, смотревшего из Нижнего дворца.

Затем идет глухая стена с запертыми воротами, за которыми прячется **несколько средневековых руин** 14, а совсем напротив Музея мозаик, посреди очередного паркинга возвышается какая-то **византийская постройка** 15 неясной принадлежности. В этом квартале, по всей видимости, располагались три дворцовых помещения: самым южным, находящимся за запертыми теперь воротами, была **спальня императора Феофила**, дальше следовали **зал Кариан**, а потом **церковь Архангела Михаила**. Вот как они описаны у Продолжателя Феофана: “Эти здания ты сразу увидишь перед собой, войдя со стороны церкви Господа. Это Кариан, названный так потому, что с лестницы кажется, будто течет там широкая река карийского камня (карийский мрамор — темно-красный с белыми прожилками. — С.И.). Кариан служит хранилищем шелковых одежий”.

Дафни и Крытый ипподром

Впрочем, справедливость требует признать, что у этих руин имеется и другая возможная идентификация: **церковь Богородицы Дафнийской**, “Первооснованная”, как ее называли, чтобы отличить от других многочисленных богородичных церквей Города. Через нее императорская процессия проходила на пути к Ипподрому.

Чуть севернее Музея мозаик, по *Torun sok.* стоит гостиница *Sultanahmet*. При ее возведении были также обнаружены византийские развалины. По одной из версий, здесь находился **Монетный двор**.

Какие бы здания ни стояли к юго-востоку от Музея мозаик, о том, что они были очень солидными, свидетельствует мощь **подпорной стенки** 16, которую можно оценить, если дойти до конца паркинга на *Torun sok.* и глянуть вниз. Самой же стеной можно полюбоваться снизу, если спуститься на улицу *Akbiyık Degirgmeni sok.*, которая идет южнее, параллельно улице *Torun sok.* Если пройти по ней на юго-запад, то от дома №30 открывается захватывающая дух панорама. На могучей поверхности стены заметны следы позднейших пристроек, но они все отшелушились, а она по-прежнему стоит — с VI в.

Теперь нам предстоит от Музея мозаик вернуться чуть назад, к южной оконечности *Arasta sok.* и пройти немного вверх по *Tavukhane sok.* Здесь, у юго-восточного угла террасы Голубой мечети, уцелели кое-какие руины, принадлежащие к одному из самых древних слоев Большого дворца. Вероятно, это были служебные

Христос благословляет
Константина Багрянородного.
(Слоновая кость,
Москва)

помещения той его части, которая именовалась **Дафни** и теперь напрочь погребена под Голубой мечетью. Получила она свое название то ли благодаря привезенной из Рима статуе нимфы Дафны, стоявшей тут, то ли потому, что каждый год 1 января император раздавал здесь придворным лавровые венки (“дафни” — по-гречески лавр).

Дорожка, которая идет от этой группы развалин на запад вдоль южной стены Голубой мечети, почти точно соответствует так называемому **Крытому ипподрому**. Вопреки своему названию, это был вовсе не стадион, а вытянутый перпендикулярно настоящему Ипподрому сад. Сюда попадали все, кто входил во Дворец не через северные ворота Халки, а через другие, располагавшиеся под Кафисмой Ипподрома (см. с. 225). К X в., когда вся дворцовая жизнь “сползла” к югу, именно эти ворота сделались основными. Правда, они, как и Дафни, располагались на высоте 32 м над уровнем моря, а Крытый ипподром — на уровне 26 м, но археологам удалось обнаружить часть системы лестниц, соединявших их, под османскими аркадами, которые были сооружены позднее, как основание террасы для Голубой мечети.

Итак, в Крытый ипподром попасть было легче, чем в любое другое дворцовое помещение. Каждое утро чиновники толпами являлись сюда и ожидали, кого из них будет угодно видеть императору. В семь часов слуга трижды стучал в двери спальни, а василевс через него сообщал логофету дрома, кто будет сегодня принят. Отобранным счастливым (или, наоборот, бедолагам) давали знак следовать к императору. В девять утра специальный чиновник звенел связкой ключей — это был знак, что все остальные, незатребованные вельможи могут расходиться по домам. Когда василевсу предстояло совершать выход из Нижнего дворца в Верхний, то чиновники поутру являлись не в Крытый ипподром, а сразу в предписанные каждому места на пути следования императорского кортежа — будь то в Магнаву на прием или в Св. Софию на литургию.

Иногда каждодневная рутина прерывалась бурными событиями. Так, в ночь на 1 октября 811 г. в Крытый ипподром были собраны войска и сошлись сенаторы, провозгласившие императором Михаила I. Кстати, патриарх Никифор, прежде чем согласиться на его

коронацию, потребовал, чтобы Михаил собственноручно написал обязательство не поглотить священников.

Именно в силу своей уязвимости, Крытый ипподром был изолирован от находившегося поблизости **Юстинианова Триклиния**, одного из главных парадных залов Нижнего дворца, — другой преградой: вероятно прочными **воротами Скилы**. Этот доступ во внутренние покои всегда надежно охранялся, и потому столь сильно было потрясение Николая Месарита, который 31 июля 1200 г. стал случайным очевидцем недолгого воцарения узурпатора Иоанна Толстого: “Я, несчастный и невооруженный, вместе с толпой убийц проник во дворец. Кто нам препятствовал? Никто! Встал ли кто-нибудь у нас на пути? Никого нигде не было видно! Моя душонка затрепетала, когда я понял, что прошел и через бронзовую, обычно запертую дверь Скилы, она тоже была открыта настежь. В мгновение ока, в результате одного-единственного удара, запоры бронзовой двери поддались и я беспрепятственно, не встречая ни с чьей стороны сопротивления, вошел и через нее. Я оказался в Юстиниановом Триклинии и, оглядевшись, заметил голову в венце, затылок и спину нового императора — так случилось, что я вошел сзади, и это помешало мне видеть его лицо. У него были длинные, черные и жесткие волосы, как у всех в его роду, жирные и тучные плечи, раздутая в складках спина — бесполезный груз для царского трона”. Этим смелым художественным приемом Месарит намекает на недолговечность нового правления — толстяка очень скоро убили (см. с. 57).

Император Никифор III Вотаниат, за плечами которого — персонификации Правды и Справедливости

Кентинарий

Другой защитой внутренних покоев Дворца, на этот раз с севера, со стороны Ипподрома, была мощная башня **Кентинарий**, которую в средневизантийскую эпоху охраняли норманнские наемники. Вообще-то они были первоклассными воинами, которые часто спасали императоров во время мятежей, но подчас сами их и затевали. По словам историка Михаила Агталиата, *“под вечер разум совсем их оставляет: они перепиваются несмешанным вином, ибо никогда его не разбавляют”*.

Увы, определить точное местоположение Кентинария, Скилы или Юстинианова Триклиния пока не представляется возможным. В районе к югу от Сфендоны (см. с. 236) нет ни одного ориентира, за который можно было бы зацепиться. Единственное исключение — это *Nakilbent Cad.*, 33; там есть магазин ковров *Nakkaş*, а в нем — спуск в **цистерну** 17.

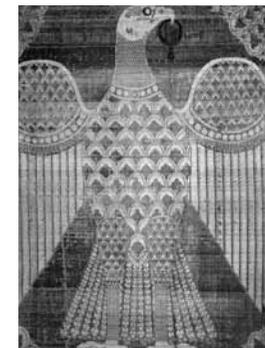
Если войти в магазин и уверенным шагом направиться в правый дальний угол, никто вас не остановит. Там находится никак не помеченная лестница, ведущая вниз, в цистерну, вытянутую параллельно Ипподрому. Цистерна имеет в длину 34,3 м, а в ширину — 9,3 м и поддерживается двумя рядами колонн с коринфскими капителями, по девять колонн в каждом. Она явно относится к концу V—VI в., то есть к тому времени, когда этот район еще не был занят дворцовыми постройками. Юстиниан II включил его в территорию Дворца лишь в конце VII в. Но здесь с эллинистического

Полулегальная цистерна под магазином ковров

время продолжали строить богатые дома, одному из которых и принадлежала эта цистерна. Видимо, недалеко от нее позднее возвели так называемую **Фиалу зеленых**, где император принимал представителей цирковых партий (см. о них с. 217). На этом месте бил фонтан (позднее его перенесли несколько южнее), описанный Продолжателем Феофана: *“Открытый двор, в середине которого стоит медная чаша, края которой покрыты серебром. Она имеет золотую шишку. Во время приемов чаша бывала наполнена фисташками, миндалем и орехами, смешанное с медом вино вытекало из шишки, отведать его мог каждый желающий, включая всех музыкантов, а также тех, кто пел под музыку”*. Видимо, этот фонтан как раз и питала цистерна на *Nakilbent*, 33. Но такая привязка не помогает нам “посадить на местность” другие части Дворца.

Совсем плохо обстоит дело с еще одним участком **руин** 18, обнаруженным в начале 1990-х гг., при постройке *Crown Eresin Hotel (Küçük Ayasofya Cad.*, 40). Здесь провели правильные и легальные раскопки, в результате чего из-под земли появились цистерны, мозаичные полы и подвальные помещения, которые не стали уничтожать, а включили в состав нового здания. Кроме того, теперь в гостинице экспонируется 49 предметов, относящихся к эллинистическому, римскому и ранневизантийскому периодам. Колонны, капители, мраморные плиты — все снабжено бирками, словно в музее. Особенно интересен “Колонный бар”, украшенный разноцвет-

Имперские орлы, вытканые по шелку, были ок. 1000 г. подарены епископу Осера (Франция)

ными базами колонн и надгробиями. Сразу при входе слева — цистерна, превращенная в холл. Позади нее стоит византийская стена, построенная из античных сполей, а через стекло в полу ресторана можно видеть мозаику v–vi вв. с изображением рыбы. Однако результаты раскопок так никогда и не были опубликованы, а опознать их по письменным источникам не удастся.

В ix–x вв. почти вся жизнь Большого дворца сосредоточилась на территории сегмента, ограниченного морем и улицами *Nakilbent* и *Karagaşı*. Тем не менее по особым случаям Верхний дворец еще продолжали использовать. Вот, к примеру, как описывает Константин Багрянородный визит киевской княгини Ольги в 946г.:

Дворец съезживается

“Девятого сентября, в среду, состоялся прием, по прибытии Эльги, архонтисссы Росии. Сия архонтисса вошла с ее близкими, архонтисссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет обычно задает вопросы. За ней вошли послы и купцы архонтов Росии и остановились позади, у занавесей. Выйдя снова (из Магнавры. — С.И.), через Анадендрадий и Триклин кандидатов, она прошла через Онопод и Золотую Руку и села там. В Триклине Юстиниана стоял помост, украшенный порфирными тканями, а на нем — большой трон. За ним же, позади двух занавесей, стояли два серебряных органа. Приглашенная из Августия, архонтисса прошла через Апсиду, ипподром [Крыгтый. — С.И.] и присела в Скилах. Затем архонтисса вместе с ее родственницами и прислужницами вступила через [Триклин. — С.И.] Юстиниана, Лавсиак и Трипетон в Кенургий и отдохнула. Далее, когда василевс с августой и его багрянородными детьми уселись, из Триклина Кенургия была позвана архонтисса. Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала. Разыгрывались также и всякие театральные игрища. После того как василевс встал от обеда, состоялся десерт в Аристирии, где на малом золотом столе и был сервирован десерт в украшенных жемчугом и драгоценными камнями чашах. Было вручено: архонтиссе в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше 500 миллиарисиев, 6 ее

женщинам — по 20 миллиарисиев и 18 ее прислужницам — по 8 миллиарисиев. Восемнадцатого октября, в воскресенье, состоялся прием в Христотриклин. Василевс сидел с росами”.

Этот рассказ приоткрывает нам самое младенчество древнерусской государственности, но он же показывает и другое: пусть Константин Багрянородный, вопреки нашей летописи, и не сватался к Ольге, но он очень хотел пустить ей пыль в глаза — и действовал для этого приема все парадные залы Дворца, включая такие, которые давно вышли из повседневного употребления.

Константин описал уходящую натуру: почти сразу после его смерти император Никифор Фока признал неизбежное, а именно то, что Византии не по средствам и дальше поддерживать в парадном состоянии одновременно весь Большой дворец. Физическим воплощением этой капитуляции стали стены, которыми Никифор обнес реально функционировавшие части Нижнего дворца. В результате получился треугольный сегмент, своей самой северной точкой имевший Кафисму Ипподрома (см. с. 233). От нее лучами расходились две стены: одна шла параллельно Ипподрому на юго-запад, выходя к морю примерно у **Сергия и Вакха** (см. с. 238), а вторая — более или менее точно на юг.

Вот что говорит по этому поводу историк Лев Диакон: “Василевсу стало, как говорят, известно от какого-то человека, то ли из тех, что

Дворец на мозаике в церкви Сан-Аполлинаре Нуово, Равенна (ок. 561 г.)

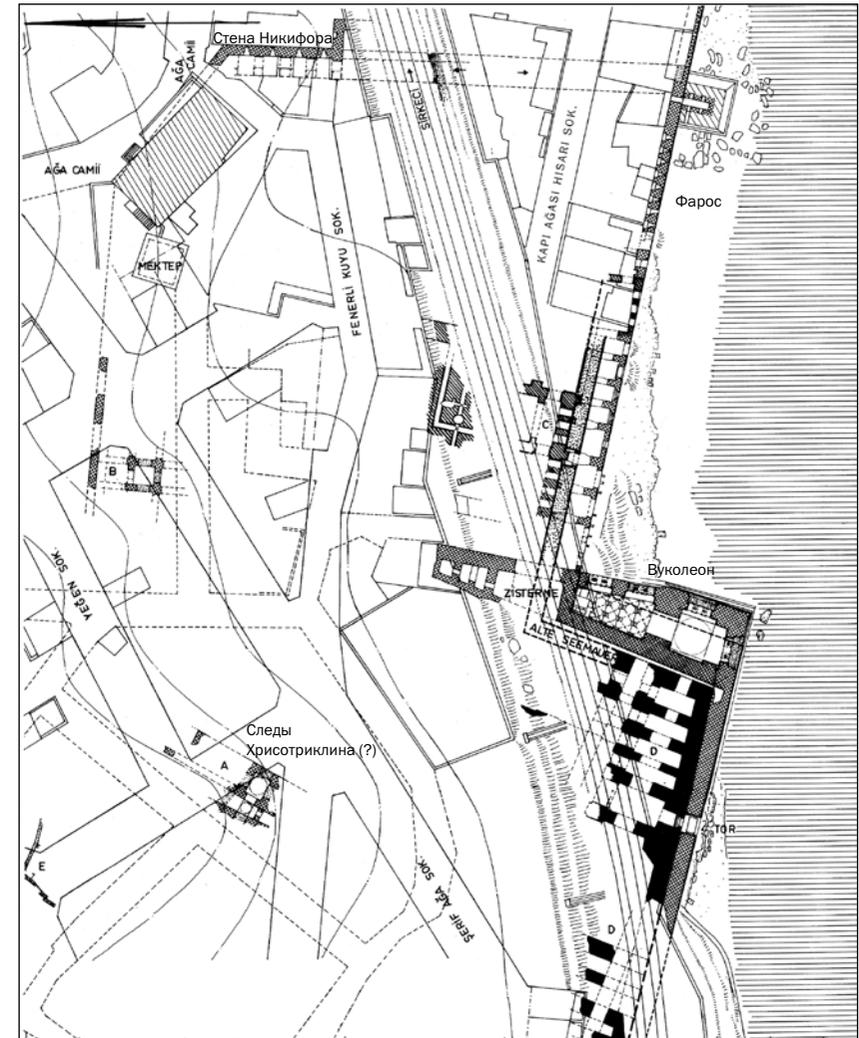
Как выглядела родильная палата Дворца, можно представить себе на основании сцен Рождества Богородицы (Мозаика Кахрие Джами)

наблюдают небесные светила, то ли из тех, что избрали монашеский безбрачный образ жизни (характерно, что оба способа познания будущего византиец признавал равноправными. — С.И.), что он умрет в царском дворце, убитый собственными соотечественниками. Устрашенный этим предсказанием, он построил высокую и крепкую стену, которая соединила оба крыла дворца, обращенных к морю. [Государь] полагал, что этой стеною, видимой еще и теперь, он обезопасил свое жилище”.

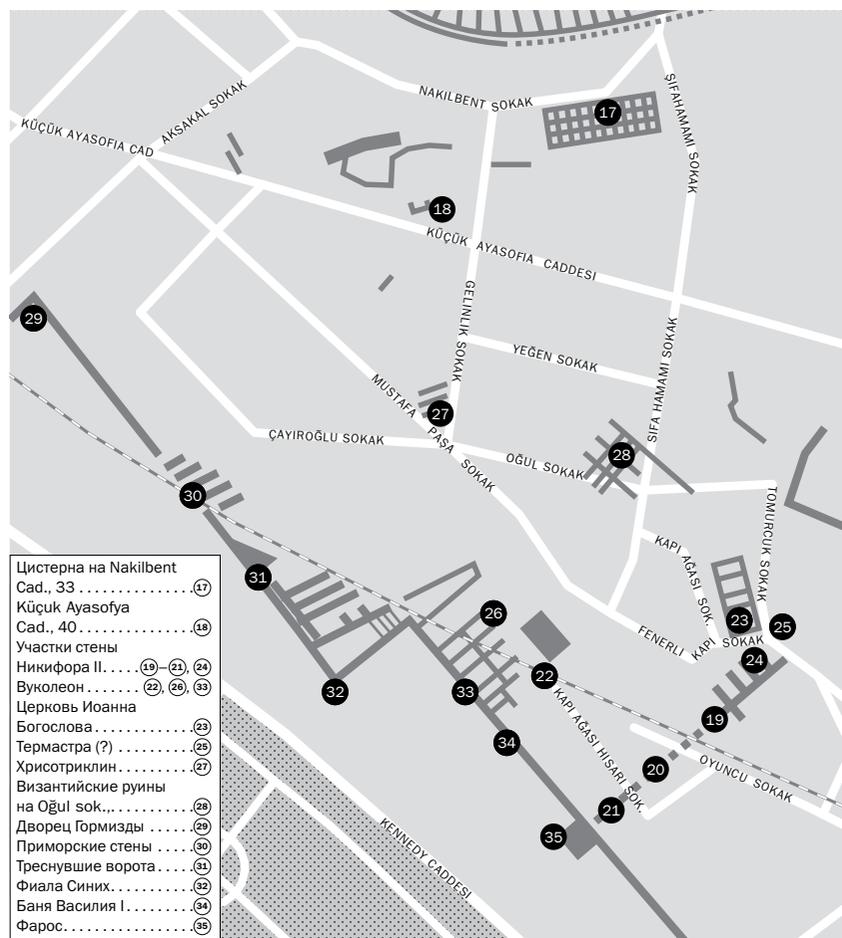
Главные помещения Дворца теперь располагались на высотных горизонтах 16 и 11 м над уровнем моря. Именно здесь находилась главная тронная зала — восьмиугольный **Хрисотриклин** (“Зал Трех Золотых Лож”). С юга к ней примыкали императорская опочивальня **Китон** и **Порфи́ровая палата**, где все императрицы производили на свет наследников престола, а с севера — **церковь Фаросской Богоматери**, в которой были сосредоточены главные реликвии Империи, и **церковь Св. Димитрия**, где на Лазареву субботу император лично раздавал синклитикам фиалки, маргаритки “и прочие благоуханные цветы, в соответствии с сезоном”. От всех этих и множества других великолепных сооружений не осталось практически ничего — зато пресловутая стена Никифора местами стоит на полную высоту. Кстати, обезопасить себя императору так и не удалось: в декабре 969 г. он погиб от рук заговорщиков (см. с. 129) — немедленно после того, как она была закончена.

Стену Никифора ¹⁹ можно видеть на нескольких участках: она перпендикулярно выходит к железной дороге с запада, и этот ее кусок хорошо заметен, если зайти в переулочек *Karıağası Hisari sok.*

Территорию Дворца перерезает железная дорога

Район дворца Вуколеон

Дальше к востоку часть стены уничтожена, но потом **она опять появляется** 20 сначала между домами № 4 и 6 по этому же переулку, а **еще кусок** 21 — на другой его стороне, в садике дома № 19. Садик, хоть и огражден покосившимся забором (в этом районе все — очень покосившееся), весьма живописен, и ради вида на стену при ее выходе к морю вполне стоит поплутать в диковатых переулках.

Если дойти до конца *Karıağası Hisari sok.*, мы упремся в ворота дома № 31, за которыми находятся те самые **остатки дворца Вуколеон**, 22 которые видны и с набережной (см. с. 131). Пожалуйста, не пытайтесь перелезть через забор: он, правда, довольно ветхий, но зато внутри (по состоянию на 2010 г.) — две очень злые собаки. Лучше сразу вернуться к железной дороге, перейти ее по мостику, ведущему в переулок *Akbıyık Değirmeni sok.*, а затем свернуть налево, в *Fenerli Kapı sok.*

Перед нами сразу появится мечеть *Kapı Ağası Mehmet Ağa* (иногда ее называют просто *Ağa Camii*). Она стоит на **византийском подклете** 23, ориентированном на восток и разделенном на три отсека. В первый (западный) можно войти из двора мечети, в средний — из переулка. В третий отсек войти нельзя, но наличие окон с восточной стороны подвала доказывает, что и там есть пустое пространство. По предположению исследователей, раньше на этом фундаменте стояла дворцовая **церковь Иоанна Богослова** (отсюда можно сделать вывод, что весь этот горизонт Дворца находился на высоте 16 м над уровнем моря). Храм построен в IX в. Василием I. На Вербное воскресенье император встречался здесь с партией зеленых (см. с. 217), а когда в зимнее время года дули холодные ветры и приемы невозможно было проводить заведенным порядком, именно здесь придворные ждали выхода императора.

Рядом с мечетью *Ağa Camii* находятся **фрагменты стены Никифора** 24 (их можно рассмотреть и из переулка *Fenerli Kapı sok.*, но лучше зайти во внутренний двор дома № 3). Возможно, когда-то это был переход, построенный Василием I в северо-восточном углу **террасы Христотриклина, между церковью Иоанна Богослова и Башней маяка** (см. с. 132). Лишь позднее конструкция стала частью оборонительной стены: в ней были проделаны бойницы, обращенные широкой стороной к югу, — следовательно, кто-то когда-то собирался защищать эту стену от врагов, нападающих с севера.

Напротив мечети *Kapı Ağası Mehmet Ağa* находится гостиница, на заднем дворе которой (по утверждению одной исследовательницы, яростно опровергаемому персоналом отеля) есть спуск в **сводчатое помещение** 25, которое можно отождествить с **Термастрой**. Эта постройка была важна тем, что 11 мая каждого года в ее дверях рас-

порядитель бегах на Ипподроме получал лично от императора разрешение на проведение праздника в честь Дня рождения Города. А в Житии Михаила Синкелла рассказывается, как его и Феодора Начертанного, двух знаменитых защитников икон, в 815 г. водили на допрос к императору-иконоборцу Феофилу; после того как унизительное действие закончилось и “святых вели в (тюрьму. — С.И.) Преторий, и они уже находились в Термастре, бегом примчался кто-то, неся им приказ снова прийти к царю. Тот же заявил им: “Вы, конечно, рассчитываете, вернувшись в свою землю, говорить, что вы посмеялись над василевсом ромеев. Но я первым посмеюсь над вами”. И он приказал раздеть их и голыми поставить перед собой. Потом он приказал связать их, навалиться на каждого шестерым и бичевать их”.

Если отождествление мечети *Karı Ağası Mehmet Ağa* с **Иоанном Богословом** верно, то мы можем приблизительно локализовать и некоторые другие дворцовые сооружения. Нам известно, что западнее, на том же высотном уровне, находилась знаменитая **Фаросская церковь** (см. с. 133). Сейчас, пройдя в этом направлении чуть дальше, мы оказываемся у остатков дворца Вуколеон, о котором речь пойдет несколько позже (см. с. 131). Отличный вид на него открывается из окон гостиницы *Sur* по адресу *Mustafa Paşa sok.*, 25 или из соседнего рыбного ресторана (все дома по нечетной стороне этого переулочка стоят на византийских руинах). Именно сверху особенно хорошо заметно, как по-живодерски перерубила железная дорога совершенно целое дворцовое помещение: отдельные его **своды** 26 словно до сих пор не могут с этим смириться и будто “перешагивают” через полосу отчуждения.

Обычно на эту часть Дворца смотрят со стороны моря, а вот как она же выглядит сверху

Хрисотриплин

Весь район к северу от *Mustafa Paşa sok.* когда-то занимал тот самый знаменитейший **Хрисотриплин**. Не исключено, что его еще найдут, если проведут более тщательные раскопки под ветхими домиками. Во всяком случае, в 1983 г. именно в этом районе случайно был обнаружен наборный пол, хотя эта находка так и не повлекла за собой никаких планомерных изысканий.

Единственное, что сегодня возвышается над землей и, по всей вероятности, когда-то составляло часть Хрисотриплина, — это **кусок кирпичной стены** 27 в полметра высотой на углу *Mustafa Paşa sok.* и *Gelinlik sok.* То был многофункциональный зал: здесь происходили приемы, стоял золотой стол на 30 персон для главных чиновников двора, и в случае надобности выставляли еще до четырех столов, на 18 персон каждый. Сам император ел за отдельным маленьким столиком. Сколько церемоний, сколько исторических событий произошло на месте этого, теперь такого неказистого, кварталчика — всего и не рассказать! К примеру, на Вербное воскресенье, как сообщает Лиутпранд, император устраивал здесь раздачу жалованья: “Ставился стол длиной в десять локтей и шириной в четыре, на котором в закрытых мешках лежали золотые монеты — кому сколько причиталось, а снаружи на сумках была указана сумма. Затем по зову глашатая к императору входили — не толпой, а в определенном порядке — те, чьи имена он зачитывал по списку, согласно занимаемому ими рангу. Первым из тех, кого вызывали, был ректор дворца, которому монеты давались не в руки, а клались на плечи, вместе с четырьмя (подарочными. — С.И.) одеждами. После него вызывались domestik и друнгарий — они из-за огромного количества несли деньги уже не на плечах, но с помощью других людей. Ты можешь подумать, что все это происходит в течение одного дня. Ничего подобного! Начав раздачу в четверг, с первого часа дня по четвертый, император заканчивает ее только в субботу. Тем, кто получает меньше фунта, деньги выдает уже не император, а паракимомен в течение всей недели перед Пасхой. И вот, когда я там был, с изумлением наблюдая это мероприятие, император спросил меня через логофета, как мне это нравится. И я ответил: “Разве может это понравиться тому, кому

ничего не достается?” Император засмеялся и, несколько смутившись, кивнул мне головой, чтобы я подошел к нему, после чего охотно вручил мне большой плащ вместе с фунтом золота”. Судя по “Книге церемоний”, Лиутпранд описал всю процедуру довольно точно, однако при этом окрасил свое описание в субъективные тона, которых так не хватает обряднику Константина Багрянородного.

Уровень 16 м соответствует горизонту улицы *Oğul sok.*, на которой **византийские камни** 28 лезут буквально из-под земли — их можно найти даже в отеле *Naz* (№ 17), если в нем поселиться. Полагают, что обнаруженные здесь руины — это остатки тех сооружений, которые описаны Продолжателем Феофана: “Триконх с золоченой крышей получил такое название из-за своего облика, ибо возносится тремя конхами: одной восточной — (ее подпирают четыре римских колонны (то есть красного порфира со светлыми вкраплениями. — С.И.) — и двумя боковыми, на север и юг. С запада здание поддерживается двумя колоннами, и войти в него можно через три двери: средняя — сделана из серебра, крайние — из полированной меди. Выход из здания ведет в так называемую Сигму. Цветущей красотой стен она подобна Триконху. Оба они выложены разноцветным мрамором. Крыша у Сигмы крепкая и роскошная, поскольку водружена на пятнадцать колонн докиминского камня (то есть белого мрамора с фиолетовыми прожилками. — С.И.). Спустившись по лестнице вниз, ты найдешь зал, имеющий образ и подобие Сигмы, но там девятнадцать колонн с круглой галереей, вымощенной крапчатым камнем. А рядом с галереей еще дальше вглубь и восточнее воздвиг мастер Тетрасер, снабженный тремя конхами по подобию с соседним Триконхом. В северной же части две колонны из настоящего крапчатого камня отделяют его от Мистирия, который не случайно получил такое наименование. Дело в том, что, подобно звучащей пещере, он возвращает слушающим звук той же силы. Если подойти к стене конхи и тихонько что-нибудь сказать, то стоящий на противоположной стороне, приложив ухо к стене, может расслышать эти тихо произнесенные слова. Такое чудо там происходит”. В Триконхе каждый декабрь, на праздник Брумалий, сановники в своих тяжелых длинных облачениях кружили со свечами в хороводе, приплясывая и припевая перед императором, — дорого бы я дал, чтобы посмотреть на это зрелище, опрокидывающее все наши представления о византийской чинности.

Пора, однако же, перейти к рассказу о самой южной части Большого дворца — приморскому Вуколеону. Его фасад, выстроенный поверх городских стен, поразительным образом дожил до XIX в. и был запечатлен на многочисленных рисунках и литографиях, прежде чем его разрушили при сооружении железной дороги в 1871 г.

Дорога пересеклась с фасадом дворца под острым углом, так что западная часть этого фасада (вернее, то, что от нее осталось) сейчас находится севернее железнодорожного полотна, а восточная — южнее. Кусочек западного фасада можно видеть, если с набережной повернуть на улицу *Aksakal sok.* и почти сразу зайти во двор дома № 31, где находится спортивный клуб *Küçük Aya Sofia Spor Kulubu*. Можно знаками показать тамошним завсегдатаям, что вы хотите посмотреть на руины, обогнуть слева бюст Ататюрка и подняться по железной лесенке на площадку у **двух гигантских арок** 29. Это и есть основание той великолепной колоннады, что видна на рисунках европейских путешественников.

Здесь находился **дворец Гормизды**, который выходил к морю и в начале VI в. еще не был частью Большого дворца, а являлся частной резиденцией, построенной некогда для беглого персидского принца. Тут жил Юстиниан, до того как стал императором. Позднее, уже переехав в Большой дворец, он продолжал использовать эти помещения — главным образом в церковно-политических целях. Сегодня видны фундаменты той части дворца, которая называлась семиабсидным залом и где в 536 г.

Вуколеон

Императорский завтрак, каким он представлен на мозаике в соборе Сан-Марко, Венеция

император устроил церковный собор, фактически запретивший любую форму исповедания христианской веры, не одобренную властями. Юстиниан, рассматривавший собственную богословскую деятельность как часть государственных обязанностей, без труда навязал 150 епископам свое мнение и заставил их проклясть патриарха Анфима, с которым он не поладил.

22 января 565 г. во дворцовой церкви Гормизды служил патриарх Евтихий. Во время литургии ему сообщили, что за дверями его караулят убийцы, подсланные по приказу императора Юстиниана, недовольного отказом патриарха присоединиться к одобренной императором богословской концепции “афтартодокетизма”. В Житии Евтихия читаем следующее: “Узнав о нападении, он, хоть и закончил литургию, оставался в церкви: осведомленные люди сообщили ему, что, если он выйдет за стены храма, его жизнь подвергнется опасности. Блаженный стоял у жертвенника, не снимая омофора, хотя служба уже закончилась, и, простирая руки, молился до третьего часа ночи. Молившиеся с ним клирики и монахи уговорили его поесть. Но как только он немного пригубил, пред ним предстал вооруженный отряд. Схватив святого, они нагим отвезли его в монастырь”. Юстиниан заочно судил патриарха, но не за догматическое упрямство, а за то, что якобы баловался притираниями и мясными деликатесами. Впрочем, в 577 г., при новом императоре, Евтихий вернулся на патриаршество — и начал его с литургии в том самом храме Гормизды, откуда его выгнали за 12 лет до того.

В том же VI в. в Гормизде жил еще один наследник престола и фактический правитель, Тиверий, — потому что, хотя император Юстин II и сошел с ума и ездил по дворцу на детской тележке, его жена София не позволяла Тиверию переехать в Большой дворец, а вернее, перевезти туда собственную жену и дочь — все надеялась, что Тиверий женится на ней. Тем не менее он обязан был каждый день являться в Большой дворец для исполнения своих обязанностей. Так продолжалось некоторое время даже после смерти Юстина.

Выйдем теперь через тоннель под железной дорогой на набережную и двинемся налево, на восток, вдоль **приморских стен** 30. Стена у моря была возведена до 439 г., но дворцовые постройки начали

спускаться к ней гораздо позже. Ансамбль **Вуколеона** складывался в несколько этапов: в VII в. при Юстиниане II, в IX — при Василии I — и в X — при Никифоре Фоке.

Вуколеон — это единственная часть Дворца, которая хоть как-то напоминает сегодня о былом его величии. Когда-то волны разбивались прямо об эти стены, но теперь все выглядит иначе: между руинами и морем, по насыпному грунту, идет многополосное шоссе, построенное в 1959 г. Оно поглотило многие важные остатки прошлого, но зато вдоль стены сейчас можно гулять, не опасаясь брызг. В византийское же время пляж перед дворцовыми стенами использовали только в особых случаях: например, в 533 г., когда флот Велисария отправлялся на завоевание Северной Африки, благословить его вышли Юстиниан и патриарх Епифаний. В 813 г. по этому пляжу бродила одна безумная служанка, выкрикивавшая мрачные пророчества в адрес императора Михаила I. Обращаясь к высоким дворцовым постройкам, шедшим поверху стен, она кричала: “Слезай оттуда, Михаил, слезай и очисти чужое помещение!” Ее беспрестанные вопли поселили беспокойство в душах придворных и, в конце концов, дошли до императора, который отправил к ней своего родственника Феодора Мелиссина, чтобы разузнать, кого же судьба прочит в цари, и загодя избавиться от него. Девушка в пророческом экстазе немедленно поведала Феодору, что будущий император сейчас проезжает по Акрополю на муле. Но царский посланец, не будь ду-

Совместная монета Юстина II и Тиверия, 578 г.

рак, решил не спорить с судьбой, а, наоборот, использовать ее: он заверил Михаила, что все вопли пророчицы — вздор, а сам тем временем поспешил разыскать человека на муле и втереться к нему в доверие. Вы не поверите! — по Акрополю на муле ехал будущий император Лев V.

Пройдя чуть дальше по шоссе, мы увидим по левую руку так называемые *Catladı Карı*, “Треснувшие ворота” . Мраморные плиты с Юстиниановым узором — явно повторного использования. Ворота, ныне заложенные, служили когда-то главным входом во Дворец. Нынешний вид этого места мало о чем говорит, однако раньше здесь находилась миниатюрная императорская гавань. От воды вели ступени, а на верхней площадке стояла скульптурная композиция: лев, терзающий быка. Быгг может, ее имел в виду русский паломник XIV в.: “А под стеною вскрай моря медведи камены и зубри камены”.

Именно отсюда во Дворец проникли заговорщики, 11 декабря 969 г. убившие императора Никифора Фоку. Прочитируем самого красноречивого из историков, описавших нам этот заговор: (Иоанн Цимисхий, любовник императрицы Феофано. — С.И.) “...нашел средство проникать в покои августы через подготовленные ею тайные входы, чтобы вести с ней переговоры о свержении василевса Никифора с престола. Для этого он посылал к ней от времени до времени сильных и опытных в ратных делах мужей, которых она укрывала у себя в темной камерке. В то время наступил десятый день декабря. Гово-

Монета Никифора II и его пасынка, Василия II, которого он якобы собирался оскотить. Отчасти из этого опасения мать Василия, императрица Феофано, и решилась на убийство мужа

рят, что вечером, во время молитвы, один из клириков царского дворца вручил Никифору записку, в которой сообщалось следующее: “Прикажи осмотреть женские покои; там спрятаны вооруженные люди, которые собираются тебя умертвить”. Прочтя это письмо, василевс приказал главному постельничему Михаилу произвести тщательные поиски этих людей; но Михаил не заглянул в камерку. С наступлением ночи к Никифору, как обычно, пришла василисса и сказала: “Пусть спальня будет отперта; когда я вернусь, я сама ее запру”. С этими словами она вышла. Государь заснул на полу, на шкуре барса, перед святыми иконами. Тем временем спрятанные у августы пособники Иоанна, вооружившись мечами, вышли из камерки и ожидали его появления, глядя вниз с открытой площадки. Часы показывали уже пятый час ночи, леденящий северный ветер волновал воздушную среду; падал густой снег. Наконец Иоанн с сообщниками, проплыв вдоль берега на лодке, высадился в том месте, где стоит каменное изображение льва, настигающего быка. Свистом подал он знак своим прислужникам, склонившимся к нему навстречу с верхней площадки, — так заранее было договорено между злодеями. Затем они привязали веревку к корзине и стащили в ней вверх по одному сначала всех заговорщиков, а потом и самого Иоанна. Пробравшись таким образом сверх всякого человеческого ожидания [во дворец], они обнажили мечи и ворвались в спальню василевса. Приблизившись к ложу и увидев, что оно пусто, они оцепенели от ужаса и хотели броситься в море. Но один из слуг женской половины, бесстыдный человечиска, который был их проводником, указал им на спящего императора. Они окружили его и стали бить и пинать ногами”. Опустим страшную сцену убийства Никифора. Напомним лишь, что императрица Феофано так и не получила выгод от своего участия в убийстве мужа — заняв престол, Иоанн Цимисхий немедленно ее сослал.

Печальный опыт Никифора Фоки был учтен. Вот какой случай произошел в 1165 г. с Андроником Комнином, будущим императором, а тогда еще просто царским кузеном, которого подозревали в узурпаторских намерениях. Андроник был заключен в дворцовую тюрьму, но сумел изготовить дубликат ключей и бежать. Прочитируем Никиту Хониата: “Остаток этой ночи он проводит в густой и высокой траве, которой поросли некоторые места дворцового двора, куда обыкновенно никто не ходил. И второй и третий день он

скрывался от поисков в траве. Когда же искавшие утомились розысками по разным местам дворца, Андроник устраивает из палок лестницу и, опустившись со стены между двумя башнями, входит в лодку, ожидавшую его, по уговору, у скалистого морского берега, которым окружена выходящая на море городская стена и о которую разбиваются бурные волны. Человек, который принял Андроника в лодку, назывался Хрисохопул. Но едва успели они отплыть от берега, как уже их задерживают стражи вуколеонские, которые всю ночь смотрят, чтобы ни одна лодка не проходила близ царского дворца. Этот дозор начался с того времени, как Иоанн Цимисхий, поднятый в корзине, напал на Никифора Фоку. Таким образом, Андроник чуть было опять не попал под стражу, но изобретательность избавила от опасности этого находчивого человека. Притворившись домашним слугой, он стал просить поймавших пощадить его, так как он уже прежде немало потерпел от господина своего, да и теперь должен будет расплатиться за побег. А господином своим он назвал Хрисохопула, причем нарочно переменял язык греческий на варварский. А сам Хрисохопул просил стражей отдать ему Андроника как его беглого раба”. Хитрость удалась — и Андроник бежал.

Кстати говоря, не следует удивляться тому, что во Дворце можно было прятаться среди травы. Я недавно опубликовал неизвестный византийский анекдот про дворцового смотрителя Иоанна, у которого напрочь не росло ни волос, ни бороды. Однажды при обходе Дворца он случайно наткнулся в таком вот глухом месте на императорского капеллана, блудящего с чужой женой. Несмотря на свое возмущение, смотритель не только не устроил скандала, но даже принял в тот же день причастие из оскверненных рук. За это у него ночью выросли густейшая шевелюра и борода. Узнав об этом чуде, император воскликнул: “Если я увижу блудящего священника, я прикрою его собственной багряницей!”

Однако продолжим нашу прогулку на восток вдоль приморской стены. Перед нами — **башня и уступ стены** 32, а если вскарабкаться наверх, то можно разглядеть остатки монументальной лестницы, сильно заплывшие землей. Этой лестницей Юстиниан II соединил два этажа Дворца — те, что находились на высоте 16 и 11 м над уровнем моря. На верхнем этаже он построил зал, именовавшийся **Фиала Синих**. Для этого, по словам хрониста Феофана, понадооби-

Император в окружении придворных (Мадридский Скилица)

лось снести находившуюся там церковь Богородицы. Император попросил патриарха Каллиника благословить этот снос. Тот отвечал: “У нас есть молитвы на строительство церквей, а на их разрушение — нету”. Однако император настаивал и требовал молитвы, тогда патриарх произнес: “Слава Богу, возвышаемому в любом случае”. И строители, услышав это, немедленно сломали церковь и возвели Фиалу.

Следующий пролет стены 33 с тремя огромными окнами в мраморных рамах и с выдающимися вперед кронштейнами балконов — самая знаменитая часть Большого дворца. Сквозь проемы окон видна сводчатая зала, построенная, по всей видимости, Константином Багрянородным. Снизу, со стороны набережной, открывается лишь одна ее часть, а лучше всего эти **руины** 28 можно рассмотреть сверху и с противоположной стороны железной дороги (см. с. 122); вид на ту же залу сбоку — от уже упомянутого (см. с. 121) дома №31 по *Karı Ağası Hisari sok.*

Высота стены в этом месте — примерно 12 м; раньше она была выше, но железная дорога срезала ее верхушку. Панцирь здесь двойной — его почти невидимый глазу древний слой относится к ранневизантийской эпохе (его можно заметить, например,

под висящим среди этих древностей современным балконом), а внешний — к IX в. Стоя на вершине именно этой, Вуколеоновой стены, император Феофил увидел в море корабль и, узнав, что тот принадлежит его жене, огорчился из-за коммерческих увлечений императрицы и велел корабль сжечь.

Именно с этой стороны адмирал Роман Лакапин устроил блокаду дворца в 919 г., после чего регентша Зоя, осмотрев морскую панораму с площадки Вуколеона, немедленно сдалась. Роман здесь же высадился на берег, поднялся в Фаросскую церковь и присягнул не делать зла малолетнему Константину Багрянородному (о том, что было дальше, см. с. 272).

Восточнее мраморных окон, но в том же пролете стены, вверху видны **остатки колоннады** 34, теперь включенной в современную, какую-то очень “дачного” вида деревянную развалюху. Колоннада соответствует бане, построенной здесь Василием I.

Фарос

Сразу к востоку от колоннады находится мощная башня **Фарос** 35, с арками, пристроенными к ней сзади, и двумя в западной стене; там сейчас живут местные бомжи, и поэтому заходить внутрь я не советую. На этой башне в византийские времена был маяк. Его, как и многие другие дворцовые сооружения, построил император Феофил. На верхней площадке башни круглосуточно горел яркий огонь, показывавший путь кораблям, а кроме того, неусыпно дежурила стража, наблюдавшая, не загорится ли сигнальный костер военной тревоги на горе Св. Авксентия на азиатской стороне Босфора (см. с. 647). Эту площадку можно видеть, под удобным ракурсом сверху, из ресторанов на крышах нескольких отелей по улицам *Karı Ağası sok.* и *Oğul sok.*

Византийские историки утверждают, будто однажды, когда император Михаил III как раз собирался участвовать в качестве возницы в колесничном забеге на Ипподроме, ему сообщили, что маяк сигнализирует о вторжении арабов в Империю, — Михаил же якобы велел его выключить, чтобы горожане не впали в уны-

ние и не пренебрегли предстоящим забегом. Может, император и в самом деле запретил разглашать информацию, чтобы не сеять паники, но вряд ли причиной тому были бега (Михаила вовсю чернила свергнувшая его Македонская династия — что ж, историю во все времена пишут победители).

У поствизантийского историка Дорофея Монеувасийского принцип светового телеграфа изложен в совершенно сказочных тонах — он превращается в нечто вроде волшебного зеркальца из сказки Пушкина, глядя в которое, император мог видеть, что и где происходит. Впрочем, ведь и Золотой Петушок, позаимствованный из арабских сказок, если вдуматься, воплощал сразу две византийские выдумки: сигнальный костер Фароса и золотых птиц Дворца. Кстати, описание маяка оставил нам русский паломник XIV в.: “*На полдень есть царев двор Костянтинов (на взгляд простодушного чужестранца, все великое было возведено Константином. — С.И.), над морем над великим. Есть на Цареве дворе узорочье: над морем высоко вельми поставлен столп камен, а на том столпе четыре столпъцы каменных, а в том камени вырезаны псы крылаты и орли камени и бораны каменныи. Бораном рога сбиты, да и столпы обиты. Тож били фрязова (т.е. латиняне. — С.И.), кои владел Царемградом, и иных узорочей много потравили*”.

От Фароса на север уходила **стена** 36, построенная Никифором Фокой (этот ее кусок мы уже видели с противоположного конца *Karıağası Hisari sok.*), и здесь же, над стеной, находилась знаменитая **церковь Богородицы Фаросской**. Подле нее к вершине стены примыкала обширная площадка, где происходило множество императорских церемоний и где василевсы часто занимались текущими делами, одновременно любуясь морем.

Из Жития Стефана Нового нам известно, что в 766 г., когда святой томился в дворцовой тюрьме за свою приверженность иконопочитанию, император Константин V, “*сидя на балконе, который зовется Фарос, в окружении всего двух придворных, велел, чтобы святой предстал перед ним. Он же попросил у товарищей монету и спрятал ее в своем капюшоне. Тиран воскликнул: “О презренный, неужели мы, попирая иконы, попрали тем самым и Христа?” А премудрый Стефан запустил руку в капюшон, вытащил монету, имевшую*

изображение богоборца (Константина. — С.И.), и сказал: “А если кто-нибудь бросит вот это на землю и станет топтать, понесет ли он наказание?” “Разумеется, — ответили они, — ведь он попрал бы образ царя”. “Так какого же наказания заслуживает тот, кто попирает образ Сына Божия?” — воскликнул святой и, немедленно бросив монету оземь, наступил на нее. Присутствующие накиннулись на Стефана, как звери, собираясь скинуть его в море, — подхалимство никогда не знает меры — но царь остановил их” (о дальнейшей судьбе Стефана см. с. 264).

Никита Хониат рассказывает странную историю, как некий маг Михаил Сикидит, стоя на эспланаде и глядя в море, предложил присутствующим пари, что он тотчас же своими чарами заставит ремесленника, проплывавшего мимо на лодке, собственноручно переколотить все блюда и горшки, которые тот явно вез на продажу. И точно — несчастный, словно обаянный бесом, немедленно уничтожил все плоды своего труда и лишь потом в отчаянии схватился за бороду. Император Мануил обеспокоился могуществом Сикидита и велел его... ослепить.

В Вуколеоне с 1204 по 1261 г. жили латинские императоры Константинополя — видимо, тот оставался последним пригодным для обитания дворцовым помещением.

Сами стены в этом месте в последний раз ремонтировались византийцами в 1351 г., когда Иоанн Кантакузин готовился обороняться от генуэзцев. Как пишет этот император в своих мемуарах, “те стены, что выходят к морю, он привел в боевую готовность, восстановив разрушенные участки и в нужных местах надстроив”.

Дальше на восток начинался квартал знаменитой **Новой церкви**, построенной Василием I в 881 г. Храм располагался на самом низком горизонте — 6 м над уровнем моря, и к нему спускались от Фаросской эспланады по лестнице.

Кстати, говоря об этом и всех прочих высотных горизонтах, следует помнить, что те высчитаны учеными относительно нынешнего уровня земли, а между тем недавние изыскания у фундаментов морских стен показали, что в византийское время они лежали четырьмя метрами глубже. То есть в реальности та стена, которая выглядит для нас 12-метровой, имела в высоту 16 м.

Но вернемся к Новой церкви. Рассказывали, что для ее строительства император Василий стащил во дворец огромное количество мозаик, мраморных плит и колонн. 1 августа 1389 г. Игнатий Смоленский записывал: “Ходихом в церковь при Константиновом дворе, в нейже суть столпы чудни; зрети бо есть сущих при них, аки в зеркале”. Среди прочего, по словам хрониста Симеона Логофета, на площадке оказалась и “бронзовая статуя, имеющая облик епископа; в руках она держала жезл, обвитый змеей”. Византийский автор уже не узнавал в этом “епископе” языческого бога Асклепия с его здравствующим и по сей день символом медицины в руках. Но продолжим прерванную цитату: “Проходя мимо, император засунул пальцы в змеиную пасть, и сидевшая внутри живая змея укусила его за палец. Насилу его вывели противоядиями, а все удивлялись на это происшествие”.

Около Новой церкви находилась дворцовая тюрьма, где во время гражданской войны середины XIV в. всесильный министр Алексей Апокавк собрал множество аристократических сидельцев, сторонников Иоанна Кантакузина (министр заигрывал с городскими низами, конфискуя собственность богачей). 12 июля 1345 г. Апокавк явился в свою тюрьму с инспекцией и вдруг оказался отрезан от телохранителей — ненавидевшие своего мучителя узники тотчас забили его собственными цепями.

К сожалению, османы расположили здесь пороховой склад, и в 1490 г. он взорвался, уничтожив 800 домов в округе. Так что точное местоположение Новой церкви неизвестно.

Двигаясь дальше вдоль морской стены на восток, мы видим, что там, где находится отель *Kalyon*, она прорезана множеством **окон**. Возможно, это был фасад дворца **Марины**.

Циканистирий

Когда в 9 часов вечера 23 сентября 867 г. император Михаил III погиб от руки своего доверенного человека, Василия Македонянина, “заговорщики пришли во дворец Марины. Перелезши через стену, они достигли Большого дворца. Стену закрывала плита, Василий и еще двое ударами ног сломали ее и проникли к воротам. Евлогий Перс обратился к етериарху Артавасду на их языке: “Михаил

убит мечем. Открой императору!” Артавасд бегом бросился к папию, силой отнял ключи и открыл. Оказавшись внутри, Василий тут же получил в руки все ключи”. Так рассказывает об этом событии хроника Георгия Монаха. Несчастный Михаил был оплакан лишь его матерью Феодорой, приехавшей для этого из монастыря Гастрия, где она за несколько лет до переворота приняла монашеский постриг (см. с. 399).

Самым восточным из относившихся к Большому дворцу сооружений был **Новый циканистирий**, то есть площадка для игры, очень напоминавшей поло. Располагался он где-то между мечетью *Akbıyık Camii* и нынешними воротами *Ahirkapı*. Кстати, османское название этих ворот — “Конюшенные” — свидетельствует о преемственности многих городских функций от византийских времен к турецким: ведь именно здесь были стояла еще во времена Михаила III. Циканистирий являлся тем местом, где народ мог приблизиться ко Дворцу с несколько неожиданной стороны. Например, когда был свергнут Роман Лакапин, в городе прошел слух, будто пострадал Константин Багрянородный, зять императора и законный василевс. Вот что рассказывает посол Лиутпранд: “Константин высунул голову с нестриженными волосами через решетку с той стороны, где тянется большой Циканистирий и, успокоив своим появлением народное волнение, убедил людей разойтись по домам”. Таким жестом багрянородный император продемонстрировал, что его не постригли в монахи.

Из этого эпизода мы заключаем, что Циканистирий находился под окнами Дворца. Позднее, уже приобретя опыт самостоятельного царствования, Константин написал труд “Об управлении Империей”, где среди прочего рассказал о том, как руссы добираются от Киева до Константинополя. Василевс явно сам спрашивал купцов о мельчайших деталях их многотрудного путешествия, и когда они рассказывали о том, как сильно сужается Днепр в районе первых порогов, император, видимо, поинтересовался, до каких размеров происходит сужение. Гости же, надо думать, просто показали рукой за окно и ответили, что “до ширины во-он того стадиона”. И Константин записал: “в ширину Циканистирия”.

Циканистирий, как мы уже видели, не был совершенно изолирован от Города, и потому в сомнительных случаях его можно было использовать для полупубличных акций: например, Анна Комнина рассказывает, что здесь ее отец, Алексей I, собирался заживо сжечь еретиков-богомилы, а императору Роману Лакапину снилось, что Циканистирий — это охваченное огнем адское пекло, куда бросают грешников. Проснувшись, василевс покаялся и велел себя высечь.

После переезда императоров во Влахерны Большой дворец приходил во все большую негодность. Например, однажды император Алексей III из-за неблагоприятного астрологического прогноза (см. с. 69) вынужден был откладывать возвращение во Влахернский дворец и ночевал в Большом. В ночь на 17 февраля 1201 г., по словам Хониата, “перед тем самым местом, где стояло царское ложе, вдруг открылась бездна, в которую упал и провалился пол комнаты. Между тем как царь чудесным образом спасся, его зять Алексей Палеолог и несколько других человек были увлечены вниз и потерпели сильные ушибы, а один внук убится до смерти”.

Историк Пахимер в XIV в. с горечью пишет, что при нем обвалились во время урагана стены великолепного зала Юстиниана, “так что теперь невозможно даже понять, что это была за постройка”. По словам же его младшего современника Григоры, “великолепные императорские здания почти все обвалились и превратились в отхожее место и выгребную яму для всякого, которому случалось проходить мимо”.

- Лиутпранд Кремонский. *Антаподосис*. М., 2006. 99
- M. Cunningham. *The life of Michael the Synkellos*. Belfast, 1991. 89–90
- Georgius Monachus. *Chronicon breve// Patrologiae cursus completus (series Graeca)*, v. 110. Paris, 1863. 1025, 1072, 1101–1104
- Michaelis Attaliothae *Historia*/ ed. I. Bekker. Bonn, 1853. 295
- Nicephori Gregorae *historiae Byzantinae*/ edd. I. Bekker, L. Schopen. Vol. 1. Bonn, 1829. 566–567
- Nikolaos Mesarites. *Die Palastrevolution des Johannes Komnenos*/ hrsg. A. Heisenberg. Würzburg, 1907. 28. 47.
- Theophanes Continuatus, *Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. 22, 844
- Theophanis *chronographia* / ed. C. de Boor. Vol. 1. Leipzig, 1883. 367, 492–3
- C. Laga. (ed.) *Eustratii presbyteri vita Eutychie patriarchae Constantinopolitani*. Turnhout, 1992.
- Г.Г. Литаврин. *К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги* // Г.Г. Литаврин. *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.)*. СПб., 2000. 360
- E. Bolognesi. *The Great Palace Survey. The Fourth Season* // 14 *Arastirma Sonuclri Toplantisi*, II. Cil., 1996. 19
- E. Bolognesi. *The Great Palace of Constantinople* // *Neue Forschungen und Restaurierungen im byzantinischen Kaiserpalast von Istanbul* / eds. W. Jobst, R. Kastler, V. Scheibelreiter. Wien, 1999
- E. Bolognesi. *Il Gran Palazzo* // *Bizantinistica*, II, 2 (2000)
- E. Bolognesi. *The monumental Itinerary of the Palatine Harbour of the Boukoleon* // 22. *Arastirma sonuclari toplantisi*. Konya, 2004. 52–56
- G. Brett, W.J. Macauley, R.B.K. Stevenson. *The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Oxford, 1947. 20
- G.U.S. Corbett. *The building to the north of the Boukoleon harbour called the "House of Justinian"* // *The Great Palace of the Byzantine Emperors*, 2nd report / ed. D. Talbot-Rice. Edinburgh, 1958. 168–193
- K. Dark. *Roman Architecture in the Great Palace* // *Byzantion*, 77 (2007)
- J. Ebersolt. *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies*. Paris, 1910
- J.M. Featherstone. *The Chrysotriklinos Seen Through "De Cerimoniis"* // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur* / ed. L. Hoffmann. Wiesbaden, 2005
- J.M. Featherstone. *The Great Palace as Reflected in the De Cerimoniis* // *BYZAS*, 5 (2006), 47–61
- J.M. Featherstone. *Di' endeixin: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis ii, 15)* // *The Material and the Ideal: Essays in Medieval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser* / eds. A. Cutler, A. Papa-constantinou. Leiden, 2007. 75–112
- J. Kostenec. *The Heart of the Empire: The Great Palace of the Byzantine Emperors Reconsidered* // *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire* / ed. K. Dark. Oxford, 2004. 4–36
- J. Kostenec. *Observations on the Great Palace at Constantinople: The Sanctuaries of the Archangel Michael, the Daphne Palace, and the Magnaura* // *Reading Medieval Studies*, 31 (2005), 42–45
- P. Magdalino. *Observations on the Nea Ecclesia* // *Jahrbuch für Österreichischen Byzantinistik*, 37 (1987), 51–64
- A.G. Paspattes. *The Great Palace of Constantinople*. London, 1893
- C. Mango. *The Brazen House. A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople*. Copenhagen, 1959
- R. Stichel. *Sechs kolossale Säulen nahe der Hagia Sophia und die Curia Justinians am Augusteion in Konstantinopel* // *Architectura, Zeitschrift für Geschichte der Baukunst*, 30 (2000)

Акрополь

Раскопки к северо-востоку от пурбе *Sultanahmet Camii* выявили остатки стен и апсид бани Зевксиппа. Теперь они, правда, вновь исчезли под газонами парка, который разбит к северу от Голубой мечети. Единственное напоминание о тех раскопках — общественная уборная, лестница которой до сих пор ведет желающих вниз, на “горизонт” Константинополя — однако ряды древних плит давно скрыты под современным кафелем.

Зевксипп

Зевксипп был древнейшей баней Константинополя. 11 мая каждого года, в ознаменование дня рождения Столицы, горожане имели право мыться здесь бесплатно. Сюда приходили болельщики с Ипподрома в перерыве между забегами. 3 июня 713 г. здесь был ослеплен заговорщиками император Филиппик

Император из Дворца обращается к народу на площади (Мадридский Скилица)

